

С.Н. БОРУХОВ

ЦУТЦВАНТ

Сергей Борунов

Цугцванг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70499230

SelfPub; 2024

Аннотация

Продолжение дебютной работы автора – фантастической повести «Ева». Первая межпланетная экспедиция человечества потерпела фиаско, но что будет с её участниками? Вернутся ли они домой или их ждёт другое будущее? Узники вечной жизни, томящиеся в виде своей электронной копии, грезят об освобождении, но чем им придётся пожертвовать ради спасения? Пришелец, которого невозможно отличить от человека, отправился на Землю. Сможет ли он справиться с трудностями, ожидающими его в пути? Как принять непростое решение, если невозможно найти компромисс между разумом и эмоциями? «Цугцванг» – это шахматная позиция, в которой любой следующий ход ухудшает позицию на доске. Именно в такой ситуации оказались герои этой истории, когда очевидное, на первый взгляд, решение влечёт за собой необратимые последствия.

Содержание

Глава 1. Телепортация	5
Глава 2. Живые и мёртвые	23
Глава 3. В плену	43
Глава 4. Проблемы прошлого, проблемы настоящего	61
Глава 5. Особенности перевода	83
Глава 6. Необоснованные требования	101
Глава 7. Внешность обманчива	124
Глава 8. Безмолвные разговоры	143
Глава 9. Случайные жертвы	163
Глава 10. Невероятные экскурсии	183
Глава 11. Холод	205
Глава 12. Побочные эффекты	221
Глава 13. За гранью	242
Глава 14. Муки выбора	269
Глава 15. Последний шаг	285
Глава 16. Взрывная речь	306
Глава 17. Чем больше вариантов, тем труднее выбор	322

Сергей Борунов

Цугцванг

НАЗВАНИЕ

Так было всегда: подлецы жили за счёт порядочных людей. Этот факт очерняет репутацию всего человечества – выходит, раз предводитель подонок, то и все остальные тоже. И к моменту, когда придёт время незваному гостю вершить судьбу человечества, желательно знать, что предводителей здесь, увы, не выбирают.

Те, кто всю жизнь не могли найти своё место на Земле, теперь, с одной стороны, имеют возможность обрести новый дом, с другой, у главной задачи в жизни больше переменных и неизвестных.

Что делать, когда тот, кем ты восхищался, оказался обычным человеком, не обделённым пороками? Как поступить, если чувствуешь, что более развитые миры, убежавшие на тысячелетия вперёд, пришли не туда, а жить в своём мире отныне невозможно? И что делать, если мудрейшие мира сего настаивают на абсолютно абсурдном решении? Довериться сердцу. Ведь что бы ты ни делал, если тобой движет добро, проиграть невозможно.

Глава 1. Телепортация

Солнечный жаркий день. Дикий безлюдный пляж приютил двоих влюблённых. Вдалеке изредка проплывают любительские яхты, нагоняя на берег волны. Ветер приклоняет высокую траву на берегу и задирает края покрывала, на котором расположилась молодая пара.

– Как здорово, что всё это в прошлом! Наши отношения как Солнце: раньше тускнели с каждым днём, а теперь снова ярко светят и греют сердца! – сказал парень, умиротворённо улыбаясь.

– Угу, – ответила девушка, не отрываясь от свежего романа.

– Как книга? – упорствовал молодой человек.

– Интересная.

– Я заметил, тебя от неё не оторвать!

– Угу.

– Ну, поговори со мной! Или пойдём купаться?!

– Угу.

– Что угу? Ты слышишь меня? Варя... – парень накрыл книгу ладонью.

И тут же ответил на порицательный взгляд нежным поцелуем.

– Саш, осталось двенадцать страниц! Дай дочитать.

– Хорошо. А потом – кто быстрее на другую сторону? –

задорно предложил Саша.

– Давай, – усмехнулась Варя.

Это были самые томительные двенадцать страниц в его жизни. Она была прекрасна, особенно в ярком солнечном свете. В её зелёных глазах играли блики света, пухлые, но аккуратные губы задумчиво изогнулись вниз, а густые брови хмуро сдвинулись к переносице. Он любовался ею, как картиной, а потом стал представлять, как они сбросят с себя одежду и кинутся в воду. Как он с трепетом обнимет её под водой и поднимет, не чувствуя веса. Как её мокрые волосы залепят всё его лицо, а сильные, но стройные ноги обовьют его бёдра. В его прекрасные мечтания вторгся не менее прекрасный голос:

– Ну что, погнали?

Он ничего не ответил, вскочил и стал на бегу раздеваться. Варя бросилась за ним. Едва добежав до уровня колен, Саша нырнул и почувствовал приятную свежесть прохладной воды на коже. Он активно работал руками, стараясь проплыть как можно дальше, чтобы произвести впечатление на девушку. Когда воздуха стало не хватать критически, он вынырнул, громко вздохнув, и обернулся – никого.

Он обнаружил, что проплыл внушительное расстояние, вынырнув почти на середине водоёма. Наверняка его подруга не смогла бы повторить такой нырок. «Нырнула дважды. Вот-вот покажется», – думал про себя Саша, но Варя всё не появлялась.

Он начал волноваться и поплыл обратно, глядя по сторонам. Вернувшись на треть расстояния, он стал активно нырять и всматриваться в мутную воду – никого. «Вот чертовка! Меня раззадорила, а сама не поплыла!» – игриво подумал парень и ушёл под воду в направлении берега.

Внезапно он услышал гул и испугался. Вынырнув, увидел, что прямо на него с огромной скоростью несётся яхта. Не растерявшись и прикинув её курс, он изо всех сил начал отплывать в сторону. Выбившись из сил и почувствовав себя в безопасности, он обернулся и с ужасом обнаружил, что яхта не только продолжала лететь на него, но и критически приблизилась. Он нырнул снова и, задыхаясь, поплыл в сторону, окончательно потеряв ориентацию. Уже под водой он почувствовал необычные завихрения, плыть стало тяжелее, а гул стал ещё громче. Он вынырнул и убедился, что яхта по-прежнему несётся на него.

Из последних сил он предпринял попытку спастись – бросился перпендикулярно курсу яхты и стал работать руками, как последний раз в жизни. Но гул всё нарастал и нарастал, пока окончательно... не разбудил его.

Так бывает часто, что реальные вещи интегрируются в сны. И если яхта была плодом воображения Саши, то гул был вполне настоящим. Только вот ревели не винты, а реактивные двигатели, с надрывом пытающиеся остановить падение станции.

Саша некоторое время пребывал в забытии. В голове всё

ещё оставался лёгкий холод, сохранившейся после кошмарного испуга. Он оглядывался по сторонам, но никак не мог прийти в себя.

Через несколько минут, несмотря на столь громкую работу двигателей, станция лихо влетела в поверхность планеты. Обшивка местами разлетелась, вся электроника ушла в перезагрузку, как и системы жизнедеятельности. Станция погрузилась во мрак. Наступила гробовая тишина. Саше казалось, что даже кровь, бегущая по его венам, ведёт себя вопиюще громко и вызывающе.

После перезагрузки станция объявила, что восемь отсеков разгерметизированы и небезопасны, на время проведения детального анализа атмосферы доступ туда ограничен. После включился резанувший глаза свет. Не дав пассажирам прийти в себя, система продолжила доклад:

– Перелёт по указанным координатам осуществлён. Отклонение одна тысяча двести метров. Двигатели в норме. Уровень заряда сорок процентов. Анализ атмосферы завершён на пятьдесят процентов. Движущиеся объекты в радиусе трёх тысяч метров не обнаружены.

Лесорубы стали активно отстёгивать ремни и вставать с кресел. Едва вспомнив навыки прямохождения и наскоро размяв свои поясницы, они бросились к иллюминаторам, чтобы хотя бы визуальным образом встретиться с родной землей.

Так продолжалось до тех пор, пока у Саши не возникли определённые подозрения. Зачем делать анализ атмосферы

Земли? Ведь наверняка в памяти пульта управления хранится взаимосвязь состава атмосферы и координат. Возможно, это глупый просчёт инженеров, или станция грохнулась совсем не туда.

Разглядывая через иллюминатор высокую зелёную поросль, занимавшую весь обзор, Саша вдруг вспомнил доклад бортовой системы и ужаснулся. На взлёт и разгон тратится десять-пятнадцать процентов заряда, ещё пять на торможение. А при вылете станция была заряжена на пятьдесят три процента! Нетрудно подсчитать, что, судя по энергозатратам, они только взлетели и тут же приземлились.

Саша предположил, что начальник экспедиции решил переместить станцию на другую локацию для дальнейших исследований. Но тогда анализ атмосферы опять-таки не совсем логичен. Своими наблюдениями он поделился с товарищами, и уже через несколько минут вся станция гудела от споров и рассуждений. Вскоре весь этот переполох привёл к очевидному ответу: если кто и может дать развёрнутый ответ на вопрос, где и зачем приземлилась станция, то только начальник станции.

Делегация из десятка бывших лесорубов и охранников бросилась в покои начальника «ЗОИ». Они застали его сидящим в кресле, ещё пристёгнутым и неподвижным, и стали с порога заваливать вопросами.

– Где мы?

– Почему так жёстко приземлились?

– К чему этот внезапный перелёт?!

Вениамин хранил молчание и невозмутимый вид, очень раздражая тем самым своих непрошенных гостей. Когда обстановка накалилась до предела, и его уже готовы были принудительно отстегнуть и допросить с пристрастием, в ситуацию вновь вмешалась бортовая система:

– Анализ завершён. Состав атмосферы пригоден для дыхания. Все блокировки сняты.

После короткого, но ёмкого доклада станция ушла в режим ожидания, а Вениамин Леонидович резко встал и молча направился к основному шлюзу. К нему так же безмолвно присоединились Глеб и Макар. Все трое, находясь под прицелом изумлённых взглядов, остановились в шаге от шлюзового портала и замерли.

Вениамина вновь стали засыпать вопросами, но он не обращал на них никакого внимания. Лишь Макар и Глеб периодически злобно косились на чрезмерно любопытных товарищей.

Когда пыл людей утих, троица осталась в одиночестве стоять у шлюза. Остальные постепенно разошлись. Кто-то продолжил бездумно тарашиться в иллюминатор, другие попытались самостоятельно выяснить, куда переместила их станция, а некоторые, проголодавшись, отправились в столовую. Однако очередное включение бортовой системы вновь заставило всех прильнуть к прозрачным стёклам:

– Обнаружены движущиеся объекты. Внимание! Обнару-

жены движущиеся объекты.

Очередной град вопросов и требований объяснений ни к чему не привёл. Трое подорожали неподвижно стоять у шлюза и смотреть в никуда. Многие пытались разглядеть, кто к ним пожаловал, но через небольшие проёмы ничего не было видно. И тут вновь включилась система:

– Попытка захвата управления. Внимание! Попытка захвата управления. Повторяю: попытка захвата управления.

Народ тут же запаниковал. Словно муравьи раскуроченного палкой муравейника, все заметались по сторонам, не понимая, что делать. Все, кроме троицы возле шлюза – они продолжали спокойно стоять, словно их это вообще не касалось.

Недоумевающий народ начал кричать, предлагать убираться куда подальше. Всех почему-то обуял страх. Никто не верил, что за бортом их с почестями, как героев, встречают земляне. И когда паника достигла предела, Вениамин вдруг закричал:

– Замолчите! Ваш шум невыносим! Вы мешаете нам!

Все замерли на какое-то время, а потом послышались ироничные высказывания:

– Мешаем созерцать пустоту? Или следить, чтобы двери шлюза ненароком не сбежали? Что ж, простите. Мы постараемся не мешать столь важному занятию, пока нас будут убивать!

Вениамин взорвался:

– Вы глупые и недалёкие существа! И это факт, раз вам кажется, что мы бездельничаем.

– Может, потрудитесь объяснить, что, вообще, происходит, где мы и что за объекты к нам приближаются? – вмешался в разговор Саша.

– Нет. Я не собираюсь ничего объяснять. У меня нет на это времени.

– Что значит, нет времени? Мы, вообще-то, члены экспедиции и должны знать, к чему готовиться.

– Какая экспедиция? Я никого не звал с собой, вы сами напросились, так закройте свои рты и охладите головы!

Толпа оцепенела от такого заявления, а через мгновение загудела так, что ситуация оказалась на грани бунта. Почувствовав это, слово взял Макар. Он поднял руку вверх и, дождавшись тишины, спокойно сказал:

– Господа, мои напарники были против, но я вижу, что иначе нельзя. Мы жители планеты, именуемой вами Ева. Мы временно внедрились в тела ваших людей, чтобы решить одну непростую проблему. Если вам дорога жизнь, и вы планируете вернуться, прошу вас, прекратите панику и постарайтесь ни о чём не думать.

Наступило недолгое затишье. В глазах людей видно было замешательство. Они смотрели друг на друга и недоумевали, не зная, что ответить. Но решительнее всех был настроен Тимофей – молодой атлетичный охранник, который прежде яро поддерживал любую инициативу Вениамина:

– Прекрати пудрить нам мозги! Отвечай, куда мы приземлились? Кто пытается захватить управление станцией. К чему готовиться?

– Я и так сказал вам больше, чем стоило. Настоятельно рекомендую вам всем умолкнуть, – теряя терпение, ответил Макар.

– Сейчас ты умолкнешь! – буркнул Тимофей и размашисто ударил его в ухо.

С трудом, но тот устоял на ногах.

Толпа лесорубов позади Тимофея в испуге замерла. Мо-

лодой учёный, быстро придя в себя, двинулся на своего обидчика. Саша и ещё несколько человек его опередили и попытались остановить, но Макар стал так легко их разбрасывать по сторонам, что остальные, переглянувшись, невольно попятились. Сомнения по поводу инопланетного вселения в тела землян стали постепенно развеиваться.

Саша, пока был опрокинут на лопатки, краем глаза увидел, что Тимофею приходится туго. Он пропустил пару крепких ударов в лицо, затем в живот. Согнувшись, бывший охранник застонал и упал на колени, а Макар безжалостно нанёс ещё несколько ударов по капитулировавшему сопернику. Наверно, он забил бы его до полусмерти, если бы не вмешался Глеб. Он молча схватил своего коллегу за рукав, и избивение тотчас прекратилось.

Среди этой троицы всё перевернулось с ног на голову. Начальник экспедиции вёл себя вспыльчиво и неуверенно, Макар казался рассудительным и грозным, а Глеб был безоговорочным авторитетом. В жизни было всё наоборот. После этой неприятной сцены лесорубы поверили в версию Макара и испугались ещё сильнее.

Только что безжалостно избивший человека учёный, будто почувствовав настроение толпы, вдруг переменялся в голосе:

– Господа, в ваших же интересах прекратить конфликты и панику. Мы не предоставляем для вас никакой угрозы. Окажите нам содействие – и всё закончится благополучно.

Глеб стоял рядом и одобрительно кивал головой. Казалось, ему не хотелось опускаться до общения с землянами, настолько заносчиво он выглядел в тот момент.

Лесорубы слегка поутихли, особенно когда Макар помог Тимофею подняться и поинтересовался его самочувствием. Вениамин поспешил к шлюзу и, едва он занял исходное положение, двери со скрежетом распахнулись. Макар, Глеб и начальник станции бросились к пультам управления.

Там трясся от страха молодой паренёк, Платон, оказавшийся в экспедиции в качестве медбрата.

– Что ты творишь? – крикнул разъяренный Макар.

– Я... я не хотел. Я даже не знал, как двери открываются, – медик был явно растерян и не на шутку напуган.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворил? – продолжал нагнетать учёный.

– Я не хотел, клянусь! Не понимаю, как это всё произошло!

Макар двинулся на него, не в силах совладать с гневом, но вновь почувствовал крепкую хватку на рукаве. Глебу достаточно было взглянуть на своего коллегу, чтобы тот успокоился.

– Я был не в себе. Я не знаю, что случилось, – чуть не плача продолжал оправдываться Платон.

– Это не он, – вмешался подоспевший Вениамин. – Похоже, его заставили сделать это. Переговоры придётся вести на их территории.

– Какие переговоры?

– О чём речь?

Снова посыпались удивлённые вопросы и испуганные возгласы. Тогда впервые с момента переселения заговорил Глеб:

– Всё, что вам необходимо знать, это то, что нация снаружи миролюбивая. По крайней мере, так было чуть больше тысячи лет назад, когда я последний раз был тут. Есть вероятность, что они изменились не в лучшую сторону. Нам остаётся только надеяться, что этого не произошло.

– Умоляю, – окончательно потеряв мужество, завопил Платон, – скажите – что, если они изменились? Что с нами будет?

– Ваша смерть – последнее, что их интересует.

– И всё-таки, Глеб, кем бы ты сейчас ни был, ответ: где мы? – вмешался Саша.

– Вы назвали эту планету Кармен.

Робко переминаясь с ноги на ногу, члены экспедиции всматривались через открытые двери шлюза в заросли, открывшиеся их взору. Никто не рисковал сунуться наружу, а Вениамин стоял неподвижно, зажмурив глаза, с гримасой сильнейшего умственного напряжения на лице.

– Это не может продолжаться вечно! Либо летим в безопасное место, либо набираемся смелости и выходим, – предложил Тимофей. – Чего мы, как испуганные мыши, пы-

тающиеся стащить кусочек сыра из кладовки?!

– Самое страшное, что может случиться с мышью – мгновенная смерть от тапка или мышеловки. Но скорее всего, ей удастся удрать, – возразил Саша. – А здесь у меня такой уверенности нет.

– И сколько мы будем тут сидеть и бояться? – спросил охранник и, не дождавшись ответа, вышел наружу под тревожные возгласы всей экспедиции.

Тимофей осмотрелся по сторонам и сделал характерный жест остальным членам экипажа – всё в порядке. Затем он развернулся и пошёл дальше. Остальные быстро потеряли его из вида среди густых сочных растений, похожих на те, что растут на Земле в тропиках.

То ли его храбрость оказалась заразной, то ли всем стало стыдно за свою робость, или, может, кто-то испугался за жизнь Тимофея, но, так или иначе, один за другим люди стали выходить из станции, с любопытством и опаской озираясь по сторонам. Никаких захватчиков, никаких существ, ничего, что могло нести хоть какую-то угрозу.

Спустя несколько минут полторы сотни человек с интересом рассматривали местную природу, будто забыв о возможной опасности. Только трое инопланетян, вселившихся в тела землян, продолжали стоять неподалеку от шлюза и, закрыв глаза, изображали активную умственную деятельность.

Когда бдительность окончательно сошла на нет и уже стали поступать предложения развести костер и разогреть пюре

из каштанов с Евы, Макар неожиданно открыл глаза и начал кричать:

– Назад, все на станцию, быстро! Никаких костров, никаких обедов, все бегом на станцию, это не шутка!

Орал он так, что ни у кого и мысли не возникло, что он шутит.

Все опрометью бросились спасать свою жизнь от неизвестной опасности, которая, впрочем, мгновенно себя проявила. Саша почти сразу был сбит с ног более расторопным членом экспедиции и, поднявшись с земли, обнаружил, что бежать уже некуда. Вокруг него образовалась сплошная высокая преграда в виде уже знакомых частиц, активно роящихся вокруг него.

Сквозь них было видно, что на остальных также набрасывались электронные ловушки. Оценив происходящее, Саша предпринял отчаянную попытку прорвать оцепление и что было сил ринулся вперёд. Стена светлячков выдержала, одарив его потоком обжигающего, колючего холода, от которого у лесоруба закружилась голова.

У остальных тоже ничего не получалось. Они безрезультатно бились о рой, тот их останавливал, жалил и мгновенно перегруппировывался, готовясь к новой атаке. Послышались мольбы о помощи и гневные ругательства в адрес неизвестных.

Саша осторожно прикоснулся рукой к этой живой стене – никаких болевых ощущений и сопротивления. Светляч-

ки едва ощутимо касались его ладони и тут же отстранялись, сохраняя при этом целостность конструкции. «Чудеса», – подумал он и вдруг осознал, что совсем не напуган. Удивившись собственному хладнокровию, он начал смотреть сквозь изгородь на своих товарищей. Все, кто попался в западню, пытались прорваться наружу. Всякий раз их план проваливался. Незвестные частички жёстко пресекали попытки пройти сквозь их редут, каждый раз тем сильнее «обжигая» узника, чем яростнее он в них врезался. Саша бросил взгляд наверх и увидел, что «светлячки» не смыкались над его головой, а выстроились в чёткий цилиндр, вершину которого он даже не смог разглядеть. Выбраться невозможно.

Несколько часов в заточении он провёл, наблюдая то за глупостью и упрямством некоторых членов экспедиции, продолжавших попытки бегства, то за движением светлячков. Саша обратил внимание, что у их хаотичного, на первый взгляд, движения есть одна закономерность. Частички выныривают из-под земли и, вырисовывая замысловатую траекторию, со временем улетают наверх, будто меня друг друга. При этом они ведут себя как живые: осторожно облетают своих соседей и не причиняют вреда напрасно. Саша сел и без каких-либо последствий опёрся спиной об эту живую стену.

Но его спокойствие быстро развеялось, когда он увидел несколько силуэтов, стремительно приближающихся к ним. «Это конец», – подумал он и закрыл глаза, пытаясь приоста-

новить накатывающую волну страха. К его «клетке» вплотную приблизился кто-то, очень похожий на человека. Абсолютное отсутствие каких-либо черт делали незнакомца похожим на манекен. Едва силуэт шагнул к Саше, светлячки осторожно обогнули его тело, и оно беспрепятственно проникло внутрь. Сердце лесоруба бешено билось от страха.

«Поднимись», – вдруг чётко прозвучал в его голове властный женский голос. Он открыл зажмуренные от страха глаза и увидел просто невероятно красивую женщину. Её лицо скрывал особый костюм, как позже догадался Саша. Абсолютно чёрный, он, словно живой, опустился до шеи, предоставив незнакомке возможность показать своё лицо.

Землянин встал, едва сохраняя самообладание, и вытянулся, будто кто-то скомандовал «смирно». Женщина улыбнулась и несколько минут методично разглядывала гостя. Потом, подойдя вплотную, нежно положила руки Саше на виски. Он смотрел ей прямо в глаза, и в его голове невольно промелькнуло: «Какая красивая». Ему показалось, что после этой мысли улыбка на её лице стала чуть шире. И, пристально вглядываясь в прекрасное лицо, будто стараясь его запомнить, Саша стал терять сознание. Вокруг всё потемнело. Земля ушла из-под ног, и он рухнул, как подкошенный. Но во тьме, залившей его глаза, продолжало сиять её лицо.

– Это тоже не он, – сквозь обморок слышал Саша. – Унесите.

Чьи-то крепкие руки подняли его. «Что значит, «уноси-

те»? Зачем? Куда? Меня что, убили?» Сохранившая способность мыслить часть мозга непроизвольно стала прокручивать вопросы, на которые в данный момент Саша больше всего хотел получить ответы. Но вместо этого было только её лицо, плавно исчезающее во мраке.

Глава 2. Живые и мёртвые

Фёдор лез на утёс, чтобы снять висевших на нём его друзей. Глаза заливали слёзы, но он изо всех сил старался держаться. Разрезая верёвку, представлял, как рухнет бездыханное тело на землю, и тут же жалел об этом – слёзы наворачивались только сильнее.

Внизу его ждал Тарас Петрович. Он, не дотягиваясь даже до ног повешенных, собирался ловить тела. Фёдор, расправившись с первой верёвкой, удивился, как легко он её удерживает, а затем крикнул:

– Петрович, готов? Я отпускаю.

– Давай! – тут же послышался голос снизу.

Старик готовился к худшему. Поймать живого человека – это одно, совсем другое – мёртвого и, возможно, мёртвого не первый день. Подняв руки, он готовился столкнуть тело в сторону, смягчив удар о землю, и отпрыгнуть. Едва он прокрутил в голове этот вариант, как труп Марка обвалился на него.

Растерявшись, Петрович только прикрыл голову руками, готовясь получить серьёзную травму, но вместо этого почувствовал знакомый, слегка обжигающий холод по телу. А через мгновение увидел, как «труп» его друга, пролетая сквозь него, рассыпается.

Старик был в недоумении. Он смотрел на то место, куда

только что рухнуло и где исчезло тело человека. Затем на-
верх, где продолжали висеть ещё трое. Тут же вновь прозвучал
голос Фёдора:

– Петрович, ты готов?

Старик не сдвинулся с места, и, бросив косой взгляд на
Ивраоскаря, крикнул:

– Да, отпускаяй!

Его бывший напарник, с которым он когда-то рубил лес,
безобидный коротыш Тибо, с петлёй на шее рухнул вниз и,
точно так же разлетаясь на частички, исчез. Тарас Петрович
испытал сначала радость, потом злость и возмущение. Разве
можно так шутить? А вскоре до него дошло, что, возможно,
это вовсе не шутка, а реальное предупреждение, и что его
друзей действительно уже нет в живых. Но где тогда остальные?
Где станция? Мысли закружились, вгоняя его в состо-
яние лёгкой паники, пока знакомый голос не вернул его к
реальности:

– Готов?

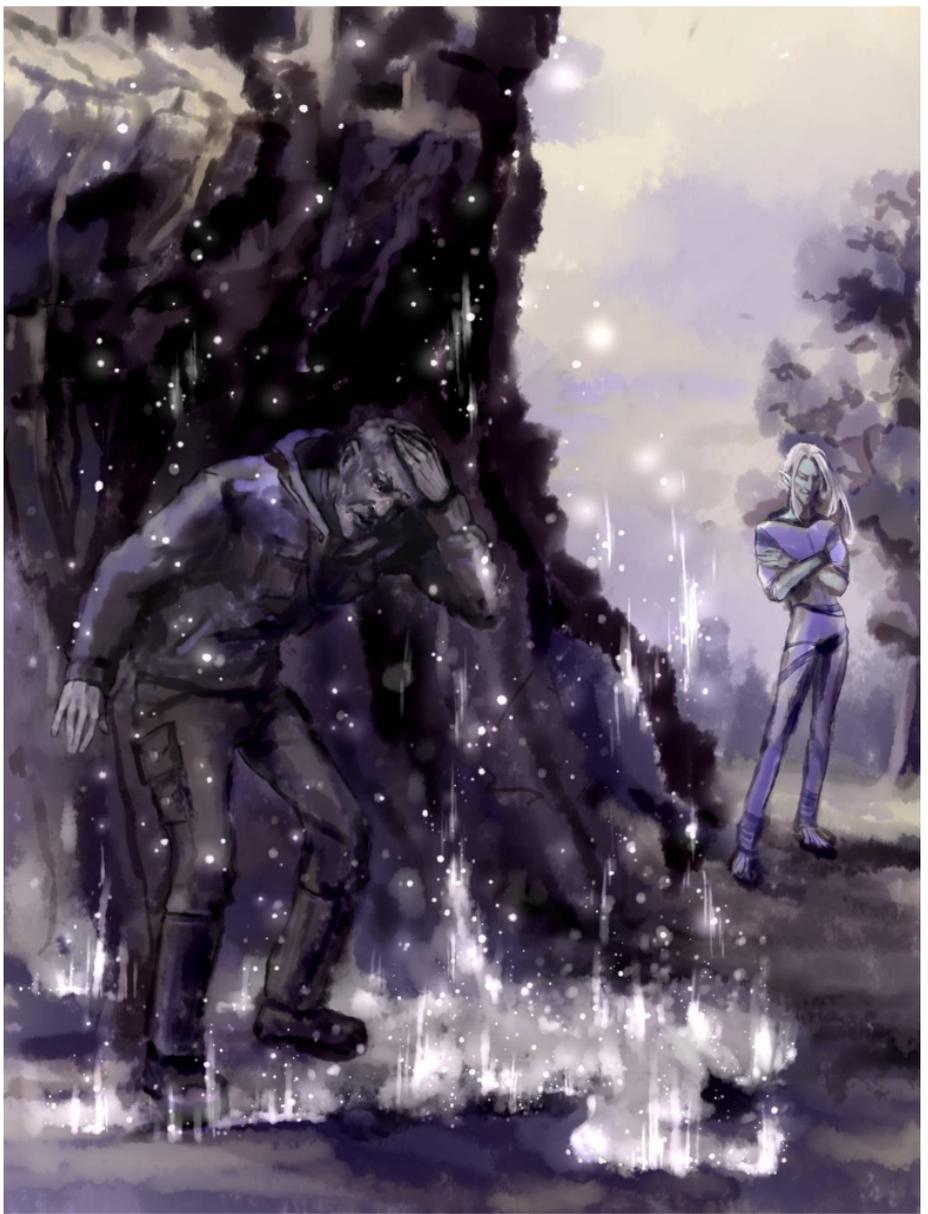
Старик даже вздрогнул, но тут же машинально ответил:

– Давай!

На этот раз Тарас Петрович не стал наблюдать за падени-
ем Степана. Он направил строгий взгляд на Ивраоскаря и
«посылал» ему свои мысли: «Ты знал и молчал? Сволочь!»
Лингвист наблюдал за землянами с лёгкой улыбкой на лице.
И, уловив возмущение старика, тут же стал оправдываться:

– Ну, простите меня! Я дал слово молчать.

– Кому?! – теряя терпение, крикнул старик.

– Ему! – Ивраоскарь растянул улыбку ещё шире и указал пальцем на висящего в петле Михея.

– Михею? Так он живой? – обрадовался старик.

В этот момент послышался крик с утёса:

– Что за чертовщина! Не поддаётся!

Петрович бросил взгляд наверх. Фёдор что было сил терзал верёвку. Михей достаточно реалистично болтался в петле, чтобы быть живым.

– Оставь как есть и спускайся, – крикнул старик и повернулся.

Ивраоскарь продолжал раздражающе улыбаться, а вдалеке, за его спиной, образовались знакомые фигуры.

– Как спускаться? А тело? – спросил Фёдор, и в этот момент верёвка рассыпалась в его руках.

А частицы, из которых она состояла, выписали озорное па и мгновенно скрылись. Атлет бросил удивленный взгляд вниз. Тел не было. А Петрович энергичным жестом предложил ему как можно скорее спускаться и тут же отвернулся.

Спускаясь, Фёдор услышал восторженные возгласы, а, выйдя из-за утёса, увидел, как Петрович обнимается с кем-то. В душе атлета потеплело, появилась надежда на лучшее. Приблизившись на несколько шагов, он стал узнавать подошедших: Степан, Марк, Тибо, Николай и Михей! Вот же подонки! Все целы и невредимы! Разве можно так над людьми издеваться? Мысли Фёдора постепенно стали вырываться

наружу в виде обиженных возгласов:

– У меня чуть сердце от досады не разорвалось! Хотел даже прыгнуть оттуда и разбиться к чертям!

Возмущаясь, Фёдор, отвесил мощный подзатыльник Ти-бо, тот от неожиданности даже подпрыгнул. Потом под руку попал Марк, которому прилетел удар в плечо. Фёдор перевёл взгляд на Михея, но не рискнул связываться с ним, побоявшись отточенных рефлексов разведчика. Он горячо обнял его и гораздо сильнее, чем принято, похлопал по спине.

– Ненавижу вас! – расплываясь в улыбке, сказал Фёдор. – Но безумно рад видеть живыми!

Череду объятий и рукопожатий прервал Ивраоскаръ. Он наблюдал за происходящим с притворной улыбкой, а затем неожиданно заявил:

– Познакомьте меня с ней.

– С кем?! – чуть ли не в один голос воскликнули Тарас Петрович и Фёдор.

– С Анной. Так ведь она вам представилась?

Михей нахмурился и с недоверием уставился на лингвиста. Марк откашлялся и, пытаясь исправить ситуацию, громко и ясно объявил:

– Хочу вас познакомить с самым уникальным, чутким и умным собеседником в моей жизни. Анна. Вообще-то, она не Анна, но всем представляется именно так.

Марк, явно гордившийся этим знакомством, указал рукой в пустоту, где через мгновение образовался образ Анны. Фё-

дор и Тарас Петрович округлили глаза и слегка вздрогнули от удивления. Остальные даже глазом не повели. Казалось, что для них она всегда там стояла, и, по подозрению старика, так оно и было. Удивила только пронизательность Ивраоскаря, причём не только землян, но и саму Анну.

Они несколько секунд пристально смотрели друг другу в глаза. Не было никаких сомнений, что в этот момент между ними произошёл диалог, который у обычных людей занял бы пару часов. Первой отвернулась Анна, вскользь посмотрев на Михея.

Тарасу Петровичу не потребовалось много времени, чтобы понять, что тут творится. У капитана разве что на лбу не было написано: «Я от неё без ума». Поэтому, решив снять напряжение, он начал диалог в «человеческом» стиле:

– Ну что, друзья, рассказывайте! Что вы тут без нас творили, куда дели станцию и зачем так жестоко разыгрываете старого человека?

– Прости, Петрович, – улыбаясь, ответил Марк и, указав рукой на разведчика и инопланетную женщину, продолжил: – Это всё они.

– Признаюсь, идея была моя! – подхватила беседу Анна, правда, в своей манере, не произнося ни слова. – Мне показалось это... Послушай, Фёдор? – она вдруг неожиданно прервалась и обратилась к бегуну. – Если тебе что-то не нравится, имей смелость прямо заявить об этом. И чтобы сэкономить твоё время, сразу отвечу: «по-нормальному» я не мо-

гу, не владею ни диафрагмой, ни голосовыми связками, ни, в конце концов, ртом.

Все с укором уставились на атлета. Особенно тяжело было выдержать взгляд Михея. Фёдор оконфузился, и, не зная, что делать, молчал, перебегая с одного осуждающего взора на другой.

– Простите его несдержанность! – вновь неожиданно заговорил Ивраоскарь, тут же попавший под недоверчивое наблюдение разведчика. – По сравнению с нами он ведь совсем молод. Разве мудро сердиться на юношескую непосредственность? К тому же он ещё не научился контролировать свои эмоции и мысли. Не стоит на него гневаться.

Фёдор смущённо молчал. Михей хотел было что-то сказать, но его перебил Петрович:

– Я вот тоже ещё очень молод, и тоже позволю себе некультурный вопрос: сколько вам лет, если, выглядя как модель с обложек журналов, вы считаете моего друга чуть ли не маленьким ребёнком?!

– Мне? Пара тысяч, – ответила Анна.

Фёдор и Тарас Петрович открыли от удивления рты. А Ивраоскарь обрадовался, расплылся в улыбке и заверещал:

– Не может быть! Мы с вами практически ровесники!

На этот раз рты раскрыли все присутствующие.

– Но как? Анна-то электронная, а вы нет! – удивлённо спросил Марк.

– А вот так. Разрешите представиться, Ивраоскарь – луч-

ший лингвист во Вселенной, по крайней мере, среди мирного населения.

– Рада знакомству, – ответила Анна и вновь бросила мимолётный взгляд на Михея.

– Мы вас ждали, – вмешался коротыш Тибо. – Пойдёмте, нам есть чем вас удивить!

Тарас Петрович с Фёдором переглянулись, и старик с улыбкой воскликнул:

– Поверьте, нам тоже!

Они обогнули утёс, свернули вглубь леса и прошли около двух километров, прежде чем их взору открылся новый лагерь людей. Он состоял из шести крохотных хижин, сооружённых из корней и небольших камней. Смотрелось это довольно неплохо. В центре хижин располагался импровизированный камин, в котором озорно трещали «светлячки» – личный подарок от Анны. Вся мебель была сплетена всё из тех же корней, которые в некоторых местах едва заметно сказочно мерцали. Одним словом, из непрошенных гостей земляне превратились в полноправных жителей Евы.

Всю дорогу до лагеря Анна молча «шла» рядом с Михеем, хотя он был уверен, что она в тайне от остальных беседует с Ивраоскарем. «И зачем только Петрович его притащил?» – спрашивал про себя Михей, напрочь забыв, что, как минимум, двое из присутствующих его понимают.

Они расположились возле уютного очага с накрытым столом и приготовленными по старинным рецептам Анны яст-

вами. Аромат, похожий на кофе, сводил с ума. Тибо, который, по всей видимости, был су-шефом инопланетного шеф-повара, сиял от гордости и предвкушал интересную беседу.

– Мы как боевые средневековые герои со страниц приключенческих романов, – заявил он, – встретились в таверне, чтобы наесться и обсудить последние новости из далёких краёв.

– Точно! – подхватил Марк. – Не хватает только кельтской музыки.

– И выпивки! – добавил Степан.

– Кому тут не хватает выпивки? – улыбаясь во весь рот, спросил Фёдор, доставая из рюкзака несколько бутылок и передавая их товарищам. – Вот это – вещь, вино, если классифицировать по земным понятиям, под названием «Акрострамазия». Его делают из плодов акрастры. Я понятия не имею, что это такое, но был очень впечатлён: оказывается, эти плоды созревают целых четверть века. Вы только представьте!

– Там и сутки длятся несколько недель! – вмешался Ивроскар. – И живут там по полторы, а то и по две тысячи лет. Так что это всего лишь вопрос восприятия.

Все бросили на лингвиста презрительный взгляд. А атлет продолжил знакомить присутствующих с ассортиментом.

– Вот это – моё любимое, «слеза А'круула», – он продемонстрировал небольшой пузырёк.

Тибо выхватил его и начал возмущаться:

– Он же пустой! Тебе эти слёзы так пришлись по душе, что ты по дороге всё выпил?

Под дружеский смех Фёдор демонстративно снял крышку, вручил ёмкость Тибо и предложил:

– Глотни-ка!

Тибо поболтал бутылку, обнаружил, что она полная, и стал осторожно подносить горлышко к губам.

– Не надо! – резко прервал его Петрович. – Фёдор, болван, вспомни себя! Тебе весело было?

– Что? Ты что, готов был молча меня отравить? – обиженно завопил Тибо.

– Да ничего с тобой не случилось бы! Но глаза бы на лоб повылазили, – смеясь, ответил Фёдор и забрал бутылку. – Его нужно обязательно разлить по стаканам, чтобы выветрилось какое-то вещество. Я сдуру шарахнул из горла, так чуть не задохнулся. Там не то, что вкус – почву под ногами чувствовать перестаёшь на пару минут. Потом отпускает. А вот это – самая диковинная штука! Это твёрдый ром. Ну, или не ром, но, короче, он сладкий, как халва, а хмелеешь с него, как с дедовской самогонки.

Фёдор достал ещё несколько бутылок, сопровождая каждую кратким комментарием, основанным на своем горьком, или не очень опыте. Дополнив всё это безобразное разнообразие диковинными закусками из разных уголков вселенной, он, наконец, сел и спросил:

– С чего начнём?

Сделав непростой выбор, каждый занял место на пеньке за большим каменным столом. Там, где ещё несколько месяцев назад шла вырубка, где каждый землянин со страхом всматривался в лес, боясь возмездия, сейчас шла дружеская пирушка. Представители трёх разных цивилизаций беседовали и смеялись за одним столом. Впервые за долгое время, ненадолго, они были счастливы.

Открыв глаза и осмотревшись по сторонам, Саша практически не заметил разницы. Ничего не видно, за исключением едва уловимого прямоугольного контура бледно-сиреневого цвета. Лежал он, по ощущению, на добротном, но очень низком матрасе. Слегка переместив ногу в сторону, коснулся ею чего-то холодного. Сразу стало ясно, что ботинок на нём нет, как, впрочем, и «земной» одежды. Он был одет в безвкусную серую робу, похожую на льняной мешок, и такие же брюки. Саша вскочил и пошарил вокруг руками. Ничего, только матрас и холодный пол вокруг.

Вскоре его глаза привыкли к почти кромешной тьме, и он стал различать окружающее. Вокруг со всех сторон аккуратными ровными рядами располагались такие же матрасы. Некоторые были пусты, на других кто-то лежал. Ни стен, ни решёток видно не было.

Саша решил попробовать встать. Холод от пола создавал ужасный дискомфорт. «Неудивительно, что тут нет решё-

ток», – едва подумал он, как вдруг его ослепил яркий свет.

Он зажмурил глаза, прикрыл лицо руками и испуганно попятился. Уперевшись в тёплый матрац, он сел и стал сквозь слёзы осматриваться.

Свет шёл отовсюду, и потребовалось некоторое время, чтобы понять, что отсутствие решёток – иллюзия. На самом деле, со всех сторон, как и прежде, его окружает стена из «светлячков». Только теперь не среди леса, а в каком-то огромном ангаре, которому конца и края не видно. Похоже, «живая изгородь» и впрямь весьма умна: засыпает вместе со своим узником, экономя энергию, и просыпается в то же мгновение, едва он решает сбежать.

Зато теперь, при этом ярком свете, он смог спокойно рассмотреть всех, кто вместе с ним находился в заточении. Через два ряда от него лежал Роберт, руководитель учёной группы, рядом с ним двое его подопечных – геологи Виктор и Арсений. С другой стороны, в соседнем ряду сладко спал Тимофей, у которого заметно посинело под глазом после его стычки с Макаром. В общей сложности Саша насчитал человек сорок. Однако большая часть «камер» пустовала.

Пересчёт членов экспедиции, находящихся вместе с ним в плену, быстро надоел Саше. И тогда ему пришла в голову идея провести эксперимент. Что если притвориться спящим? Огоньки тоже погаснут? Или же разоблачат его план? Стоит попробовать.

Он лежал и думал обо всём подряд, начав с последних со-

бытий на станции, а затем невольно придя к воспоминаниям о возлюбленной. Светлячки лениво кружились, даже не думая гаснуть. «А если ни о чём не думать?» – подумал про себя Саша и тут же понял, что это безумно тяжело.

Он начал считать свои вдохи и выдохи, стараясь отгонять от себя любые мысли. На третьей сотне циклов дыхания ему показалось, будто стена светит уже не так ярко. Но акцентирование внимания на этом факте грозило провалом всего опыта, поэтому Саша продолжил считать. До тех пор, пока стены вокруг него не погасли окончательно. Произошло это через несколько мгновений после того, как бывший лесоруб крепко уснул.

Разбудил его, как и в прошлый раз, свет ярко вспыхнувших светлячков. На этот раз их взбудоражило появление кого-то снаружи. Саша, едва успев прийти в себя, услышал звук приближающихся шагов. Живые стены вокруг загорались одна за другой, сгоняя с заключённых сон.

Он видел, как один из тех, кто их пленил, зашёл к Роберту, двоих учёных оставили без внимания. Одна фигура повернула в проём, где находился Саша, и ещё один – в следующий. Перед лесорубом предстал очередной манекен, тёмно-чёрный, матовый, словно пластиковый. Мужчина это, женщина, да и, вообще – человек ли? Не разобрать.

Пластиковый панцирь магическим образом вновь сполз с головы до шеи, и Саша узнал ту самую женщину, которая пленила его и заставила уснуть на неопределённое время.

«Имя», – вдруг прозвучало в его голове. Саша замаялся и зачем-то стал говорить вслух:

– Странно, что вы это спрашиваете. Ну, Сашей, меня зовут, будто бы вы этого не знали.

На лице женщины не отразилось не единой эмоции. Это слегка пугало землянина, и он решил разрядить обстановку:

– А как ваше имя?

Незнакомка долго смотрела на него, будто принимая решение, познакомиться или отправить куда подальше. Но всё-таки ответила:

– Ли-аостокас. Тебе разрешаю называть меня Ли-а.

Она взглянула на него, игриво прищуриив глаза, и улыбнулась. Саша был очарован её улыбкой. Он готовился пустить в ход всё своё чувство юмора, но её вдруг окликнули. Она мгновенно посерьёзнела, бросила взгляд в сторону камеры, где находился Тимофей. Пластиковая чешуя молекула за молекулой покрыла её голову, и она ушла.

Ли-а направилась к Тимофею. Вскоре туда пошёл и первый манекен, оставив наедине с самим собой удивлённого Роберта. Сквозь стену светлячков Саша наблюдал, как Ли-а что-то оживлённо обсуждает с двумя другими незнакомцами. В какой-то момент она бросила мимолётный взгляд на Сашу, и частички засияли так ярко, что лесоруб с трудом сохранял глаза открытыми. Что происходило в «камере» с Тимофеем, больше не было видно.

Она вернулась через несколько минут. Появившееся из-

под черноты лицо было серьёзным и хмурым. Саша сразу заметил эти перемены и осторожно поинтересовался:

– Что-то случилось?

– Да. Ты у нас в плену, – ответила Ли-а. Она на миг вновь подарила лесорубу свою улыбку и тут же строго добавила. – Вы его били?

– Я? Нет! Он повздорил с одним из членов нашей экспедиции, – смущаясь, ответил Саша.

– Экспедиции?

– Да. Мы прилетели с Земли. С третьей планеты Солнечной системы Млечного пути.

– Мне эти названия ни о чём не говорят.

– Оно и понятно. Едва ли вы бывали в наших краях!

– Не поэтому, – улыбаясь, ответила Ли-а.

– А почему? – изображая интерес, спросил Саша.

Обсуждать планеты, галактики и прочую астрономическую чушь ему было абсолютно неинтересно, но он готов был сделать исключение ради её очаровательной улыбки.

– Скорее всего, мы давно открыли вашу планету, но называли её точно не Земля, а вашу галактику – наверняка не Млечный путь.

– Интересно было бы узнать, как вы их называете.

– Наверно, это возможно, но не сейчас, – холодно ответила Ли-а, и сменила тему. – Что за экспедиция? Какова её цель?

– Найти источник энергии или новые земли под заселе-

ние. Стоп! Как ты меня понимаешь? На Еве, прежде чем пойти с нами на контакт, местные несколько недель изучали нас.

– Нам понадобилось меньше времени, так как три человека среди вас несли всю необходимую информацию. Продолжай.

– Я понял. Значит, это правда? Что кто-то вселился в тела наших товарищей?

– Да, продолжай! – настойчиво твердила девушка, которую явно интересовали цели прибытия экипажа.

– Да что продолжать... Мы прилетели на Еву – соседнюю планету. Искали полезные ископаемые, вели исследовательскую работу, параллельно жгли лес, чтобы заряжать станцию. А потом вдруг эти трое запустили «ЗОЮ» и полетели к вам. Мы все до последнего думали, что возвращаемся домой.

– Поразительно. Вам не показалось странным столь неожиданное решение вернуться домой? А поведение руководителя и двоих учёных? Почему вы, не получив ответа на вопрос «куда летим», всё равно остались на борту?!

– Пожалуй, остаться на малоизвестной планете без возможности вернуться домой – куда страшнее, чем полететь в неизвестном направлении.

– Сомнительное утверждение, учитывая ваше пребывание в заточении.

– На тот момент я думал именно так.

– Вам удалось найти то, что вы искали?

– Нет. Насколько мне известно, экспедицию решили сворачивать после того, как начальнику станции причудилась мать, болтающаяся в петле. Там такое часто происходило. Я, например, видел своего брата.

Ли-а внимательно слушала рассказ Саши, и на её лице всё явственнее проступала улыбка. Прервав, наконец, диалог землянина, она спросила, знакома ли ему поговорка жителей земли: «Болтун – находка для шпиона». Лесоруб ненадолго смутился, а, увидев радужную улыбку Ли-а, расхохотался. Он прекрасно знал, откуда взялось это его словесное изобилие, и готов был продолжать трещать, лишь бы скучный чёрный пластик не скрыл от него эти глаза.

– А чего мне скрывать? Вы незнакомый язык осваиваете за несколько часов. Вы мысли из головы вытаскиваете раньше, чем я сам успею их осознать.

– И, тем не менее, при определённой сноровке нас можно обмануть.

– Даже не представляю, как.

После недолгой, но томительной паузы Саша, боясь, что Ли-а уйдёт, попытался продолжить разговор:

– Что с нами будет?

– Скорее всего, вас посадят обратно и отправят по исходящим координатам.

– На Землю? Или на Еву?

– Откуда был совершён последний взлёт.

– Я так и думал, до Земли не дотянем, – вздохнул опеча-

ленный лесоруб.

– А что вам всем на Земле нужно? Судя по вашим же мыслям, у меня сложилось не очень хорошее впечатление о Земле.

– Может, и так. Но там я был как дома. А здесь чужой.

– То есть между мраком безысходности и неизвестностью вы выберете первое?

– Пожалуй, да.

– Вопиющая противоречивость, – заметно расстроилась Ли-а.

– Почему?

– Вы уже несколько минут стараетесь поддержать любой разговор, лишь бы не дать мне уйти. Возможно, существуют и другие мотивы, но, скорее всего, я вам понравилась. И, тем не менее, вы заявляете, что скучаете по Земле.

Саша сначала смутился, потом задумался и усмехнулся, разводя руками:

– Похоже, что так!

– Вы хотите улететь прямо сейчас? – слегка грубовато спросила Ли-а.

Саша замялся, похоже, испугавшись собственных мыслей. К счастью, отвечать не пришлось, девушка прервала его размышления:

– Можете ничего не говорить. Я уже знаю ответ.

Ненавистный пластик стал медленно покрывать её шею. Увидев это, Саша опомнился и поспешил её задержать:

– Постоите! Мы можем увидеться вне этой камеры?

– Зачем?

– Думаю, вы лучше меня об этом знаете.

Ли-а улыбнулась и ответила:

– Вообще, мы не выпускаем посторонних наружу. Такая наша позиция. Мы изолировались от внешнего мира и не желаем, чтобы кто-то собрал о нас информацию. Но кто знает, ведь у каждого правила есть исключения. Ты хороший парень, может, ты и станешь этим исключением.

Безжалостный пластик всё-таки скрыл изящные черты её лица, и она ушла. Саша остался один. Но теперь его одиночество скрашивали застывшая перед глазами игривая улыбка и засевшая в голове фраза: «Ты хороший парень». Довольный и мечтательный, Саша прилёг на матрац и продолжил попытки обмануть светящуюся стражу.

Глава 3. В плену

Большинство из нас только мысленно представляли себя в ситуации, в которой находился Иффридж – захватчик тела Георгия, отправившийся на непростые переговоры с землянами. Он, словно провалившись под лёд, стоял в кромешной темноте и что было сил дупил по ледяной стене, которая перекрывала ему проход. Он знал о том, что его это ждёт, и, тем не менее, поддался панике.

Иффридж получил особые устройства от Великого Правителя перед заброской на Землю: искусно выполненный термо-костюм, направленный заряд для разрушения ледяных преград, портативная палатка, чудесным образом складывающаяся до размеров стопки книг, небольшой запас провизии и весьма странную вещь, напоминающую «таблетку» неодимового магнита.

Мощным направленным зарядом, он, как планировалось, должен был пробить толщу льда, но в кромешной тьме ему никак не удавалось разобраться с его установкой. Наконец, когда у него всё получилось, магнитоакустический удар разрушительной силы справился на отлично. Огромный пласт льда разошёлся на полметра, этого вполне было достаточно, чтобы попытаться вылезти наружу.

«Пришелец» в теле землянина втиснулся между льдин и, уперевшись руками и ногами, начал понемногу продвигать-

ся. Слой льда оказался намного толще, чем он ожидал. Десятки метров «геолог» пробирался наружу, местами едва не застревая, пока в его глаза не ударил солнечный свет. Он зажмурил глаза и улыбнулся, почувствовав себя в безопасности. Ему казалось, что худшее позади, но через несколько преодолённых метров он понял, что заблуждался. Наверху его встретила необъятная снежная пустыня.

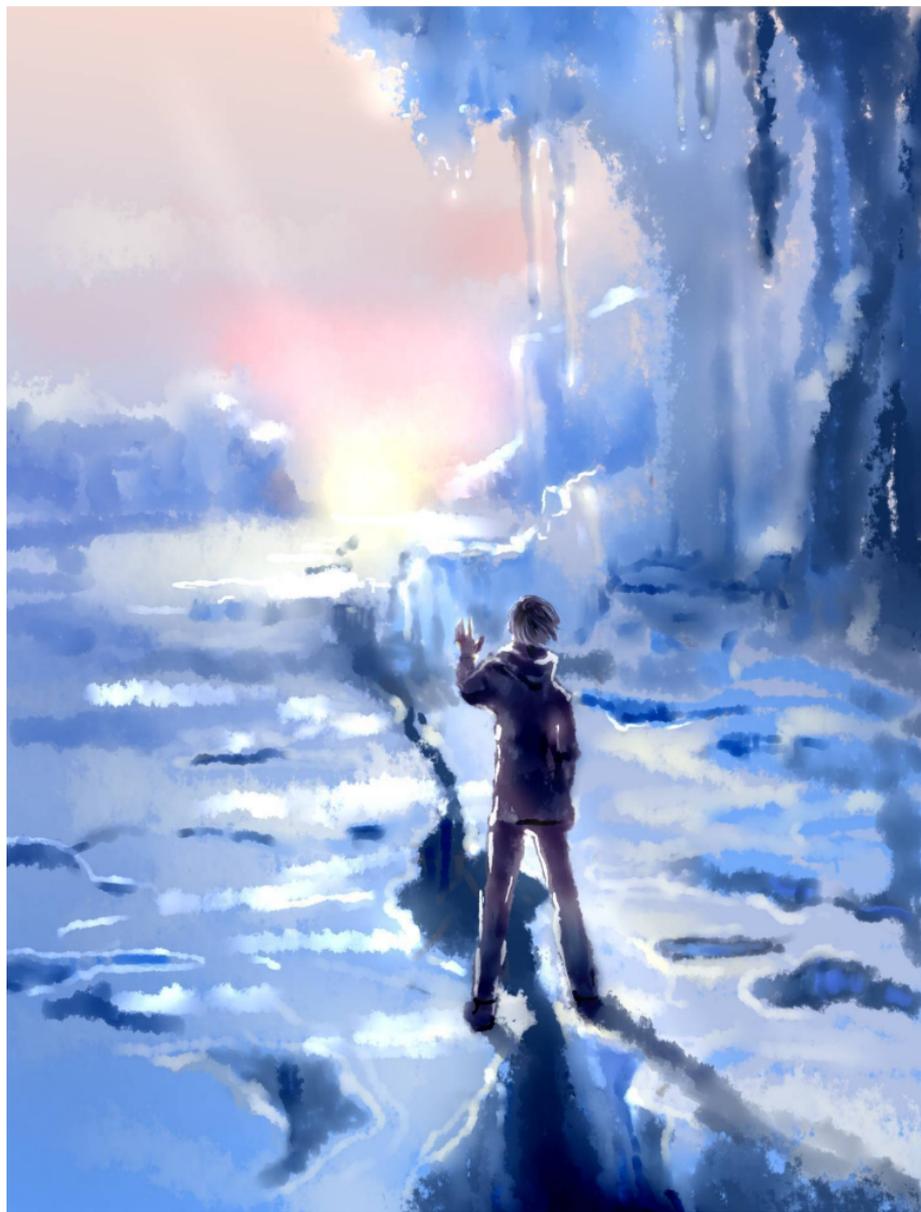
Он сориентировался по наброскам Великого Правителя и пошёл вперёд. Ноги проваливались в снег выше колен, а от слепящих солнечных бликов резало в глазах. Но он шёл, у него не было выбора. Он, в отличие от Петровича, не располагал сопровождением, и рассчитывать приходилось только на себя.

Термо-костюм со своей работой справлялся безупречно. Приборы показывали минус 63 градуса, а ему было комфортно. Еды, если экономить, вполне могло хватить на месяц, а этого хватит, чтобы пройти почти пятьсот километров! Хотя идти по такому снегу было невероятно трудно, Иффридж планировал преодолевать по двадцать километров в день, чтобы наверняка наткнуться на какое-нибудь поселение, или береговую линию – направившись вдоль неё, можно наткнуться на порт или рыбацьи угодья. Утешив себя мыслью, что пока всё идёт по плану, он запустил шагомер и двинулся в путь.

Прошло чуть больше месяца, и запас провизии иссяк. Иффридж преодолевал километры по толще снега голодным.

Он перестал растапливать снег, просто ел его на ходу, чтобы экономить время. Страх обессилить и не дойти постепенно заполнял его разум.

Изо дня в день снег, уходящий далеко за горизонт, ветер, поднимающий позёмку, а во время штиля тишина – всё это сводило его с ума. Никаких признаков существования цивилизации. Безжизненные горные пояса затрудняли продвижение, они будто впервые встретились с человеком и говорили ему: «Не уходи». С каждым днём желание сдаться нарастало. «Что это за место?» – в отчаянии думал Георгий. Ноги перестали его слушать, он падал на четвереньки, проваливался в снег, выбирался и снова шёл. Сил хватало километров на десять в день. Всю оснастку геолог выбросил и спал, просто рухнув в снег, как подкошенный.

Завладев телом Георгия, Иффридж первое время, восторгался, словно ребёнок, который впервые встал на ноги. Он радовался возможности чувствовать запахи, слышать звуки, наблюдать красоту лесов, ощущать мягкость травы. Выбравшись из-под льда наружу, он чувствовал эйфорию, бескрайние снега создавали иллюзию абсолютной свободы, которой он наслаждался. Теперь же он всем сердцем ненавидел всё вокруг: снег, горы, жуткий, сбивающий с ног ветер и одиночество.

Падая без сил в снег, он клялся, что больше не в силах встать. Но раз за разом поднимался, преодолевая сильнейшее изнеможение. Каждый шаг стоил ему невероятных усилий. Ветер мотал его из стороны в сторону всё злее, а снег раз за разом всё сильнее проваливался под его ногами. Или ему просто так казалось из-за того, что всё труднее было выбираться.

Ненадолго появилось Солнце. Оно тоскливо поприветствовало путника, едва выглядывая из-за горизонта. Иффридж в теле Георгия прищурился, вглядываясь вдаль. Появление светила заставило его вспомнить одну весьма важную деталь. В тот день, когда он только двинулся в путь, полслеполуденное Солнце было по левую руку. Сейчас же оно, злорадно посмеиваясь, скользило по горизонту справа. Даже будучи впервые на этой планете, Иффридж сразу понял, что сбился с пути. Дававшая ему сил вера в то, что цель вот-вот

будет достигнута, погасла вместе с предательским Солнцем, трусливо скрывшимся за тучами. Иффридж опустил в снег и, наверно, зарыдал бы, если б на это остались силы.

Почти сутки прошли с того момента, как Саша и остальные члены экспедиции угодили в западню. С тех пор никто не позаботился о том, чтобы их накормить, и нарастающий голод давал о себе знать. То и дело из «камер» доносились крики:

– Принесите что-нибудь поесть! Будьте милосердны!

– Дайте хоть воды попить, в горле пересохло!

Но никакой реакции на просьбы не последовало. Земляне решили, что их просто хотят заморить здесь голодом, а иссохшие тела сгрузить на станцию и отправить в открытый космос. На всеобщее уныние возражал только Саша:

– Да успокойтесь вы! Никто нас не планирует морить голодом. Может, они просто выясняют, что из их обыденного рациона можно употреблять нам. Если б они хотели нас убить, давно б убили! Мы скоро вернёмся на Еву.

– Это тебе кто сказал? Та девка? – язвительно спросил один из бывших охранников.

– А она не уточнила, мы вернёмся живыми, или нет? Или, может, нас туда отправят частями? – с тревогой сказал Роберт, молчавший последнее время больше, чем положено человеку его должности.

– Не давка, а Ли-а, – строго ответил Саша.

– Ах, извините, значит Ли-а. Мы смотрим, ты время зря не теряешь, – слышались насмешки с разных сторон.

– Смейтесь, смейтесь. А я ей верю. У меня нет ни единой причины ей не верить. Они совсем не похожи на тех, кто издевается над себе подобными.

– Ну, конечно, у тебя и Петрович правду говорил про свою внучку, и Георгий про чудовищ. Ты верь всем подряд, и тогда точно до старости не дотянешь, – вновь раскритиковал Сашу кто-то из дальней «камеры».

В это время слышались странные звуки. К пленникам въехало диковинное устройство размерами с микроавтобус. Бесформенное, оплетённое сотней проводов и трубок, с активно мигающими индикаторами и странными ёмкостями сверху и по бокам.

Не успели присутствующие прийти в себя, как из недр устройства раздался механический голос:

– Прошу прощения за медлительность. Потребовалось некоторое время, чтобы овладеть вашим языком и изучить ваши вкусовые пристрастия.

Земляне раскрыли рты. Они переглядывались друг с другом, находясь в полном недоумении. Их так заинтересовал этот говорящий фургон, что они не сразу заметили, что стен из живых частиц больше нет. Странный аппарат продолжил:

– Прошу, по одному, я постараюсь удовлетворить даже самые изысканные пожелания!

Никто не решался, все с подозрением таращились на устройство, не зная, что делать дальше. Саша сделал несколько шагов из камеры, аппарат тут же на это отреагировал:

– Отлично! Есть первый желающий! Ну же, смелее, за несколько сот лет ещё никто не отравился.

Саша зашагал увереннее. Пока он сближался с аппаратом, ему настойчиво лезла в голову мысль: не попробовать ли выбраться наружу? Или же доверять свою жизнь совершенно незнакомым существам? Его мысли прервал механический голос:

– Давайте, вы позже попробуете сбежать, а сейчас отведайте чего-нибудь! Попробуйте сделать заказ!

Саша опомнился. Надо контролировать не только то, что говоришь, но и то, что думаешь, иначе быть беде. Он немного замялся, а потом с надеждой спросил:

– Как тебя зовут, чудо-юдо?

– Никак, я просто повар. Вы же не даёте имена утюгам и СВЧ-печкам?

– Иногда даём, – улыбаясь, ответил Саша. – А что можно заказывать?

– А чего вам хочется?

– Я бы сейчас многое отдал за жареную картошку с котлеткой! – едва сдерживая слюну, мечтал землянин.

– Заказ принят! – задорно объявил робот-повар и начал издавать такие звуки, что Саша невольно отпрял на несколь-

ко шагов.

Остальные, замерев, смотрели на эту картину и с нетерпением ждали результата.

Не прошло и минуты, как аппетитно запахло жареной картошкой. Наблюдавшие за приготовлением межгалактической еды чуть не сошли с ума. Желудок, получивший сигнал от мозга, скручивался, будто выжимая весь сок из себя наружу. Через несколько минут механизм вновь заговорил:

– Готово!

Открылась небольшая полость на фронтальной грани «повара», и все присутствующие увидели знакомое с детства лакомство, испускающее едва заметный пар.

– Приятного аппетита! – добавил аппарат, явно «прочитав» реакцию окружающих.

– Дружище?! – робко окликнул устройство Саша, забирая тарелку с едой.

– Весь во внимании!

– А напитки тоже можно заказывать?

– Безусловно! – радостно верещал робот, которого, похоже, забавляли удивление и восторг на лицах землян.

– И спиртные? – радостно сверкнув глазами, спросил Саша.

– А как же!

– Можно мне пива? Тёмного, любого сорта! На твой вкус.

Кулинарный аппарат затарахтел. Все было подумали, что он начал искать в собственных недрах кружку для пива, но,

как оказалось позже, это был смех. Искренний и непосредственный.

– Что, что смешного? – смутившись, спросил лесоруб.

– На мой вкус... На мой вкус... – повторила машина и вновь залилась смехом, больше похожим на скрежет металла.

– Да я не в буквальном смысле, фигурально выражаясь...

Объяснения Саши прервал ещё более громкий хохот устройства. Звук был невыносим, будто двигатель на полных оборотах распрощался с одним из подшипников и стал методично самоуничтожаться.

Чудо-повар, видимо, уловил непонимание и смятение присутствующих, и поспешил подавить смех:

– Простите, простите! Я просто робот, у меня нет метафорического мышления и чувства юмора!

Грохот утих.

– Заказ принят! – вновь радостно отрапортовал аппарат.

Все вокруг замерли с надеждой.

Спустя четверть часа среди пленников стоял восторженный гомон. Все ели и пили то, о чём мечтали с момента приземления на Еве. Нужно отдать должное «чудо-повару»! Ни один заказ не доставил ему проблем. Даже варёная гусяная печень с чёрным трюфелем угрожающе выскочила из его недр. Конечно, неискушённый заказчик не смог бы определить подлинность блюда, никто из присутствующих таких яств не пробовал. Но картошечка, борщ, томлёное мясо, за-

печённые стейки форели и сёмги, раковый суп и голубцы оказались удивительно вкусными, а главное, были совсем как настоящие!

Но какими бы вкусными ни были представленные блюда, основной восторг вызывали напитки. Пиво – словно только что сваренное, вино – ароматное, с густым долгоиграющим вкусом, а виски – согревающий, слегка обжигающий, пробуждающий жизнь.

Всеобщее ликование прервал чудо-повар: выждав паузу после последнего заказа, он равнодушно объявил:

– Прошу прощения, трапеза окончена. Прошу всех вернуться по местам.

Секундная тишина сменилась возмущением и разочарованием. Большая часть пленников разбрелась по матрасам, кроме небольшой группы около десяти человек. Они, подогретые алкоголем, стали кричать устройству:

– Мы не собираемся подчиняться кухонному комбайну!

– Твое место на кухне!

– А что, если не вернёмся? Приготовишь отбивные из нас?

Саша был в шоке от такого поведения товарищей: этот аппарат их только что накормил, а в благодарность был осыпан язвительными усмешками и оскорблениями.

– Что вы несёте? Вернитесь к матрасам, идиоты!

– Ты сам идиот! Трус, и болван! Продолжай верить и подчиняться им...

– Друзья! – прервал ссору робот. – Мне подчиняться не

нужно, это была лишь просьба. Моё место, и впрямь, на кухне, а за отказ в выполнении просьбы я вам ничего не сделаю. Всего хорошего!

Робот неожиданно развернулся на месте и резко рванул прочь. Взбунтовавшиеся земляне ликовали и злорадно подначивали чудо-повара. Кто-то даже попытался пойти за ним, чтобы выбраться наружу, но не успел. Вокруг тех, кто добровольно вернулся к матрацу, возстановилась едва заметная стена. Она практически не светилась, так что Саша прекрасно видел происходящее.

Кухонное устройство с разных сторон обошли два человека в чёрных «панцирях», появившиеся из ниоткуда, и перекрыли проход землянину, следовавшему за ним. Едва тот успел оказать сопротивление, как из пальцев чёрных стражей полетели искры, уложившие бунтаря на лопатки. Саша был шокирован. О таком можно было прочесть в детской сказке про отважных волшебников, или увидеть в фэнтези-сериале, но никак не своими глазами. Судя по стонам землян, жалили эти искры нещадно. В конце концов, каждый, кто нарушил условленные границы, был обезврежен и возвращён на своё место. Заломленные за спиной руки туго стягивал сияющий хомут.

– Я же вас просил! Предупреждал! – завопил Саша, видя страдания своих товарищей.

– Да пошёл ты! – злобно ответили ему.

Больше никто не осмелился нарушить тишину до тех пор,

пока очередные люди в чёрных обличиях не пришли к ним. Их было много. Ровно по одному на каждого связанного. Их достаточно грубо потащили в неизвестном направлении. Саша с тревогой закричал:

– Эй! Куда вы их тащите! Не надо. Они всё осознали. Больше этого не повторится.

Никто не обращал на него внимания, кроме Роберта, который скривил недовольную мину:

– Тебе не надоело перед ними стелиться? «Простите», «больше не буду» – как маленький нашкодивший ребёнок, честное слово! Сохраняй хладнокровие и чувство собственного достоинства. Даже те, кого сейчас тащат в неизвестном направлении, верещат меньше тебя!

– Отвали, – обидевшись, ответил Саша, а старший учёный довольно крякнул, опустил голову на матрац, и продолжил смотреть в никуда.

Тибо двадцать лет проработал в детском театре. Как и его зрители, он был абсолютно беззлобным и открытым человеком. На самом деле, его звали Павел Михайлович, но такое имя шло вразрез с его внешним видом и ростом. Он был кряжист, плечист и неуклюж. Лицо его совсем не походило на актёрское. Высокий лоб, узко посаженные небольшие глаза и пухлый кривой нос. Подбородок покрыт густой щетиной, которая теперь превратилась в настоящую бороду. Одним сло-

вом, с него можно было писать классический образ дворянина. О происхождении его прозвища никто не знал наверняка. Родители бросили его ещё в детстве из-за проблем с физическим развитием. В интернате у него друзей не было, а сам он не помнил о своём прошлом. Существует предположение, что, будучи совсем ребёнком, он болезненно переживал проблему низкого роста. В интернате он бегал от одного одноклассника к другому, сравнивал рост и с грустью по-детски лопотал: «Ты бо». Сравнив себя со всей группой, на следующий день он начинал всё сначала, пытаясь найти хоть кого-то ниже себя. Со временем эта привычка исчезла, а вот прозвище прилипло – так он и стал Тибо.

Сейчас он едва мог связать два слова. Он и Фёдор провели отличную дегустацию и распевали только им известную и понятную композицию. Марк и Степан о чём-то спорили, Тарас Петрович, Михей и Анна увлечённо беседовали:

– Нет, всё-таки этот план безумен. Пустить сюда огромную свору землян! Они через сто лет разъедутся по всем направлениям, расплодятся и всё уничтожат! – твердил капитан.

– А какие у меня были варианты? Со мной особо и не разговаривали, понимаешь? Он нас позвал, скорее, для того, чтобы просто посмотреть, протестировать. А диалога никакого и не было.

– Ну, а отказаться-то ты можешь?

– Конечно. Тогда миллиарды людей на Земле замёрзнут

до смерти, а Анна продолжит коротать свою вечность, паря меж деревьев в цифровом формате.

– Этому не бывать! У нас есть своё видение ситуации. Если большинство согласится пустить вас сюда ради обретения последнего тела, то будет так. Если нет, мы поступим по-своему, – вмешалась в разговор Анна.

– А это как, по-вашему? – Петрович заметно захмелел, говорил медленно, с трудом подбирая слова.

– Придёт время – узнаете, – Анна была сердита и немногословна.

Михей заметил это и мысленно направлял ей вопрос за вопросом: «Что случилось?», «Это из-за него?», «Или из-за моей глупой ревности?» Ответов не было. Михей предполагал, что, скорее всего, она молчит, боясь, что Ивраоскарь уловит и расшифрует то, чего он не должен знать.

Лингвист в это время весело прогуливался по окрестностям, периодически возвращаясь, чтобы выпить и послушать, о чём идёт речь за столом. Он даже пытался подпеть Фёдору и Тибо, но его знаний различных языков всей вселенной оказалось недостаточно для этого.

В очередной раз возвращаясь к столу и выполняя новый подход к «слезе А'круула», он едва заметно толкнул в плечо Тараса Петровича. Когда тот на него посмотрел, он, не стирая с лица раздражающей улыбки, кивнул головой, приглашая остаться с ним наедине.

– Послушай, твой товарищ в опасности, – сразу выпалил

лингвист, едва они со стариком отошли от стола.

– Кто? О чём ты? Не понимаю, – Петрович, которого уже было необходимо поддерживать под руку, растерялся.

– Михей, вояка, который смотрит на меня как на добычу. Ему не в мою сторону надо с опаской смотреть. Не в мою.

– О чём ты? О какой опасности ты говоришь?

– Пока не знаю. Она хорошо скрывает свои мысли, зная, что я без труда их прочту. Отмечу, что она достаточно хороша в этом. Её разум, даже будучи нематериальным, весьма силён.

– Стой, я вообще ничего не понимаю. Не понимаю я, слышишь! Ты про Анну, да? Разве то, что она думает, не является её речью?

– Отнюдь. Во-первых, вы практически не владеете данным навыком. Вам мысль необходимо выдавать направленно. Если она просто о чём-то размышляет, не концентрируя на вас поток, вы, вероятнее всего, вообще ничего не заметите. А я замечу. И пойму её мысли, как вы понимаете речь друг друга.

Петрович потряс хмельной головой, почесал бороду и спросил:

– То есть в присутствии, скажем, десяти человек она способна «сказать» что-то так, чтобы слышали не все? А только те, в кого она мысль концентрировала, либо те, кто умеет мысли сканировать, как ты?

– Да. Причём она общается без использования языка. Ви-

димом, на телепатическое общение они перешли несколько поколений назад.

– С ума сойти! – воскликнул старик. – А почему ты считаешь, что опасность нависла именно над Михеем?

– Он постоянный объект её мыслей. Пока не знаю, каких именно.

– Так, может, он просто ей нравится?

– Не думаю. Когда я только появился здесь, она жутко запаниковала. Едва бы она стала скрывать мысли о получении тела и уединении с любимым. Одно моё присутствие беспокоит её. Значит, есть что-то, чего ей не хотелось бы обнаружить. Конечно, есть вероятность, что Михей ей тоже симпатичен, а скрывает она совершенно отстраненные мысли, но мне кажется, это не так.

– И что ты предлагаешь? – задумчиво спросил Петрович.

– Поговори с ним. Попробуй его предупредить. Я с ним поговорить не смогу, Анна наверняка вмешается. Пусть хотя бы будет осторожным.

– Мы тоже будем за ним приглядывать.

– Я постараюсь подгадать момент и «прочитать» её. Но, повторюсь, она хороша, всё как в тумане, при этом отстранённые мысли направляет вам. Высший пилотаж! Она бы нам пригодилась!

Тарас Петрович вонзил в Ивраоскаря прищуренный взгляд:

– При первой встрече ты показался мне невероятно глу-

пым. А теперь я и не знаю, что думать. Погоди. А как ты понял её мысли, если она не использует языка?

– Это сложно объяснить, сенсорное восприятие у нас почти одинаково, так как мы принадлежим к одному виду.

– Ничего не понял.

– Ты разговорил меня, старик. И утомил. Не злоупотребляй моим опьянением!

– Прошу! – взмолился Петрович. – Очень интересно.

– Допустим, перед вами лежит книга. Что твои глаза, что мои – они передадут одинаковый сигнал для мозга. Далее мозг анализирует этот сигнал, сравнивает его с существующими в памяти и определяет предмет. Без всяких названий. Мы на этом останавливаемся. И уже понимаем, что это. Вам же требуется ещё одна ступень. Вы, знакомясь с определённым сигналом, присваиваете ему имя. И в дальнейшем, когда вы видите предмет, ваш мозг идентифицирует не только полученный сигнал, но и соответствующее ему имя.

– Мне надо срочно выпить! – вздохнул старик и направился к столу.

Ивраоскарь, улыбаясь, смотрел ему вслед. Фёдор и Тибо уже спали. Марк и Степан давно забыли, о чём спорили, и теперь горячо беседовали с Михеем. Петрович шёл нетвёрдой походкой к столу. Анны нигде не было видно. Лингвист, на мгновение стерев с лица улыбку, пробежал зрачками по обозримому пространству, а затем не спеша поплёлся за стариком.

Глава 4. Проблемы прошлого, проблемы настоящего

Тициан и Эстебан ненавидели шахматы, но ещё сильнее они ненавидели скуку. Раньше на их исследовательской станции работал «симулятор действительности», и они развлекались на полную катушку. То сражаясь за штурвалом истребителя в главных схватках Второй мировой, то пытаясь догнать мирового рекордсмена по плаванию, то отправляясь в столицу развлечений и игорных заведений, чтобы проиграть уйму несуществующих денег и покорить пару соблазнительных красоток. Однако с приходом энергетического кризиса запуск симулятора стал невозможен. Стало смертельно скучно. Книг не завозили последние лет пятьдесят, так как в них не было никакой нужды. Поэтому к спасению полярников нашлась запылившаяся коробочка с шахматами.

Эстебан почти всегда проигрывал, злился и проклинал тот момент, когда принял решение стать учёным. Он ведь мечтал о невероятных открытиях, способных перевернуть мир. Но его мечты разбились о жестокую реальность – он всего лишь сотрудник научно-полярной станции «Международная». Звучит, как кажется, солидно, но фактически это низшее звено в учёной иерархии.

Ежедневно он и его менее амбициозный напарник Тициан

снимали данные с «Арчи» – работа исследователя. «Арчи» имел внушительную оснастку: снегоходная база, несколько светочувствительных камер и специальная система «анти-буран». Когда метель заставляла его врасплох, он просто включал режим ожидания и после наступления затишья выкапывал сам себя. Основная цель «Арчи» – патрулирование метеостанций и снятие показаний приборов. Каждый раз, возвращаясь на базу, Тициан, либо Эстебан, извлекали модуль памяти и ставили «Арчи» на зарядку. После непродолжительного анализа данных, составления протоколов и отчёта «наверх» пара полярников продолжала умирать от скуки и совершенствовать навыки игры в ненавистные шахматы.

Так и сегодня «Арчи» в очередной раз издал привычный звук, похожий на вздох безумно уставшего человека. Тициан успокоил Эстебана: мол, ему не о чем беспокоиться, и он сам всё сделает. Однако уже через минуту, вернувшись с удивлённым лицом, Тициан пригласил своего напарника пойти взглянуть на «нечто увлекательное».

«Арчи» привёз на станцию наездника, которого, впрочем, уместнее назвать «налёжником» – кто-то бессознательно лежал сверху на работе. Как он там оказался и как его не перебило пневматикой самовыкапывания – загадка, ответ на которую полярники планировали получить в ближайшее время.

Они внесли тело внутрь, развели слабый огонь в печи и влили неизвестному в рот несколько ложек сладкого какао.

Сообщили о находке своему начальнику и стали ждать, когда незванный гость придёт в себя.

Не успели они сыграть очередную проигрышную для Эстебана партию, как их внезапный гость заговорил, причём на абсолютно непонятном для них языке:

– Где я? Я что, жив? Я жив! – радостно воскликнул человек и попытался встать.

Эстебан и Тициан остановили его и удивлённо переглянулись. Они никак не ожидали, что приблудившийся человек будет иностранцем. Полярники вновь связались с руководством и получили команду не отпускать подозрительную личность. Объяснять свои намерения они не стали, да и не смогли бы, скорее всего, поэтому просто связали его до прибытия руководства.

Неизвестно, сколько прошло времени – пять дней, может, неделя, прежде чем полярники услышали шум вертолётa. За это время Эстебан снял с заблудшего иностранца странный, но очень хорошо согревающий термо-костюм, вручив ему взамен обычную пуховку с хлопковым нательным бельём. Термо-костюм он, правда, тут же проиграл Тициану в шахматы и, разозлившись, дал затрещину пленнику.

Когда, наконец, появился их руководитель, они оживились, стали быстро о чём-то говорить, показывая пальцем на загадочного иностранца и активно жестикулировать. Руководитель с серьёзным видом слушал, кивал и внимательно смотрел на заблудившегося человека. Выслушав доклад, он

с важным видом подошёл к пленённому и, тыча в себя пальцем, сказал:

– Самуэль! – Затем он указал на связанного человека и добавил: – А ты?

– Георгий, – сориентировался пленник и продолжил уже на понятном для них языке без акцента: – Мне нужно попасть в ближайшее посольство! Доставьте меня в посольство!

– Ах, ты, скотина! – взревел Эстебан. – Неделю морочил нам головы! Чёртов иностранец, оказывается, всё понимает?!

– Когда вы задавали вопросы в прошлый раз, я, действительно, не понимал ни слова! – возразил Иффридж и повторил: – Доставьте меня в посольство.

Эстебан хотел наградить наглеца изысканными ругательствами, но Самуэль прервал его жестом и мягко сказал:

– Конечно, доставим, ближайшим вертолётом. Он отправится послезавтра.

Руководитель взглядом приказал развязать Георгия и продолжил:

– Бежать нет смысла, вокруг на сотню миль снежная пустыня. Поэтому я тебя развяжу, но давай без глупостей, договорились?

– Хорошо. И пусть вернут мой термо-костюм! – не унимался геолог.

– Да плевать я хотел на твой костюм, – ответил Самуэль

и решительно ушёл прочь.

Через два дня его, действительно, доставили на большую землю. Напоминая всю дорогу о своём требовании посетить посольство, он не имел ни малейшего понятия, как оно выглядит. Поэтому Иффридж сохранял спокойствие излишне долго. Его не смутил ни высокий забор с колючей проволокой, ни караульные, ни решётки на окнах. Он твёрдо следовал за Самуэлем, не ожидая сюрпризов.

Руководитель научной группы привёл его в небольшую комнату со стеклянной перегородкой и познакомил с Хавьером – высоким, широкоплечим, но худым мужчиной с большими неухоженными усами. Тот не стал откладывать дело, предложил «Георгию» присесть, после чего спросил:

– Кто ты такой?

– Я учёный, член всемирной экспедиции, отправленной на планету Ева. У меня важное сообщение. Кем вы работаете в посольстве?

– Уборщиком, – ответил Хавьер, теряя терпение. – Ты либо и впрямь идиот, либо пытаешься выставить идиотами нас. Для тебя лучше сейчас оказаться идиотом.

– Я не идиот, – удивлённо ответил Иффридж, не понимая, что происходит.

– Ты посмотри, ещё и издевается! – вмешался Самуэль.

Хавьер нажал какую-то кнопку, в комнату вошли двое солдат. Они надели на Георгия наручники и несколько раз жёстко ударили по рёбрам. Дыхание учёного сбилось, он, как

рыба, хватал воздух ртом, пытаюсь сделать вдох.

– Кто ты такой? – вновь спросил Хавьер.

– Меня зовут Георгий, я учёный, член экспедиции ЗОЯ, был отпр... – тяжёлые удары добрались уже до лица. Он не выдержал и взвыл: – Да что я вам сделал? Чего вы от меня хотите?

– Правду. Кто ты, как оказался на станции и почему прикидывался иностранцем?

Всё пошло не по плану, согласно которому, Георгий должен был остаться Георгием. Никакого Иффриджа, потому что в такую историю точно никто не поверит. Но языковой барьер не позволил геологу объясниться в первые дни, а, выучив язык и «читая» мысли, он поставил себя под подозрение. Теперь ему нужно как-то выкручиваться. Никто не поверит в то, что он смог выучить язык за пару дней без единой книги.

– Я говорю правду. Я Георгий. Член экспедиции...

– Почему ты притворился иностранцем? – перебил его Хавьер.

– Я... я растерялся, думал, что попал к соотечественникам. Меня лихорадило, я был обессиленным и голодным, голова не соображала. И я... я испугался тех двоих, что подобрали меня.

– Да врёт он! Не было у него никакой лихорадки! – снова вмешался Самуэль. – Жрать хотел – да, но на второй день был как новенький, сидел и молчал. Сбежать хотел!

– С чего вы решили? Как бы я сбежал, если меня сразу связали?

Хавьер бросил на Самуэля вопросительный взгляд и командовал:

– Посадите его к противникам «глобальной дегуманизации». И скажите им, что он один из основателей идеи.

Солдаты повели Иффриджа под руки, он, извиваясь и сопротивляясь, кричал:

– Я вам ничего плохого не сделал! Доставьте меня в посольство! Доставьте меня...

Его увели. Самуэль и Хавьер остались наедине, и руководитель научной станции стал делиться предположениями:

– Наверняка здесь проделки этих фанатиков, отправили его сюда разнюхивать о «Морфее».

– Наверняка ты, как и в прошлый раз, бредишь!

– Я тебе точно говорю! Увидишь!

– Увижу. Твои болваны не в курсе?

– Эстебан и Тициан? – Самуэль расхохотался. – Это те ещё идиоты! Они ничего не заметят, даже когда там будут миллионы людей.

– Надеюсь. Всё, мне пора идти, много работы.

– Удачи! – сказал Самуэль, пожал руку Хавьеру и ушёл.

Решение проблемы энергетического дефицита не ладилось. Вестей от всемирной экспедиции не было. Поэтому гла-

вы правительств ведущих стран разработали вопиюще не гуманный план по «глобальной дегуманизации». Заключался он в использовании крионики для «консервации» девяноста процентов населения. Остальные десять процентов – богатые и медийные личности, политики высших рангов, но в основном врачи и учёные.

Процедуру планировалось проводить в добровольно-обязательном формате. Причём никто не давал никаких гарантий, что через несколько лет, когда учёные придумают новый вид энергии, всех благополучно оживят. В опытах на животных примерно в восьми случаях из десяти результат оказывался положительным. Но на людях методику не опробовали, поэтому результат мог быть весьма непредсказуемым.

С животными решили не возиться. Им можно было спасти жизнь только одним способом: заплатив кругленькую сумму за место в криокамере, а заодно добровольно лечь рядом. Причём условия были жёсткими. Один человек – одно животное.

Естественно, мало кто шёл на такой риск добровольно. Большинство считали, что это билет в один конец. Так как оживить мышь или кролика, чьи умственные способности оставляют желать лучшего, и человека – разные вещи. Все опасались, что мозг после пробуждения не восстановится в полном объёме. Что часть отделов отомрёт, и Земля будет заселена полчищами слепых, глухих или заторможенных людей.

Правительства и учёный совет пошли на ещё более отвратительный поступок. Они обманом отправляли людей в криокамеры. Тех, кто обращался за врачебной помощью, тех, кто прививался от очередной вирусной волны, кто проходил очередной профосмотр, просто усыпляли снотворным, и они уже никогда не возвращались домой. Уснувших людей на вертолётах отправляли в хранилища, расположенные на нейтральных землях за полярным кругом, где для поддержания условий крионики практически не требовалось энергии.

Многочисленные пропажи людей быстро начали вызывать подозрения. А вскоре стали замечать участвовавшие полёты в заполярье. Жители ближайших населённых пунктов разносили домыслы один страшнее другого. Но среди них был и верный: что мир начал принудительную «криозачистку», которую пафосно называли «глобальной дегуманизацией».

Миллионы людей начали активно выражать свой протест. Не имея ни одного неопровержимого доказательства, толпы людей собирались на демонстрации и требовали немедленно прекратить преступления и наказать виновных. Многие несогласные переходили от требований к действиям. В основном те, у которых ничего не осталось. Возможность под видом протеста устроить дебош многим подарила смысл жизни. Под удар попадали исследовательские институты, лаборатории, медицинские центры и аналогичные заведения южных побережий.

В ответ мародёров группами на какое-то время сажали в изолятор, после чего отпускали. Морозить их в этот момент было удобно, но недопустимо. Пропажа бунтующих лишний раз подтвердила бы домыслы остального населения.

Как раз к одной из таких групп и попал несчастный Иффридж. Человек и в то же время пришелец, который ничего не понимал, но пытался спасти не только свой мир, но и мир землян, которые его так неприветливо встретили.

У Саши не было ничего, что помогло бы ему сориентироваться во времени. Только собственные ощущения. А они, учитывая неподдельный интерес к одной неземной женщине, были настолько выведены из строя, что ему казалось, будто прошёл год. А то и два. Поэтому, когда перед ним вновь оказался силуэт в чёрном, он едва сдерживался, чтобы не запрыгать от счастья.

Желание броситься к ней в объятия сдерживалось с огромным трудом. И, естественно, Ли-а это чувствовала, она подарила ему в ответ очаровательную улыбку и сказала:

– Я тоже рада тебя видеть. Пойдём. Я покажу тебе кое-что интересное.

Саша так был увлечён, что даже не заметил отсутствия стен вокруг себя. Он огляделся, какое-то время робея и не выходя за пределы своей «камеры». Ли-а протянула ему руку. Пластик, покрывающий её кожу, стал мгновенно уплывать к предплечью. Сомнения бывшего лесоруба мгновенно

растаяли. Он трепетно взял её руку, сердце бешено забилося. Будто вернувшись в школьные годы, когда первые чувства ставят тебя в неловкое положение, Саша, с одной стороны, хотел, чтобы всё поскорее закончилось, с другой, чтобы это не кончалось никогда.

Они шли в неизвестном для него направлении. Ли-а не переставала улыбаться, видимо, ощущая состояние землянина. Шаг за шагом они отдалялись от остальных узников, постепенно теряя их из вида. Саша, увлечённый и очарованный, даже не заметил, как вокруг них не осталось ничего. В темноте он видел только её игривый взгляд и лучезарную улыбку.

Ли-а не давала повода её бояться. И всё же Саша начал волноваться. Что если это ловушка и, исчезнув под чёрным панцирем, она бросит его одного среди этого мрака? Но зачем ей это? Ведь можно было усыпить, как в первый раз, или дать приказ светлячкам.

Пока он рассуждал, она крепко держала его за руку и смеялась, а спустя некоторое время остановилась, и заявила:
– Мы пришли. Здесь я тебя убую.

Саша побледнел, его накрыла волна страха, сменяемая разочарованием. Он отпустил её руку и отпрял. В голове хаотично замелькали мысли: «Вся эта кокетливость была лишь издёвкой? Приманкой? Вот же я наивный дурак». В этот момент Ли-а не выдержала. Смех вулканом вырвался наружу, звонкий хохот сбил цепь размышлений Саши, и он смущён-

но заулыбался.

– Прикрой глаза, сейчас будет ярко, – предупредила она и сделала странный жест рукой.

В тот же миг из темноты стал появляться целый мир. Не было не малейших сомнений, что этот мир был не настоящим. Весь в золоте осеннего листопада, украшенный разноцветными фонарями, состоящий из невиданных форм жизни.

Через прищуренные глаза Саша едва различал очертания грибов. Грибов исполинских размеров. Что-то сновало туда-сюда и издавало гул, напоминающий звук пчелиного улья. В слезящихся глазах бликовали разноцветные огоньки. Ли-а повела его за руку. Чернота за спиной схлопнулась, повеяв холодным ветром и открыв прекрасный вид на закат.

Привыкнув к свету, глаза лесоруба стали чётко различать контуры окружающего мира. Он увидел, что вездесущие огоньки – это круглые разноцветные лампочки, висящие на паутинках. Что-то снующее – ларгамы. Это удивительные существа, не похожие ни на одно животное Земли. Саша заметил, что по форме тела они напоминают патиссон, приплюснутый, глазастый, ушастый и чертовски милый. Любой землянин, наверно, недоумевал бы, как такой зверёк умудряется столь ловко летать.

– Это муколиты, – сказала Ли-а, умиляясь реакции Саши, любовавшегося с открытым ртом гигантскими грибами.

– Что? Они живые?

– Ну, конечно! Разве у вас такие на растут?

– Растут, но они обычно чуть меньше тех летающих па-
тиссонов.

Ли-а засмеялась, схватила Сашу за руку и сказала:

– Пойдём. Поднимемся наверх.

Муколиты росли точь-в-точь как грибы. Только ножка их была в диаметре метров тридцать. Прodelав в ней дыру, можно было бы обеспечить жильём несколько семей. А по юбочке, лихо закрученной спиралью вокруг ножки, спокойно могли прогуливаться несколько человек в ряд. По ней и направились Ли-а и Саша. С каждым витком землянин поражался всё больше и больше.

Гриб был явно живой. Он едва заметно двигался. Саша заметил это по лёгкому покачиванию, похожему на покачивание моста из-за попавших в резонанс шагов. Вокруг гриба летал целый рой ларгамов и неизвестных насекомых, похожих на стрекоз. Ли-а называла их зонтерами. Позади себя они оставляли цветной след, который, если приглядеться, представлял собой тончайшую прозрачную нить.

Грибы стреляли друг в друга какими-то камушками, издавая при этом пищащие звуки. Над предположением Саши, что это обмен спорами, Ли-а рассмеялась:

– Глупый. Они просто веселятся!

Наблюдая за этой «игрой», они добрались до самого верха, где открывался потрясающий вид на закат «Мамы». Оказавшись над огромными шляпками муколитов, Саша увидел

источник золотых листьев, укрывающих землю внизу. Над их головами густо сплетались хрупкие, изящные ветви деревьев. Их стволы, тонкие и длинные, терялись среди громоздких грибных ножек, зато наверху ветви деревьев брали своё. Они слились сплошной стеной, создав прекрасную живую крышу.

– Какая красота! – воскликнул Саша.

– Да-а, – протянула Ли-а. – С ужасом вспоминаю, как мы чуть было всё это не потеряли.

– Ты о чём?

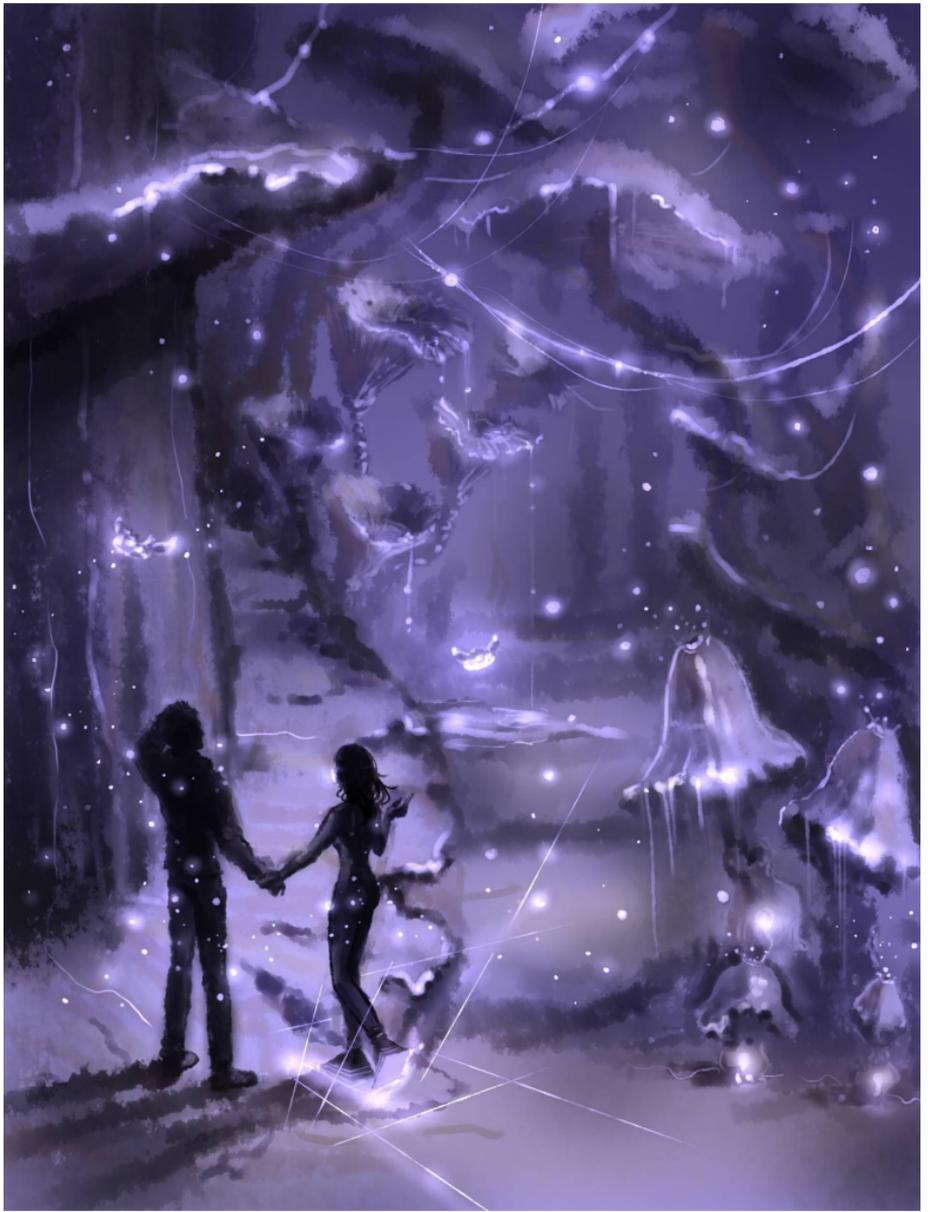
– Пойдём, сейчас расскажу.

Она понеслась по шляпке муколита. Оказавшись на самом краю, девушка в прыжке схватилась за ветви золотых деревьев. У Саши замерло сердце. Он рванулся за ней что было сил, но быстро успокоился, увидев, как хрупкие на вид побеги крепко схватили девушку и потащили куда-то наверх.

– Стой! Куда ты? – кричал ей лесоруб, стоя на краю гриба.

– Прыгай, не бойся. Они тебя поймают! – радостно крикнула в ответ Ли-а.

Саша смотрел то на удаляющуюся от него девушку, то вниз, сквозь паутину цветных шариков, на золотую листву. Он не мог решиться. В его голову вновь полезли подозрения о недобрых помыслах девушки, о подготовленной для него коварной, жестокой ловушке. Осмелиться на прыжок Саша смог только после того, как его визави практически пропала из вида.

Она в очередной раз не обманула. Едва тело землянина рванулось вниз, ветви одна за другой стали скручиваться вокруг него. Словно из рук в руки, они передавали Сашу наверх, где его ждала Ли-а. Ждала на огромной платформе, стоящей на худеньких, покачивающихся стволах. Всё вокруг было увито золотыми ветвями, так, чтобы не мешать никому наблюдать закат. Возможно, в целях безопасности, а, быть может, ради комфорта. Чтобы человек, не мучаясь от постоянного кружения головы, мог спокойно поужинать на одном из множества столиков, стоящих вокруг.

Оказалось, что ужин на большой высоте, под живую музыку с видом на закат – классика не только на Земле. Саша направлялся к девушке, с любопытством осматривая «интерьер». Затем ему на глаза попались «музыканты». В группе было только три человека, которые управляли не музыкальными инструментами. Они сосредоточенно давали команды своим помощникам издавать необходимые звуки.

За низкие частоты отвечал огромный пустотелый куб, резонирующий так, будто вот-вот взорвётся. Что это за куб и как он издаёт такой мощный звук – загадка. Рядом с кубом стоял большой постамент с различными бочонками, в которые задорно врезались ларгамы, обеспечивая ударное сопровождение. Вместо струнных инструментов использовались причудливые коробки разнообразных форм и размеров, внутри которых вместо струн были «натянуты» яркие свето-

вые нити. Через коробки юрко пролетали всё те же ларгамы, прерывая лучи и издавая звуки, напоминающие слегка перегруженную гитару. Пели, как ни странно, люди сами и, казалось, с удовольствием. Музыка была вполне сносна, даже для землянина.

Они сели за стол на самом краю, от заходящей звезды всё вокруг покрылось бронзой. У Саши захватывало дух от происходящего, но Ли-а решила на этом не останавливаться.

– Закажи что хочешь, – сказала она, указав рукой на приближающегося робота-повара, и скрылась где-то за оркестром.

Заказав скромный ужин и бутылку красного полусладкого вина, Саша стал с любопытством рассматривать прибывающих на площадку людей. Все были стройными и бледными, лица, как и на Земле, сильно различались. Некоторые из посетителей появлялись без характерного чёрного панциря. Мужчины в необычных мешковатых нарядах с большими капюшонами, женщины – в обтягивающих классических комбинезонах с искусной вышивкой на груди и открытыми плечами.

– Скучаешь? – спросила Ли-а, занимая место напротив Саши, который замер в исступлении.

Разрез его глаз увеличился, наверное, вдвое, а лёгкие совсем забыли, для чего их поместили внутрь груди. Он, наконец, увидел её настоящую. Никакого пластика, никакого панциря. Напротив него сидела красотка в шикарном сапфи-

ровом платье и туфлях на шпильках. Тёмные волосы длиной чуть ниже плеч были распущены локонами и в бронзовом свете заката отблёскивали синевой. Она смотрела на него большими серо-голубыми глазами и улыбалась. И без того довольно широкая нижняя челюсть становилась ещё больше, делая очертания её лица особенными, запоминающимися.

Чувствуя реакцию землянина, Ли-а светилась. Но звонкий задорный смех сменился тихой искренней улыбкой и пристальным взглядом, говорящим: «Ну, как я тебе?».

– Ты обещала рассказать о том, как вы однажды чуть всё не потеряли, – напомнил Саша, разливая по бокалам вино.

– Да, – ответила Ли-а. – Это, действительно, так. Даже не знаю, как тебе объяснить. Мы с тобой немного отличаемся. Мой мозг работает иначе – думаю, ты это заметил. Началось всё с открытия ГНВЧ. Группы неявно взаимодействующих частиц.

– Ли-а, я...

– Да-да, не буду взрывать тебе мозг. Если в двух словах, мы обнаружили материю, обладающую собственным разумом. И, ты не поверишь, оказалось, что она повсюду, содержит сотни различных частиц, и её можно контролировать! И, конечно, первый, кому это удалось, был полнейшим мерзавцем. Он научил эти частицы поглощать явные частицы, то есть всё, что ты видишь вокруг. На несколько лет наш прекрасный мир погрузился в хаос. Люди прятались от сумасшедшего учёного и его сподвижников, которые упивались

своим, как они считали, могуществом. Но, как мы знаем, у любой явной частицы, есть античастица. Неявная материя не исключение. Всепожирающую мглу удалось нейтрализовать и направить открытие в созидательное русло.

– С ума сойти!

– Кстати, памятник учёному, который, по сути, спас нас всех, до сих пор сохранился.

– Покажешь? – с интересом спросил лесоруб.

– Не обещаю, это зависит скорее от тебя, – загадочно ответила Ли-а.

Саша не стал уточнять, увидев, что ей неловко об этом говорить, и заявил:

– Ну, раз так, значит, покажешь.

Ли-а улыбнулась и сделала характерный жест, предлагая наклониться поближе. Она привстала и с серьёзным видом прошептала Саше на ухо:

– Хочу, чтобы ты знал: всё, что ты ощущаешь сейчас, взаимно!

Саша был далеко не самым скромным человеком с Земли, но всё же залился румянцем и вновь услышал сладкий, как мёд, шёпот:

– У меня для тебя сюрприз.

Девушка бросила секундный взгляд в сторону оркестра. Один из вокалистов едва заметно кивнул и подал знак остальным. Они начали играть и петь:

Oh, she so special,

And my mind
Rages and rebels
As she's not mine

Саша узнал мотив с первых аккордов. Он подскочил со стула, вытаращил удивлённые и радостные глаза на Ли-а и на несколько мгновений замер в недоумении. Любопытство терзало его, было интересно услышать, как она узнала о его музыкальных вкусах, но не сейчас. Он схватил её за руку и потащил танцевать. Но девушка, выхватив руку, отказалась.

– Ты чего? – спросил удивлённый землянин.

– Я не пойду. Никогда не умела и не стоит даже начинать.

– Уметь и не нужно! Пойдём! – сказал уже во всю танцующий Саша.

Он ловко и раскованно двигался в такт музыке, вскидывал руки, кивал головой и качал тазом, то и дело призывая к нему присоединиться. И Ли-а сдалась.

– Не стесняйся! Повторяй за мной! – воскликнул обрадовавшийся землянин.

Ли-а смущённо повторяла за ним движения и хохотала над своей неуклюжестью. Вскоре она привыкла, обняла его за плечи и просто прыгала, радостно размахивая волосами.

I can't remember
How to breathe
I surrender
I'm on my knees

К ним с радостью присоединились другие гости рестора-

на. Музыканты продолжали играть земной репертуар. Набежавший мрак испуганно шарахался от цветных фонариков, всюду развешанных вокруг. Околдованный этой сказочной атмосферой и охмелённый вином, Саша, прижимая к себе Ли-а в медленном танце, раздумывал над отчаянным поступком. Он набирался смелости её поцеловать, напрочь забыв о том, что она уже знает о его намерениях.

Ли-а ухмыльнулась и избавила землянина от терзающих его сомнений, подарив трепетный, чувственный, нежный поцелуй. А после, глядя в его счастливые глаза, она с едва заметной грустью спросила:

– Сможешь её забыть?

– Кого? – ответил Саша.

Обменявшись влюблёнными взглядами, они продолжили наслаждаться счастливыми мгновениями этого вечера, обещающего подарить им не менее прекрасную ночь.

Глава 5. Особенности перевода

Трое из присутствующих уже наблюдали эту картину: шикарное дерево, море изворотливых «светлячков», влетающих в расщелину в стволе и странные звуки, доносящиеся изнутри. Тарас Петрович, Михей и Анна по понятным причинам не выглядели удивлёнными. Но, в отличие от четверых бывших лесорубов, восторгающихся, будто дети, увидевшие салют, Ивраоскарь сохранял невозмутимый вид. Его лицо было озадачено-спокойным, будто он читал сводку утренних новостей.

Когда процесс был завершён и по ветвям рассыпались белые изящные цветы, все направили свой взор на Анну, ожидая оглашения результатов.

– Увы, большинство против сделки Великого правителя, – резюмировала она.

– Но как? – спросил поражённый Петрович и тут же был перебит Ивраоскарем.

Впервые земляне увидели его в разгневанном состоянии. Он положил руку на плечо старику, дав ему тем самым понять, что настало время уступить ему право высказаться:

– Она лжёт! – твёрдо и сухо сказал он. – Причём не только сейчас всем нам, но и на протяжении определённого времени обманывает Михея.

– Что? – воскликнул капитан. – Что ты имеешь в виду?

Анна? Что происходит?

– Она лжёт! С первой секунды моего пребывания здесь она скрывает свои истинные мысли и цели, пытаясь запутать меня. Если у неё хватит мужества признаться и всё рассказать, то мы узнаем, зачем и почему.

Анна, казалось, была совершенно спокойна, возможно, цифровая версия более сдержанна, по понятным причинам, но её выдали действия. Вместо спокойного диалога она, хладнокровно сверля взглядом Ивраоскаря, попыталась задушить его корнями. Выскочив из земли и обездвигив лингвиста, растения поползли вверх, к шее, повинаясь воле своей королевы.

Добродушный Тибо принялся срывать петли, затягивающиеся вокруг вуртруанца, но тщетно. Голыми руками справиться было невозможно. Фёдор схватил нож и стал разрезать корни, но он едва поспевал за стремительно растущими витками.

Ивраоскарь был абсолютно спокоен, он расставил руки в стороны, слегка запрокинул голову и выкатил грудь вперёд, демонстрируя свою готовность лишиться жизни. Корни уже начали скручиваться вокруг его шеи, когда он бросил пронзительный взгляд на ошарашенного Михея и сказал:

– Давай, сделай это! Пусть ни у кого не останется сомнений!

Образ Анны исчез. Корни какое-то время продолжали держать лингвиста в своих смертельных объятиях, а затем

отступили. Шокированные лесорубы бросились к Ивраоскарю, желая убедиться, что с ним всё в порядке, а Михей, явно ошеломлённый, устремился в лес.

С каждым днём в новом теле у Ифффриджа всё лучше получалось сканировать людей. И сейчас, когда он знал наперёд, что ему скажут, было нетрудно уговорить протестующих, как только они оказались готовы его слушать. Сначала они, конечно, его изрядно побили, чтобы компенсировать обиду на полицейских, которые давно не церемонятся при задержаниях.

От заключённых он узнал много интересной информации. Про «дегуманизацию», про напряжённую энергетическую обстановку и про политическую нестабильность.

Нарушались постулаты мировых конференций в отношении использования ядерного сырья, квантовой энергетики и биотехнологий. Вся Земля разделялась на два лагеря: тех, кто не терял рассудок и старался не допускать неоправданного риска, и тех, кто отчаянно хватался за любую возможность вернуть своему дому первозданный вид, порой забывая о безопасности.

Через три дня бунтующих отпустили. Но Ифффридж получил от них всё, что хотел. На вопросы про посольство и его местонахождение ему никто не ответил, но это было и не обязательно. Мысли мятежников о том, что рассказывать

незнакомцу о посольстве не стоит, и что интерес его весьма подозрителен, были прочитаны. Как и примерное расположение здания посольства, которое люди невольно вспоминали. Он выносил в своей голове опасный, авантюрный план, который ставил на кон его жизнь и свободу.

Иффридж отказывался от еды и воды в течение полутора суток, он лежал неподвижно и старался не подавать признаков жизни, чувствуя, что за ним наблюдают. В конце концов, один из солдат пришёл проверить его состояние.

– Эй, ты живой там? – спросил солдат, слегка ткнув «шпиона» в плечо.

Иффридж молчал, стараясь максимально сконцентрироваться на багровом пятне на стене, которое, возможно, он там и оставил во время потасовки с протестующими. Солдат наклонился, поднёс ухо к носу Иффриджа и стал прислушиваться.

Удобнее момента и представить было трудно. Лёгкое касание в области шеи моментально обездвигило опрометченного охранника. Иффридж вскочил и бросился прочь.

Он не имел ни малейшего понятия, как устроены спецприёмники на Земле. Поэтому ему пришлось полагаться только на собственные инстинкты. Но едва он переступил порог камеры – загудела тревога. Сбежать незамеченным уже не удастся, но и на попятную идти Иффридж не собирался.

Возможно, он не рискнул бы бежать по открытой площад-

ке среди караульных вышек, если бы знал протоколы и регламенты земных тюрем, в особенности, о разрешении стрелять на поражение в беглецов. И его бы непременно застрелили, если бы не Хавьер, который отдал приказ взять его живым.

Несколько разрядов шокера – и ноги Иффриджа подкосились. Он упал, не понимая, почему в головах у всех вокруг столько злобы и ненависти к нему.

– Ты мой должник! – с притворной любезностью сказал Хавьер. – Если бы не я, тебя бы наспиговали свинцом. Ты на что рассчитывал, придурок?

– Добежать до посольства.

– Ты с какой планеты? А?

Сердце Иффриджа забилося чаще. «Как я выдал себя?» – подумал он, не сразу поняв риторики вопроса. Выдержав паузу и просканировав мысли Хавьера, «шпион», успокоившись, ответил:

– С Евы. Я же говорил, я член экспедиции...

– Хватит! Ты что, действительно, считаешь нас идиотами? Мы давно сделали запрос во Всемирное Агентство Освоения Космоса! Тебя не было в списке экспедиции. Говори, кто ты!

Иффридж взглянул на Хавьера. Несколько секунд хватило ему, чтобы раскусить этот блеф и возмутиться:

– Вы лжёте! И я не могу понять, зачем.

– Я лгу? Парень, ты хоть знаешь, кто я? Мне не нужно лжесвидетельствований, чтобы повесить тебя на ближайшем столбе.

– Знаю, вы руководитель местного управления по защите интересов государства, – дерзко ответил Иффридж.

– Откуда тебе известна моя должность? – удивился Хавьер, переменявшись в лице.

Георгий, одержимый Иффриджем, понял, что совершил ошибку. Если дать полицейскому понять, что ты слишком много знаешь, он вряд ли отпустит тебя на волю. Он увидел в глазах оппонента, как семя подозрений в шпионстве проклюнулось и вот-вот начнёт прорастать в убеждённость.

– В камере узнал. Вы местная знаменитость, – трюк сработал. Реалистичная ложь, разбавленная примитивной лестью – жгучая смесь.

– Что ты имеешь в виду?

Иффридж выдержал осторожную паузу, «прислушался» и сказал то, что Хавьер хотел услышать больше всего:

– Цепной пёс, так вас называют. Все боятся попасть к вам на допрос. Говорят, вы видите людей насквозь.

Как после такого продолжать настаивать на шпионских амбициях заключённого? Что, если это неправда? Не хочется терять звание самого проникательного полицейского провинции! Но для чего он тогда забрёл в такую глушь? Мысли Хавьера забегали, Иффридж едва успевал их читать. Игра началась. Опасная, скользкая, с непредсказуемым финалом – от виселицы до свободы.

Саша, как обычно, проснулся рано. Ли-а ещё спала, лёжа

у него на плече. Землянин не посмел будить её, хотя его рука уже порядком онемела. Он принялся рассматривать комнату. Поздним вечером, когда они вернулись, веселые и пьяные, ему было не до этого. Да и при дневном ярком свете видно куда лучше.

Комната была совсем небольшой, у Саши были определённые подозрения, что тёмные, почти чёрные стены были ненастоящими, а созданными ГНВЧ. Не было ни окон, ни дверей, в комнате стояли только тумбы и длинный комод без ящиков. Потолок, тоже фальшивый, имитировал звездное небо. На нём ускоренно кружились созвездия, планеты и кометы, сияя то ярче, то тусклее.

На тумбах стояли белые, будто из мрамора, фигурки, из которых выбегали искры синих светлячков, выстраивающихся в различные цифры и буквы. Саша догадался, что это будильник, показывающий, кроме времени, день недели, погоду, заметки и прочую ерунду. Со стороны Ли-а стоял такой же. Точь-в-точь. Интересно, если она одинока, зачем ей два будильника?

Саша взглянул на девушку. Она спала невероятно мило. Прильнув к нему, приложив к лицу сжатую в кулак ладонь, будто младенец. Молодое стройное тело облегалось тонким покрывалом жемчужного цвета. Землянин попытался заглянуть под него, но не смог. И остановило его не смущение. Край покрывала невозможно было приподнять, будто оно весило тонну, хотя под ним было комфортно как никогда.

«Неужели и покрывало не настоящее?» – подумал Саша и с тревогой посмотрел на Ли-а.

Синие огоньки, прячущиеся в фигурке со стороны Ли-а, внезапно засуетились. Вылетев и приняв форму человеческой ладони, они нежно погладили её по голове. Саше показалось, что он даже услышал: «Доброе утро». Хотя, возможно, что эта была Ли-а, которая, после касания ладони «будильника», стала, просыпаясь, ёрзать.

– Как спалось? – спросила Ли-а, пытаясь поцеловать Сашу в щёку.

– Прекрасно.

– Давно проснулся?

– На пару минут раньше. Слушай, что это за покрывало? Я его приподнять не могу!

– А зачем ты хотел его приподнять? – игриво спросила Ли-а.

– Встать, – соврал Саша и улыбнулся, вспомнив про способности девушки.

– Ну, так вставай, – смеясь, скомандовала она.

– Прямо так?

– Да.

Саша приподнялся, покрывало, будто наэлектризованное, прилипло к телу. Едва землянин поставил ноги на пол, жемчужная ткань ловко юркнула в сторону и ровно легла на кровать. Ли-а без стеснения разглядывала Сашу, так, что он даже смутился и стал прикрываться руками.

– Здесь есть хоть что-нибудь настоящее? – с досадой спросил лесоруб, наблюдая, как изворотливое одеяло расправляется там, где только что лежала Ли-а.

– Мы, – с нежностью ответила девушка и обняла Сашу.

– Почему вы спите среди этих стен? – не унимался землянин.

– Я расскажу за завтраком. Договорились? – сказала Ли-а, не опуская рук с Сашиних плеч, и так на него посмотрела, что он согласился бы на всё что угодно.

Девушка подошла к длинному серому комоду, который радостно оживился, едва увидев хозяйку. На его поверхности замелькали изображения костюмов. Ли-а перелистывала их одним взглядом, не спеша, и выбрала именно то, которое понравилось Саше. Из комода выскочила небольшая платформа. Девушка приложила к ней руки, и с платформы начали весело взбегать светло-зелёные частички, покрывая её гладкую светлую кожу.

Саша смотрел на всё это с досадой и удивлением, натягивая поношенные холщовые штаны лесоруба. Обидно, что одежда, скрывающая прекрасное нежное тело – фальшивка. Но фальшивка высокотехнологическая, потрясающая воображение.

Ли-а облачилась в повседневный «костюм» – комбинированный наряд, похожий на земной, завоевавший популярность среди молодых клерков за классический вид и домашнюю комфортность. На ногах у девушки оказалась обувь, по-

хожая на кеды. Только форма была чрезмерно смелой для человека с Земли. Будто девушка надела на ноги египетские пирамиды уменьшенного формата. Саша, в чьей голове с трудом уживались пальто с кроссовками, надетые на одного человека, был весьма обескуражен.

Землянину предоставили выбор: позавтракать так, как это делают в обычные дни, либо по-особенному. Саша выбрал первое, так как «особенный» завтрак будет мало чем отличаться от вчерашнего ужина, разве что без вина и музыки. Ему же очень хотелось узнать их повседневные привычки.

Едва он сделал свой выбор, чёрные стены вокруг кровати исчезли, и он, наконец, увидел, как живёт его новая знакомая. Тесные квартиры земных мегаполисов кажутся раем на фоне того, что предстало перед Сашей. Необозримое пространство, заполненное стеклянными аквариумами, в основном прямоугольной формы, загадочным образом болтающимися в воздухе. Хотя, вероятнее всего, это был не воздух, так как, будь эта серая взвесь воздухом, дышать было бы просто невозможно.

Прозрачные коробки были окружены едва заметными светящимися ореолами, соединёнными между собой. Как оказалось, это те же частички, которых на самом деле было множество видов, но Саше они казались одинаковыми, за исключением их цвета. «Квартиры» местных обитателей были похожи на пойманных в паутину мух, ожидающих в молчаливом отчаянии паука.

Увиденное произвело на Сашу сильное впечатление. Почему-то смотреть на всё это было крайне печально. Торжество высоких технологий оказалось обильно приправлено тоскливой пустотой.

– А куда делась вся эта красота? Где грибы? Летающие патииссоны? Где весь этот праздник? – спросил землянин, осторожно проводя рукой по стеклу, отделявшему его от внешнего мира.

– Никуда не делись. Хочешь вновь позавтракать там? – ответила Ли-а.

Без улыбки, не так, как вчера. Реакция Саши явно расстроила её.

– Здесь есть хоть что-нибудь настоящее? – растеряно спросил Саша. – Где ребята?

– Здесь всё настоящее. Тебе пока тяжело в это поверить, но всё, что ты видишь вокруг, вполне реально.

Девушка старалась говорить максимально нежно, чувствуя, насколько сильно обескуражен Саша.

– Выглядит всё иначе, – пробормотал землянин, увлекаясь постепенно тем, что делала Ли-а.

На одной из стен засветилась большая прямоугольная арка. На ней, как на комодe с костюмами, быстро менялись картинкИ. Но вместо костюмов на этот раз один пейзаж сменял другой. Он осторожно приблизился к девушке и стал всматриваться, подозревая, что и на этот раз выбор будет за ним. От удивления закружилась голова. Интуитивно рука земля-

нина нашла опору на холодном чёрном гарнитуре с прямоугольным углублением в центре.

– Что предпочитаете? – рявкнул утробный голос так неожиданно, что Саша взвизгнул и одёрнул руку.

Ли-а расхохоталась. Вот в чём было дело. Испугавшись за своего нового знакомого, она была слишком серьёзной. А теперь всё вновь стало настоящим.

– Давай вот здесь! – улыбаясь, сказал Саша, указывая на картинку, зависшую в арке – красивейший луг, притаившийся среди невысоких гор, будто это были так хорошо знакомые ему Альпы.

– Мне было едва за двадцать. Я учился в институте. Программистов часто отправляли за границу по обмену, и я не стал исключением. Откровенно говоря, я пошёл учиться не ради знаний, лишь бы было образование. Хотя порой язык не поворачивается назвать это «образованием».

Мы познакомились в общежитии. Она была куратором нашей группы. Она открывала для студентов тайны чужой страны. Помогала влиться в её культуру, давала ценные советы по поиску работы. Втрескался я в неё по уши. И я, кажется, ей понравился. Мы гуляли по ночам, несмотря на комендантский час, ходили по местным барам. Словом, были счастливы.

Мне даже повезло устроиться в именитую IT-компанию.

Варя за меня была очень рада. А я, дурак, тосковал по дому. Я неплохо знал их язык, так сказать, в профессиональной сфере, но не в разговорной. Я не понимал их шуток, быт, привычки. Но я терпел, ведь всё это меркло, когда она улыбалась.

Когда я её впервые увидел, она была в бежевом платье с белой кружевной вышивкой, собранными выющимися волосами золотистых оттенков. Небольшие, но, казалось, бездонные глаза и идеальная улыбка – она успокаивала, согревала, умиляла. Тридцать две блестящих жемчужины, окружённые ярко-розовым побережьем нежности, хором говорящих тебе: «Всё будет здорово».

Программа обмена закончилась. Она уговаривала меня остаться, бросить учёбу и переезжать к ней. А я упёрся. Настаивал, чтобы она вернулась вместе со мной. И вроде понимал, что её аргументы убедительнее, у меня тут с работой пошло всё на лад, готовы были взять на учёбу, у неё уже вся семья переехала, обустроилась. Зачем всё ломать? А я поддался внушениям отца, который был жутким консерватором. Говорил мне: «Ты что, будешь жизнь себе ломать ради какой-то девки, которую знаешь всего-то несколько месяцев?» Стыдил меня, что я попал под её влияние, иду у неё на поводу. А я повёлся, дурак.

Только сейчас стал понимать, что ломать жизнь – это не связываться в хлопотные перемены, а отказываться от того, что ты любишь. И отец, скорее всего, сам не мог отказаться

от того, что любит – от меня. Он умер через год после того, как я вернулся...

Я остался один. Первое время, убитый горем, я влачил жалкое существование. Работал из-под палки, лишь бы хватало на еду. Жил в крохотной отцовской квартире. Пил... В какой-то момент вспомнил про Варю. Я связался с ней, рассказал, обо всём. Предлагал начать всё сначала. Она отказала. Говорила, что ей жаль, но её чувства остыли, и слишком поздно уже что-то возвращать.

Я несколько лет её преследовал. Прилетал, несколько встреч были тёплыми, дружескими, но ближе к себе она меня больше не подпустила. Надеюсь, у неё просто кто-то появился. Не хочу жить с мыслью, что из-за моей глупости человек несчастен.

Ну, а потом эта экспедиция. Думал, мол, вернусь героем, тогда-то она не устоит... Вот же идиот!

Саша засмеялся, сделал глоток свежесваренного кофе, взглянул на Ли-а и улыбнулся:

– Добротный кофе варит твой дружок!

Девушка улыбнулась, а затем неожиданно спросила:

– Какая сейчас погода?

– Где? – удивлённо спросил Саша.

– Здесь.

– Ну, солнечно, большие кучевые облака летают, тепло.

Почему ты спрашиваешь? Ты же сама всё видишь.

– Вижу, что собирается дождь, и мы все вот-вот промок-

нем.

– Чего? – землянин округлил глаза и уставился на Ли-а.

– Это к разговору, почему мы спим за стенами. Тебе, наверно, кажется, что понимать человека без слов – чертовски полезный навык. Ни лжи, ни предательств. А вот и нет. Обмануть можно и без слов. А коварство, подкреплённое научными прорывами, устроило вторую волну хаоса. Помнишь? Следом за разрушительными частичками, чуть было не сожравшими наш мир, пришёл кризис миражей.

– О-о-о, Ли-а, прошу! Ты опять?

– Нет! Тут всё достаточно просто. Мы стали активно изучать ГНВЧ. Оказалось, что с их помощью можно менять не только окружающий мир, строить стены и переносить в пространстве дома, но и менять своё собственное восприятие. Люди стали активно менять мир вокруг себя. Если кому-то было грустно, он хотел видеть дождь или шквальный ветер. Тот, кто был весел, щурил глаза от яркого света звезды на ясном небе. Кто-то желал слышать журчание ручья среди оживлённого проспекта. Кому-то очень понадобился сквер на центральной площади. А те, кто не пытался воздействовать на мир, попадал под влияние окружающих и порой не понимал, где реальность, а где выдумка.

Люди стали сходить с ума в попытках вернуться в реальность. Тогда-то мы вновь решили проблему с помощью антипода. Оказалось, есть элементы, полностью блокирующее большинство импульсов. Из них стали делать сначала экра-

ны, потом одежду и стены, а теперь они входят в состав всех интеллектуальных систем, начиная от гардероба, заканчивая «дружком».

– А дружку-то они зачем? – спросил загруженный Саша.

– Что бы он готовил яичницу так, как её представляю я, а не мой сосед.

– То есть за стеной, когда ты спишь, никто не может проникнуть в твои мысли?

– Именно.

– Фантастика! – воскликнул Саша и задумался, а вскоре, оживившись, добавил: – Так всё-таки этот луг, горы, облака – это всё настоящее?

– Ну, конечно же!

Саша отстранил сэндвич, встал и направил взор вдаль. Бесконечное синее небо было небрежно разрезано горным массивом. Некоторые вершины уходили так высоко, что терялись в голубоватой дымке. Очертания гор размывались бурно разросшейся зеленью. От этого места веяло свободой, спокойствием, могуществом.

Землянин провёл рукой по густой высокой траве и увидел среди сочной листвы изящные оранжевые цветы. «Как хорошо они будут смотреться на её тёмных, с едва заметным синим отливом, волосах», – подумал он и обернулся. Она, уже всё зная, улыбалась.

– А кем ты работаешь? – спросил Саша, нежно надевая на голову Ли-а сплетённый венок.

– Я ассистент своего отца в научном центре. Мы продолжаем исследовать возможности ГНВЧ. В частности, мой отец тестирует их внедрение в человеческий организм.

– А в тебе они уже есть? – спросил Саша, заранее зная ответ.

– Конечно, почти во всех нас.

– И как вам живётся? Под защитной оболочкой, в ненастоящем организме.

– Почему это, в ненастоящем? – спросила расстроенная девушка.

– Не знаю, как-то это странно для меня. Пугающе.

– Поймёшь, стоит только решиться.

Саша не стал спрашивать, на что решиться. В тот момент в его голове ярко вспыхнуло воспоминание, как люди в чёрных панцирях умирляли бунтующих. Жалящие синие искры – плоды работы отца Ли-а. Саша решил, что это подходящий момент.

– Что с ними будет? – спросил он, опуская конкретику, зная, что Ли-а понимает, о ком он говорит.

– Думаю, они получат то, чего хотели.

– То есть?

– Их проверят и отпустят. Они же рвались на свободу, так? У нас не принято действовать против воли человека. Не стоит переживать. Мы отказались от варварских методов воспитания.

– Вы считаете, что имеете право их воспитывать? – него-

довал Саша.

– А почему нет? Мы вас к себе не приглашали. Забыл?

– Нет, не забыл, – ответил землянин и направил печальный взор куда-то вдаль.

Девушка сочувствующе посмотрела на него, обняла и с трепетом положила голову ему на плечо. «Всё хорошо», – крутил у себя в голове Саша. Не столько для сканирования Ли-а, сколько для внушения самого себя.

После завтрака они вернулись в «квартиру» Ли-а. Так же стремительно, как и покинули её. Саша не оставлял попыток понять происходящее:

– А остальные земляне?

– Там же, где и были.

– Я имею в виду физически, я могу до них дойти?

– Да. Конечно, – ответила Ли-а и стала быстро перелистывать картинки на прямоугольной арке.

– Нет, нет! – закричал Саша. Он схватил девушку за плечи, повернул её к себе, обнял и взмолился: – Хватит! Прошу, давай дойдём туда пешком. Без пугающих арок и ГНВЧ!

– Пешком? – спросила явно обескураженная Ли-а, вновь испуганная состоянием землянина. – Что ж, давай попробуем. Придётся взять отпуск, но это будет интересно.

Глава 6. Необоснованные требования

Машина неслась по лесу так, что сидящие в ней люди периодически бились головой о крышу. Но водителя это не смущало, его макушка даже на такой дороге была в безопасности.

– Умоляю, Тибо! Сбавь скорость, я не могу сосредоточиться, потому что постоянно бьюсь головой! – завопил Ивраоскарь, сидящий рядом с водителем.

– Наш мозг сейчас не слишком нагружен, но ему тоже не по нраву постоянная долбёжка! – присоединился к возмущениям Фёдор, сидящий с Петровичем на заднем сидении.

– Потерпите, дамочки, нет времени объезжать ухабы, – смеясь, ответил Тибо.

Тарас Петрович молчал и задумчиво смотрел в окно. Он был напряжён, телом – из-за необходимости крепко держаться, и умом – из-за неприятностей, возникших с Михеем. Капитан ушёл в лес и не возвращался оттуда несколько дней. Найти его такой маленькой группой было невозможно, но Ивраоскарь предложил свою помощь.

По его словам, импульсы мыслей землян отличались от импульсов, исходящих от электронных копий. И если сильно постараться, можно «услышать» Михея на приличном рас-

стоянии. Ивраоскарь задал приблизительное направление и корректировал его по мере передвижения, а остальные обаялись внимательно вглядываться в густые заросли и выискивать знакомый силуэт.

– Да, давненько я на таком старье не катался! – вздохнул лингвист, внося очередную поправку курса.

– А что, бывало, и раньше катался? – с любопытством спросил Тибо.

– Само собой! Я ведь не родился лингвистом. Я долгое время был лазутчиком Жи-Има на службе у Великого Правителя. И в награду за заслуги он сделал меня одним из хранителей языков Вселенной.

– Так тебе, правда, что ли, больше двух тысяч лет? – воскликнул наивный Тибо, принявший недавние слова Ивраоскаря за шутку.

– Правда.

– А как это возможно? – воскликнул лесоруб с округлившимися от удивления глазами.

– Вот так. Ты же способен регенерировать клетки тридцать или, скажем, пятьдесят лет. Так? А дальше эта способность у вас пропадает, и вы начинаете стремительно увядать. Так вот, мы уже давно выяснили причины остановки регенерации клеток и устранили их.

– И что же это за причина? – даже задумчивый старик присоединился к разговору.

– Я лингвист, откуда мне знать. Какой-то код меняют в

ДНК – и готово, – явно что-то не договаривая, ответил Ивроскарь. – О, нам туда!

– И что, вы совсем не умираете? – спросил изумлённый Тибо.

– Ну, почему же. Умираем. В весьма преклонном возрасте, – ухмыльнулся лингвист. – А чаще человек сам принимает решение уйти, закончить свой путь. Освоив всю мудрость жизни за тысячи лет, многим становится интересно, что происходит за её пределами.

– А тебе уже стало интересно? – бестактно вклинился Фёдор.

Ивраоскарь рассмеялся, и впервые его смех для всех показался искренним. Но через несколько мгновений он стал серьёзным, и, помедлив пару секунд, вернул раздражающую всех ухмылку:

– Не дождёшься, – ответил он и вновь стал концентрироваться на поисках капитана.

С первого дня экспедиции почти каждый замечал, что лес, в котором приземлилась их станция, совсем не похож на земной. Он жил куда более активно, чем привычный для нас прирост в несколько десятков сантиметров в год и пара новых гнёзд с трудом выживающих птиц. Здешний лес казался мистическим, окутанным тайной, он каждый день казался новым, неизученным. Эта неизвестность не перестала пугать землян и по сей день.

Возможности местной цивилизацией управлять сознанием человека, заставляя его видеть снег там, где цветут цветы, пугали ещё сильнее. Многие перестали верить собственным глазам и не обращали внимания на происходящие перемены, которые, как уверял Ивраоскарь, были настоящими. Буйная зелёная листва постепенно блёкла, погружая лес в более тёплые оттенки. Всё чаще дул ветер, затягивая тоскливые мотивы осени. И хотя для каждого это первая осень на Еве, знакомая осенняя хандра уже забрюзжала в сердцах землян.

Фёдор и Тибо чувствовали себя немного увереннее в присутствии Петровича и Ивраоскаря. Углубляться в лес было не так страшно. Тибо насвистывал что-то себе под нос, а легкоатлет безмятежно засыпал Ивраоскаря вопросами.

Всё резко изменилось, когда узкая ладонь с длинными пальцами остановила любопытство Фёдора. Дождавшись тишины, Ивраоскарь напряг каждую мышцу на бледном лице. Он будто прислушивался. Тибо даже заглушил двигатель, хотя едва ли это нужно было делать. Молчаливый и задумчивый, лингвист вышел из машины и стал бродить туда-сюда. Вид у него был растерянный, земляне в машине занервничали.

Когда Ивраоскарь остановился и упёрся рукой в один из стволов, тишина вокруг затрещала от напряжения. Фёдор и Тибо боялись дышать. Направив свой взор куда-то вниз, сквозь землю, лингвист странно задёргал головой. Он закрыл глаза, его голова стала дёргаться чаще и сильнее. Рука на стволе неестественно скривилась. В перерывах между вздрагиваниями Ивраоскарь странно водил головой, будто нюхая воздух. Левое ухо вздымалось вверх вместе с правым плечом. Со спины казалось, что он говорит дереву: «Не знаю, я не знаю».

Не знали, что происходит, и трое сидевших в машине. Но Тибо мгновенно завёл мотор и рванул прочь, как только Тарас Петрович и Фёдор втащили в машину бессознательное тело Ивраоскаря.

Огромный город лежал перед Иффриджем. Сначала он сбежал из морозного плена снежной пустыни, теперь хитростью выторговал себе свободу у офицера комитета безопасности и, наконец, может свободно идти к своей цели.

Патрульный автомобиль, вышвырнувший его чуть ли не на ходу, окатил его жгучей коричневой пылью. Серые улицы города в этом облаке выглядели как с фотографии далёкого прошлого: тоскливая, блёклая сепия. Практически полное отсутствие освещения и пустые улицы наводили на Иффриджа тоску. Но выбора не было.

Он не знал, куда идти, поэтому побрёл наугад по замызганным улочкам, состоящим из небольших полуразрушенных домиков, наспех залатанных фанерными листами. Стараясь уловить в чьей-нибудь голове мысли о посольстве или аналогичном ведомстве, он становился невольным свидетелем многих трагедий, живущих в головах здешних людей.

Его лицо искажалось гримасами ужаса, сочувствия и сожаления каждый раз, когда в его голову «влетали» мольбы о помощи. Кому-то не хватало еды, кто-то был вынужден жить на улице, кто-то в слезах искал своего ребёнка. Среди этого кошмара Иффридж сразу же забыл о собственных проблемах. Ему хотелось броситься на помощь каждому. Но всякий раз он останавливал себя и повторял: «Сначала посольство».

Вскоре его мысль материализовалась. По улице шёл высокий плечистый мужчина в красивом, явно дорогом костюме.

Вокруг него сгрудились не менее габаритные парни, охранявшие его. Мужчина в центре громко возмутился:

– Почему нельзя было подъехать туда на машине?

– Господин Самберо, это невозможно! Они заблокировали все подъезды. Мы с трудом пробили коридор к трибуне.

– Чёртовы либералы! А вы? Не могли подогнать технику?

– Нельзя. Советник запретил. Сказал, что ситуация накалена до предела.

– Это мои нервы накалены! Слышишь? Долго ещё? Мне ещё к послу, а потом в палату!

Иффридж никак не отреагировал на заветное слово. Он уже знал обо всех планах чиновника и, изображая безразличие, шагал по противоположной стороне улицы.

Чиновник в окружении охраны с трудом втиснулся в узкий коридор из широких спин сотрудников органов правопорядка. Иффридж рванул следом, но его тут же остановили.

– Ты кто такой? – спросил огромный мужик, сграбастав Иффриджа в охапку.

– Мне надо туда! – робко ответил он и кивнул в сторону коридора, по которому удалялся господин Самберо.

– Туда нельзя, через центральный вход. Через пункт досмотра! – рявкнул верзила и швырнул Иффриджа так, что тот еле устоял на ногах.

Вариантов не оставалось, пришлось подчиниться. Пункт досмотра находился на другой стороне площади, нужно было обогнуть трибуну и небольшое двухэтажное здание, обне-

сённое забором. К пункту осмотра вела огромная очередь. Через некоторое время Иффридж, едва продвинувшись в очереди, занервничал. Он стал хаотично сканировать мысли окружающих в надежде получить важную информацию, как вдруг толпа рванула вперёд.

Народ, которого только что досматривали и допускали на площадь с показательной медлительностью, в едином порыве пошёл на оцепление, и оно не выдержало. Растерянных полицейских понесло живым потоком в самую гущу событий.

На площади было не продохнуть. Разношёрстный народ объединяло одно требование – объяснить, куда пропадают люди и миллиарды песо из бюджета. Иффридж лавировал среди человеческих волн и высматривал среди толпы грузную фигуру чиновника.

Толпа затихла, когда послышались щелчки в микрофон и робкое «раз-раз». У микрофона стоял господин Самберо и собирался с мыслями.

– Граждане, дорогие соотечественники! Мы все живём в трудное время. Уверяю вас, мы прикладываем все усилия, чтобы как-то изменить ситуацию...

Толпа недовольно ухнула. Самберо продолжил:

– ...я не хочу оправдываться, но вынужден признать, что пока мы не достигли успехов ни в одном направлении, однако всё же есть и хорошие новости. Готовятся к выпуску очередные продовольственные сертификаты.

Народ загудел сильнее, послышались отдельные выкрики:

– К чёрту их!

– Я не обменяю жизнь на пачку кукурузной муки!

– У меня сестра пропала, когда пошла по сертификату провизию получать.

Чиновник переждал волну негодования и парировал:

– Не верьте слухам. Пропажа людей никак не связана с выдачей провизии. Мы, как можем, заботимся о гражданах. Накормим всех, а там и с пропажами разберёмся. И, друзья! Честное слово, скандалом делу не помочь, прекратите бунтовать и громить улицы. Вы только добавляете нам работы.

Среди людей побежало сомнение, а Иффридж стоял, покрасневший от злобы, и сжимал зубы. В тот момент он знал наверняка – чиновник врёт, а большая часть людей ему поверит. Им вновь удастся заманить людей сертификатами на провизию и подсунуть пачку «отчётных» документов, среди которых – согласие на крионику. А если получатель провизии окажется чересчур внимательным, поставить подпись ему помогут те самые верзилы, стоящие за спиной Самbero. Простая, омерзительная и гнусная схема, которая легко «читалась» Иффриджем. На тот момент ему казалось, что и без навыка сканирования мыслей всё весьма очевидно. Однако толпа вокруг разделилась на тех, кто верит, и тех, кто продолжал громко кричать и возмущаться

Иффридж не был ни с теми, ни с другими. Он, в отличие от остальных всё знал наверняка, но ничего не мог сделать. Он с натугой выдыхал пыльный воздух, гневаясь на

собственную беспомощность и аккуратно пробирался сквозь толпу поближе к господину Самберо.

Над площадью стягивались тучи, готовясь подарить Иффриджу первый дождь за долгие годы. Вдалеке замелькала молния, которую, казалось, злит происходящее не меньше людей на площади.

– Наша история не даст мне солгать! В нашей ДНК хранится память о великих победах наших предков, пророчащая нам преодоление всех трудностей. Пока мы заодно, пока мы держимся друг за друга, пока мы доверяем друг другу, ничто, даже остывающее солнце нас не сломит! – ораторский талант Самберо был на грани триумфа.

Толпа всё громче ухала, приветствуя каждый воодушевляющий выпад, пока резкий неожиданный крик не нарушил идиллию:

– Доставьте меня в посольство!

Толпа затихла, удивлённые взгляды перемещались с головы на голову в поисках источника неуместной реплики.

– Кто это сказал? – удивился Самберо, вглядываясь в толпу.

– Я! – послышался ответ от невзрачного худого человека, измученного тяжкими испытаниями.

– Ты кто? Причём тут посольство? Мы тут, вообще-то, митингуем, – натянув на лицо отвратительную улыбку, сказал чиновник у микрофона.

– Вы тут подло лжёте, и заманиваете людей на крионику!

Мышцы на лице Самберо задёргались. Но, стараясь не выдать себя, чиновник попытался быстро перевести разговор в другую сторону:

– Вам лучше проспаться. Ступайте домой.

Иффридж ничего не ответил, он «прислушивался» к мыслям окружающих. Толпа вокруг безмолвно вопрошала: «о чём это он?», «так это не слухи?», «что за крионика?» Иффридж решил воспользоваться ситуацией:

– Делаешь вид, что не понимаешь, о чём я? А вот им интересно! Хочешь, я им всё расскажу?

Народ начал перешёптываться, а вскоре гудеть, требуя рассказать им правду. Улыбка исчезла с лица Самберо. Он подал едва заметный сигнал силовикам, но Иффридж его заметил и начал кричать:

– Народ, задумайтесь, много ли по улицам бродит сумасшедших? И скольких из них пытаются арестовать? Так, может, я несу не чушь? Может, я говорю правду? Подумайте над этим!

Самберо хотел было попрердеть своих бойцов, но было уже поздно. Они озлобленно распахивали толпу, пробираясь к Иффриджу. Со всех сторон слышались крики: «так это правда?», «не смей его трогать!», «пусть он говорит!» и т.д.

Между Иффриджем и полицией возникла стена негодующих граждан. Между ними, как и в небе, нарастало напряжение, готовясь высвободиться сокрушительным разрядом. Гром, предупреждая, заклокотал, но слился с рёвом толпы.

Самберо, поймав первые капли дождя могучими плечами, сверлил самозванца взглядом. Убедившись, что полиция не справляется с толпой, он вновь заговорил:

– Что ж, вы хотите правды? Так слушайте. Этот человек – баламут. Мне неизвестно, зачем он распространяет слухи о крионике. Но у меня доброе сердце, а потому я дам возможность высказаться этому незнакомцу. А после, может, и в посольство доставлю, как пойдёт.

Чиновник, бросил пронзительный взгляд на Иффриджа, пытаясь сказать ему: «Ты же понимаешь, что говорить, а что нет?» Но Иффриджу не нужны были намёки, он уже знал, что едва он с трибуны заикнётся про крионику, его схватят. А если он откажется от своих заявлений, то, с большой вероятностью, пострадает от обманутой толпы. Нужно было срочно что-то придумать. Но мысли подло ускользали, а те, на которых получалось сконцентрироваться, жалобно кричали о незнании местных устоев и правил. Искать ответ в головах бунтующих мешали учащающиеся капли дождя, застучавшие по крышам, откосам и навесам, сливаясь воедино с неиссякаемым потоком возмущения.

Пришелец с Евы решил сделать ставку на защищавшую его толпу. Не столько потому, что он верил в их численную мощь, сколько по зову совести. Раз уж добратся до посольства не выйдет в любом случае, путь хоть несколько сот человек узнают правду, которая, возможно, в дальнейшем спасёт им жизнь.

– Никаких слухов я распространять не буду. Хочу лишь всех вас предупредить: среди бумаг, которые вам вручат на подпись при получении сертификатов, может оказаться соглашение на крионику. Будьте бдительнее. Хотя, скорее всего, после моих слов они начнут действовать ещё аккуратнее и хитрее.

Толпа взорвалась. Казалось, что сейчас Самберо и его людям не сдобровать. Но он вновь смог всех утихомирить и спросил:

– А есть ли у вас доказательства? Или это пустые предположения?

Тысячи глаз впились в Иффриджа. словно неподъёмная ноша, лежавшая на плечах, немая надежда давила на него так, что он еле держался на ногах. Фактически доказать свои слова ему было нечем. Но сдаваться он не собирался. Внезапная мысль о том, что этот лжец в очередной раз всех перехитрит, взбесила его. Он развернулся лицом к толпе и громко закричал:

– Прямо здесь мне нечем подкрепить свои слова. Но если я лгу, то почему меня держали за решёткой и выбивали показания касательно «крионики»? Почему до сих пор не известна судьба Натаньеля Вараско? Куда пропал Даниэль Эрмино? Где Рамиро Родригас? – он стал перечислять пропавших, о которых думали люди вокруг.

Услышав знакомые имена люди приободрились, в них просыпалась надежда на то, что этот незнакомец поможет им

найти своих родственников.

Иффридж продолжал перечислять пропавших, пока не увидел, что обозримая часть толпы смотрит на него как на спасителя и ждёт, когда он даст столь ожидаемый ответ.

– Да, у меня нет никаких доказательств, но если я, как выразился господин Самберо, обыкновенный баламут, то откуда у меня столько информации о пропавших? Я скажу вам больше. Они прекрасно знают, где ваши родные. Вы, конечно, можете мне не верить, но скорее всего, все они попали к ним в лапы, рискуя уже никогда не вернуться.

Над городом прогремел гром, на который никто не обратил внимания. Начался сильнейший ливень. Самберо и его люди поспешили ретироваться, сделав вид, что их прогоняет дождь. Напоследок он бросил в микрофон:

– Кому вы верите? Чувшь это, лучше спросите у него, откуда ему известны имена пропавших?

Над головой чиновника раскрылся широкий зонт, укрывший его от ливня. Широкие спины, обступившие его со всех сторон, спрятали от летевших в его сторону бутылок, обломков брусчатки, всего, что попало под руку разъярённых горожан. Тем не менее, последняя его фраза не осталась без внимания. Некоторые стали засыпать Иффриджа вопросами, а ему нечего было ответить. Когда терпение народа кончилось, началась массовая драка – митингующих с полицией, тех, кто поверил Иффриджу – с теми, кто принял его за лжеца.

Самберо уехал, моментально выбросив из головы эту стычку, как пустяковое недоразумение. А в это время давка на площади стала для многих последней. Иффридж почти сразу оказался на земле. Он направил взгляд вверх, на летевшие в него капли дождя и подошвы тяжёлых ботинок. «Я никому ничего не делал плохого! Почему со мной так поступают? Откуда в этих людях столько ненависти и злобы?» Он был в полнейшем отчаянии. Драка набирала обороты, как и ливень, который будто пытался уgomонить обезумевшую толпу.

Столкновение стало утихать. Но дождь не унимался. Те, кто уцелел, разбрелись по развалившимся домам, остальных, оставшихся лежать, собирали подоспевшие на подмогу полиции военные. Иффридж лежал среди остальных в полусознательном состоянии, широко раскинув руки и бормоча что-то несвязное. Капли дождя, скатываясь с его лица, окрашивались в бледно-розовый цвет и объединялись в кровавое озеро.

Глаза Иффриджа отекали, их залило водой, он практически ничего не видел. Но кто-то бесцеремонно стал его поднимать и куда-то тащить. Он чувствовал, как его несколько раз роняли, падая, споткнувшись о других лежащих людей. В очередной раз, рухнув на чьё-то тело, он окончательно потерял сознание, а с ним и надежду, на то, что всё наладится.

Ли-а, сияя от счастья, появилась из арки. Саша, ожидав-

ший её, приободрился.

– Отпустили? – спросил он, зная наверняка, что ни за что не смиритса с отказом.

– Что? А! Конечно. Это была, скорее, формальность! Я не поэтому так долго! Смотри, что я для тебя достала.

Девушка продемонстрировала странный предмет, напоминающий земную видеокассету.

– Что это? – с удивлением спросил Саша.

– Сейчас увидишь.

Она приложила «кассету» к комоду и из него выехала платформа с разёмом. Едва Ли-а бросила туда замысловатый прямоугольник, на платформе образовался яркий шар. Неспешно вращаясь, он едва заметно подсвечивался по контуру. Когда Ли-а коснулась его поверхности, он засветился как экран высокого разрешения, только объёмный, а на этом экране отображался рельеф Кармен.

– Раритет! – воскликнула девушка, увлечённо вращая проекцию планеты.

– Шутишь? Никогда не видел ничего подобного! – ответил Саша, зачарованно любуясь «глобусом».

– Нашла! – Ли-а провела пальцами по проекции в разные стороны, и рельеф под её ладонью послушно увеличился. – Вот, мы примерно здесь, – она указала на небольшой участок земли, окружённый лесом.

– Вокруг нас ни единого дерева, а тут всё в зарослях.

– Мы внутри амферы, – ответила Ли-а, и, увидев удивлён-

ное лицо Саши, тут же продолжила: – Не пугайся, попытаюсь объяснить. Это пространство, где мы живём, симулируя привычное жилище. Физически это похоже на огромный мешок, внутри которого гиперпространство. Измерение внутри амферы другое, поэтому на происходящее на поверхности она не влияет. Это позволяет нам жить, не оказывая практически никакого влияния на планету.

– Ты меня с ума сведёшь! – пробурчал Саша, пытаясь переварить только что услышанную информацию.

– Я думала, что уже свела!

Саша улыбнулся и нежно посмотрел на девушку. Она слегка повернула «глобус» и указала пальцем в другое место.

– Твои друзья здесь. В другой амфере. До неё идти совсем не близко. Если перевести на километры, то сотни две насчитаем, не меньше. Уверен, что оно того стоит? – спросила Ли-а и с улыбкой смотрела на Сашу, ожидая, что он откажется.

– Не уверен. Но мне жизненно необходимо оказаться в нормальном пространстве.

Ли-а одним движением руки заставила зиять огромную дыру в стене её «квартиры». По другую сторону был густой лес, как на «глобусе». Девушка жестом пригласила Сашу пройти сквозь разрыв, и сама последовала за ним. Едва они шагнули на ту сторону, как проход закрылся. Саша не заметил никаких изменений, кроме, пожалуй, запаха.

Вокруг них раскинулся густой лесной массив, на мгновение землянину почудилось, будто он дома. Но едва они дви-

нулись в путь, вокруг вновь всё стало чужим.

– Получается, что вы тут не бываете? Но лес здесь не выглядит брошенным.

– Бываем, но редко. Планета сама неплохо ухаживает за собой.

– Что ты имеешь в виду?

– С тех пор, как мы стали активно использовать амферы, появилась уникальная возможность наблюдать за развитием жизни без человеческого влияния. Помнишь наш ужин? Так вот, зверьки, которых ты называешь летающими патиссонами, это как раз один из примеров санитаров нашей природы.

– Интересно, как они выкорчёвывают пни, – рассмеялся Саша.

– Там, где они обитают, пней не бывает.

– А здесь тоже свои санитары? – не унимался землянин.

– Да, везде. Есть уникальные виды, которые эволюционировали из растений. И далеко не все они такие милые, как ларгамы. Некоторые весьма своенравные, скрытные, а для тебя, пожалуй, опасные.

– Живые растения?! – переспросил Саша и раздражённо усмехнулся.

Он давно перестал воспринимать происходящее вокруг него всерьёз, ощущая себя персонажем фантастического фильма.

Ли-а не стала ничего отвечать. Они побрели в сторону амферы с пленёнными землянами, хотя им в тот момент было

всё равно, куда идти. Вскоре Саша, уложив все невероятные факты у себя в голове, продолжил расспрашивать девушку:

– А то место, где мы ужинали. Это амфера?

– Нет. Это «Пламя поднебесное», очень популярное место.

– И до него можно дойти без разрывов, рамок и прочей фантастики?

– Можно, но без меня, туда идти лет пять придётся, – засмеялась Ли-а.

– А там, где мы завтракали? Это что?

– Горный хребет «Свободное сердце».

– Получается, все те места, что ты мне предлагала на выбор, существуют в реальности?!

– Да.

– Это здорово, – с облегчением вздохнул Саша. – Но зачем они вам? Вы же всё это можете создать из своих ГНВЧ!

– Понимаешь, даже сотен лет привыкания к новым условиям существования оказалось недостаточным для нашего мозга. Находясь долгое время в амферах, человек попросту теряет рассудок! Нам жизненно необходимо хоть иногда чувствовать «твёрдую почву» под ногами.

– То есть вы в реальный мир как в санаторий отправляетесь?

– Если я правильно понимаю слово «санаторий», то да, в некотором роде это, действительно, так. И, прежде чем смеяться, напоминаю тебе, почему мы здесь.

Саша тут же понял, что имеет ввиду Ли-а. Ему, в самом деле, было крайне некомфортно долго находиться среди «искусственных» стен. И чему теперь удивляться, если даже местные жители, нашпигованные ГНВЧ, до сих пор не привыкли к жизни в другом пространстве. «И зачем тогда это нужно?» – невольно подумал землянин и тут же услышал ответ:

– Потому что плюсов гораздо больше, чем минусов. Не стоит даже перечислять все. Достаточно одного – внутри амферы время течёт совсем по-другому, и, благодаря этому, мы практически не стареем.

Саша остановился и, вытаращив глаза, уставился на Ли-а, беззаботно державшую его под руку.

– То есть вы бессмертны? – спросил землянин, сам не веря в то, что произносит.

– Конечно же, нет. Здесь-то, в реальном мире, мы стареем. А многие здесь работают, проводя достаточно много времени. Остальным приходится частенько здесь появляться, чтобы не сойти с ума.

– Получается, что чем яснее ум, тем короче жизнь?

– В точку. Это на сегодняшний момент самая трудная задача в нашей жизни – придерживаться баланса между долгой жизнью и чистотой разума.

– А кем же вы тут работаете?

– Ну, кто-то создаёт специальные локации для отдыха, кто-то собирает необходимые ингредиенты, кто-то наблюда-

ет за живностью, в том числе и за «санитарами».

– А чего за ними наблюдать?

– Чтобы однажды они не явились к нам в амфёру, понаблюдать за нами, – смеясь, ответила Ли-а.

Под их ногами шуршала сухая листва, яркая, красно-жёлтая, лежащая идеально ровным покрывалом. Вокруг то и дело слышались странные звуки, не свойственные лесам на Земле. Постоянно что-то шуршало, трещало, кто-то прыгал наверху по деревьям с ветки на ветку. Но никто не показывался на глаза.

Чем дальше они шли, тем гуще и красивее становился лес. Ли-а объясняла это тем, что здесь редко бывают люди. Санитары, избегающие контакта с людьми, орудуют здесь вовсю. Они шли молча во всех смыслах. Мысли в голове землянина, наконец, организовались, он успокоился и наслаждался каждой секундой в компании с Ли-а. Пока одна резкая отвратительная мысль не напомнила ему кое-что. Он остановился и с испуганным лицом выпалил:

– Как я мог забыть?! Все эти чудеса совсем затуманили мне голову! Зачем мы вообще сюда прилетели?! Для чего эти чокнутые украли наши тела? Чего они от вас хотят?

– Я уже подумала, что тебя это не интересует, – ответила девушка, давно ожидавшая этого вопроса. – Они – жертвы населения другого мира. Вы его назвали Сьюзи. Почему они прилетели к нам, я не знаю. Скорее всего, понадеялись на то, что мы куда миролюбивее своих соседей.

– А это так?

– Определённо. Но даже для нас их требования необоснованны и невыполнимы.

– Требования?

– Да, они именно требуют вырастить для них немислимое количество тел и дать им шанс прожить свою последнюю жизнь.

– Странно. Разве вы им должны?

– Многие из них когда-то жили тут. Но теперь многое изменилось.

Саше почему-то показалось, что Ли-а недоговаривает. Она, уловив эту мысль, поспешила сменить тему, тем самым подтвердив сомнения землянина.

– Нам пора возвращаться. Скоро стемнеет, – сказала девушка.

– Ли-а, ты ничего от меня не скрываешь?

– Нет. С чего ты взял? Пойдём, – она потащила Сашу в сторону, – тут недалеко есть амфера.

– Мы заночуем тут, – ответил землянин.

Он был настроен настолько решительно, что Ли-а даже не попыталась его переубедить.

Они легли под открытым небом, обняв друг друга. Саша не переставал думать о том, что ему рассказала Ли-а. Он выдумывал у себя в голове причины, по которым «жители» Евы не просят, а требуют помощи. И когда в очередной раз его мысли забрели в тупик, он уснул.

Глава 7. Внешность обманчива

Сквозь болезненную дремоту Иффридж почувствовал, как кто-то бережно убрал с его лба свёрток с давно растаявшим льдом. И положил на его место холодное мокрое полотенце, пропитанное эфирными маслами. Глаза заслезились, а в лёгкие ворвался морозный аромат, раздражающий слизистую. Иффридж закашлял, и этот звук разбудил в нём процесс «сканирования» мыслей.

«И зачем только он его сюда притащил? Мало у нас, что ли, проблем? Ещё и объяснить ничего не может, мычит и мычит, как же мне всё это надоело». Дальше мысли, на мгновение опережающие слова, зазвучали низким, скрипучим голосом:

– Иди, он очнулся. Сам с ним разбирайся. Делай, что хочешь, но чтобы завтра его тут не было.

В ответ послышалось невнятное мычание, смысл которого Иффридж легко уловил: «Пошла к чёрту, проклятая старуха». На полу закрипели доски, отсчитывая каждый шаг немого. Он подошёл к кровати и сел рядом с пострадавшим.

Иффридж осторожно приподнял маску и осмотрелся. Он лежал в практически пустой комнате с тремя широкими скамьями, деревянным столом и большим шкафом, аккуратно встроенным в нишу. На стенах, кроме обшарпанных обоев, висели телевизор и большой прошлогодний календарь с фо-

тографией разъярённого быка. На сером деревянном полу лежало несколько цветных дорожек, одну из которых тщательно выметала худая сгорбленная старушка.

Иффридж лежал на одной из трёх скамей, а рядом с ним сидел огромный мужчина с перекошенным болезнью лицом. Их взгляды неожиданно встретились, и Иффридж испуганно вздрогнул и посторонился.

«Прошу, не бойся меня, знаю, в это трудно поверить, но я не причиню тебе вреда».

Иффридж удивлённо смотрел на него. За несколько дней, проведённых на Земле, он впервые встретил человека, который владеет тем же способом общения, что и он.

– Ты меня понимаешь? – направил свою мысль Иффридж и тут же получил ответ.

– Да.

– Ты забрал меня с площади, спас либо от смерти, либо от заключения. Я тебе очень благодарен и очень хочу знать: почему?

– Я знаю всё, я был рядом на площади. И я слышал всё, о чём ты думал. Ты из другого мира. Ты случайно стал свидетелем крионики, или «услышал» о ней в головах подлецов. А значит, ты сможешь мне помочь.

– Помочь? Как?

– Я много знаю о том, что творится вокруг, но, увы, не в силах никому ничего сказать. А ты можешь. И я прошу тебя... – мысли него резко прервались голосом старухи:

– Вы чего уставились друг на друга? Втрескались? – слышался отвратительный смех, будто из самой преисподней.

– Мммм-мм-мммм-мммм, – промычал немой, а Иффридж тут же уловил: «Когда ж тебя дьявол заберёт к себе?» – и лицо его скривила досада.

– Тебя ведь зовут Оливер? – спросил Иффридж.

Немой сначала замотал головой, а потом опустил её на грудь и ответил:

– Когда-то звали. Теперь я «немой», «страшила», «урод» и в том же духе. Можешь звать меня немым. Это не обижает меня.

Иффридж улыбнулся, и ответил:

– Я буду звать тебя Оливер.

Искажённое лицо немого попыталось улыбнуться, но тут в очередной раз вмешался трескучий, гортанный голос:

– Садитесь есть!

Старуха поставила на стол большой глиняный горшок и три миски. Желтая густая жидкость с зелёными вкраплениями вызвала у Иффриджа подозрения, но он был настолько голоден, что готов был съесть всё что угодно.

Оливер наклонил голову над тарелкой и стал быстро уминать суп. Никаких мыслей из его головы больше не транслировалось. Иффридж смотрел, с каким трудом он держал ложку и с какой жадностью ел, и не верил, что только что общался с ним ментально. Ему стало жалко немого, но он

тут же постарался прогнать эти мысли, боясь, что Оливер их прочитает.

– Это потрясающе вкусно! – воскликнул Иффридж, робко попробовав первую ложку. Горячая пища вернула его к жизни. – Что это?

– Ты что, пучеро никогда не ел? И откуда ты его только достал? – сказала старуха, покосившись на Оливера. – Нравится? Тогда лучше тебе есть побыстрее: это животное скоро всё сметёт.

– Почему вы так грубы с ним?

– Это он тебе жизнь спас, а мне испоганил! – прошипела старуха и, швырнув ложку в недоеденное блюдо, ушла, оставив Иффриджа наедине с Оливером и сильнейшим чувством неловкости.

Оливер продолжал есть. Разделавшись со своей тарелкой, он взялся за суп, оставшийся в горшке. Потом взялся за пучеро старухи. Иффридж, едва одолев половину миски, старательно вслушивался в мысли немого, но ничего не слышал. Будто кто-то переключил в нём невидимый тумблер, меняющий режим. Он несколько раз назвал его имя, мысленно, вслух, но был проигнорирован. Через мгновение Оливер с абсолютно безразличным лицом ел пучеро из тарелки Иффриджа.

Только съев всё, немой вновь «заговорил».

– О, прошу, прости меня! Я не могу себя контролировать, когда ем! Прошу, не обижайся!

– Ничего! Я наелся. Так как я могу тебе помочь?

– Сначала расскажи моим товарищам то, что я знаю. Это многим может жизнь спасти.

– Это не проблема. Но с чего ты решил, что они поверят? Немой, говорящий устами незнакомца? Не вполне реалистично для их восприятия.

– Это их дело, верить или нет.

– Хорошо. Но, как я понимаю, это не всё? – спросил Иффридж.

– Нет. Помоги мне спасти моего младшего брата!

Ли-а проснулась с улыбкой на лице. Впервые за долгое время её разбудила не электронная ладонь, а тепло утреннего солнца на лице. Саша нравился ей всё сильнее. Добрый, смешной, искренний настолько, что можно и не «читать» его мысли. С ним было уютно. Но всякий раз ей приходилось напоминать себе, что расставание неизбежно.

Сквозь утреннюю дремоту Ли-а уловила странный аромат и услышала звуки простенькой мелодии, которую насвистывал Саша. Едва проснувшиеся рецепторы неспешно посылали сигналы в мозг, который отказывался их распознавать. Сонливость сняло как рукой, когда Ли-а учуяла запах дыма. Вскочив и осмотревшись, Ли-а встретила с задорным взглядом Саши, который с улыбкой воскликнул:

– Доброе утро, красотка! Ты как раз вовремя, завтрак почти готов!

Не ответив ни слова, она стала наспех складывать вещи, но вскоре всё бросила. И начала тушить костёр. Она была растеряна и напугана, и это состояние сразу передалось Саше.

– Что случилось? Куда ты так спешишь? Эй! Дай хоть яичницу снять! Да что с тобой?

Ли-а не отвечала, и продолжала засыпать костер землёй. Тревога в сердце Саши переросла в панику, он, сам не зная, почему, схватил с миски, зажаренные сосиски, которые успел приготовить, и, наблюдая за девушкой, начал нервно их жевать.

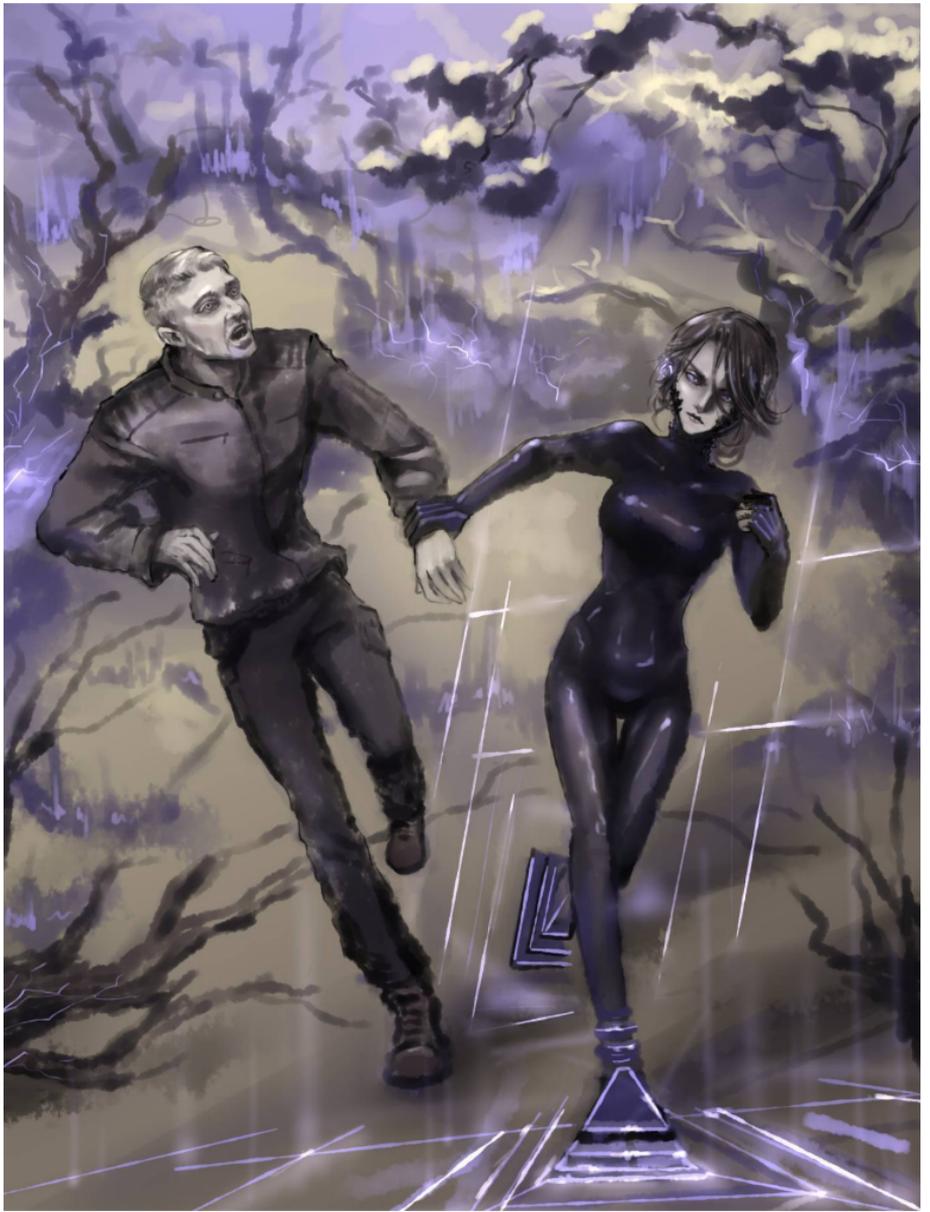
Ли-а с остервенением покончила с костром, и отряхнувшись, наконец, обратила внимание на Сашу.

– Уходим отсюда, – скомандовала она, спешно складывая разбросанные вещи, но Саша не двинулся с места. – Ты слышишь? Собирайся! Мы сматываемся, прямо сейчас!

Саша окаменел, уставившись куда-то вдаль, не обращая никакого внимания на девушку.

– Не время для глупых обид! Я не разговаривала с тобой, потому что была зла! Пошли!

Но землянин не реагировал, и взгляд его, устремлённый вглубь леса, наполнялся леденящим ужасом. Когда Ли-а, наконец, прочитала его мысли и испуганно устремила взор в лес, уходить было уже поздно, нужно было бежать.

Среди деревьев стремительно вырастали движущиеся силуэты, возникающие из ниоткуда. Трава будто оживала, образуя сначала едва заметные возвышения, а после огромные валы, угрожающе размахивающие золотыми опавшими листьями. Эти объекты быстро двигались в сторону Саши. От увиденного землянин лишился способности двигаться. А вот Ли-а, напротив, будто видела их не первый раз, начала трясти Сашу, чтобы привести его в чувство, и начала толкать его, призывая к бегству.

Силуэты катились по опавшей листве бесшумно, то соединяясь друг с другом, то разбиваясь на части. Внутри них что-то дрожало, едва заметно, будто воздух над раскалённой крышей. Когда силуэты приблизились, он смог разглядеть, что снаружи они сплошь покрыты вырванной с корнем травой, под которой бушевала буря из сотен маленьких молний, издающих едва слышный, но пугающий треск.

Ли-а встала между Сашей и неведомыми силуэтами, и, на секунду потеряв «нечто» из вида, Саша пришёл в себя. Он попытался открыть рот и спросить, что это, но девушка с поразительной силой оттолкнула его.

– Приди ты уже в себя! – крикнула она так, что Саша засомневался, кого стоит бояться больше.

Он посмотрел на неё растерянными глазами и снова замер. Ли-а схватила его за руку и стала тащить за собой.

Треск за спиной настигал леденящим ужасом. У Саши не

хватало храбрости обернуться. Он смотрел себе под ноги, сжимая руку девушки.

Через несколько десятков метров, треск позади них стал ощущаться всем телом. Будто что-то пытается тебя схватить, но не может. Саша ощущал, как его тело наполовину погрузилось в ледяную воду, то ли от страха, то ли от воздействия «ожившей» поросли. По ногам всё чаще била листва, кружившая вихрем вокруг этих аномалий. С каждой секундой бежать становилось всё труднее. И когда его почти поглотила незримая волна, землянин увидел, как Ли-а на бегу вскинула руку и что было сил толкнула его вперёд. Не успев ничего понять, Саша оказался в амфере. Один.

Возвращались они в ещё большей спешке. Но отсутствие какого-либо дорожного покрытия на этот раз никого не беспокоило. Тибо с каменным лицом управлял вездеходом, а Петрович и Фёдор пытались привести в чувства Ивраоскаря.

Он был без сознания, живой, но состояние его не обнадеживало. Он побледнел, из носа шла кровь, а всяческие попытки привести его в чувство оказывались бесполезными. Вернувшись в лагерь и ответив на удивлённые вопросы Марка и Степана, земляне аккуратно уложили Ивраоскаря на стол и начали суетиться. Все разбежались кто куда. Кто-то за водой, кто-то за покрывалом, кто-то обшаривал остатки аптечки в поисках нашатыря, остальные, не зная, чем помочь, бессмысленно бегали от товарища к товарищу. Никто не хо-

тел оставаться с Ивраоскарём. Загадочность произошедших событий испугала землян настолько, что они всерьёз стали опасаться и за свои жизни.

Но бесконечно это продолжаться не могло, и спустя несколько минут все вновь собрались перед столом с пострадавшим.

– Ну, и что будем делать? – спросил Тибо.

– Понятия не имею! – с отчаянием ответил Фёдор.

Тарас Петрович в очередной раз проверил пульс и дыхание лингвиста и тихо сказал:

– Воду принесли?

– Да, – быстро ответил Марк и сунул бутылку в руку старика.

Тарас Петрович вылил воду себе на ладони и аккуратно стёр следы крови с лица Ивраоскаря и увлажнил его лоб. Старик сел рядом и озадаченно подпёр голову руками. Все вокруг стояли молча, надеясь, что старик вот-вот что-нибудь придумает, но тишину прервал Фёдор:

– Давайте обыщем его? Может, он чем-то болен и носит с собой лекарство?

Все поддержали эту идею и стали осторожно проверять карманы Ивраоскаря. Ни таблеток, ни ампул, никаких специальных приборов, похожих на инъектор, они не нашли. Зато обнаружили несколько абсолютно непонятных предметов: устройство прямоугольной формы без каких-либо органов управления, но с мигающим индикатором в центре,

несколько круглых металлических подвесов и маленькую книгу на непонятном языке.

Когда обсуждение состава карманов Ивраоскаря дошло до предложений вскрыть прямоугольное мигающее устройство, в диалог вмешался его законный обладатель:

– Не надо ничего вскрывать! – тихо, но решительно сказал пришедший в себя лингвист.

Он медленно приподнялся и сел на краю стола под тяжестью удивлённых взглядов.

– Как ты? Мы здорово за тебя перепугались! – радостно воскликнул Тибо, возвращая очнувшемуся лингвисту металлические подвески. – А что это?

– Аргументы, если вдруг что-то пойдёт не так.

– Что за аргументы?

– Может, расскажу, когда придёт время, а вообще, лучше бы вам этого не знать. Верните монитор!

– Что вернуть? – недоумевая, переспросил Фёдор, и, протягивая прямоугольное устройство, уточнил: – Это?

– Да. Благодарю!

Никто не решался спросить, что это за диковинная вещь, да и Тарас Петрович поднял куда более интересную тему:

– Что с тобой произошло в лесу?

– Меня хотели обезвредить. Собственно, у них это и получилось! Они боялись, что я узнаю то, что не должен знать. Собственно, у меня это и получилось!

– А вы всегда говорите загадками? – недовольно провор-

чал Марк, и его тут же поддержали остальные:

– Да! Объясни нормально, что произошло! Что ты узнал? Почему мы каждое слово должны клещами вытаскивать?!

– Потому что не всё я могу рассказать. И не надо набрасываться с вопросом «почему»! – резко ответил Ивраоскар, глядя на Фёдора. Тот отвёл взгляд и сделал вид, что его вообще не интересует происходящее. – А узнал я, господа, правду, но очень хочу, чтобы вам её рассказала Анна. Она и Михай скоро будут здесь, наберитесь терпения. А пока я бы съел чего-нибудь.

Положительный исход обморока Ивраоскаря и упоминание о скором прибытии капитана оживили присутствующих. Все сразу стали хлопотать об обеде. В это время Тарас Петрович, оставшись наедине с лингвистом, подошёл к нему и спросил:

– Мне тоже ничего не расскажешь?

– Прошу меня простить, я не хотел бы показаться грубым, но то, что мы знакомы на несколько дней дольше, ничего не значит.

– Понятно, я другого ответа и не ожидал. А ты, я смотрю, любишь почитать? – протягивая книгу, съязвил старик.

– О да! Не зря ведь вы называете меня лингвистом!

Стол накрывался теми же блюдами, что вчера, позавчера и неделю назад. Каждый день они неизменно поглощали пюре из «каштанов»; мякоть «тростника» – приторную внутренность невероятно быстро растущей колючки; и ещё один

плод, который земляне в шутку прозвали «огуртофель» из-за схожести по вкусу с огурцом, но произрастанием под землёй. Пили воду прямо из ручьёв, иногда нагревая её и заваривая травы, которые им, как и всё остальное, показала Анна.

– Эх! Как жаль, что твоя «Акамразия» кончилась! – вздохнул Тибо, активно разминая сваренные «каштаны».

– «Акрострамазия»! – поправил его Фёдор.

– Ну, ты ж меня понял.

– Слушайте! А у меня идея! – вмешался Степан, выскабливающий мякоть очередной колючки. – А что, если из «тростника» сок выдавить и бражку поставить?

Фёдор и Тибо расхохотались. А подошедший с водой Николай добавил:

– Странно, что никому до сих пор не приходила в голову эта идея!

– Определённо, надо попробовать! – подытожил Фёдор.

Их затейливую беседу прервал Тарас Петрович тихим, но твёрдым голосом:

– Идёт.

Вдалеке появился силуэт Михея, который неспешно двигался к лагерю. Он был один, хотя все знали наверняка, что Анна где-то рядом, просто не хочет, чтобы её кто-то видел. Петрович, как и все остальные, был зол на него, но едва капитан начал говорить, обиды вмиг растворились.

– Ребята, не злитесь на меня! Мне нужно было побыть од-

ному. Простите, если кто-то из-за меня пострадал!

– Пострадал! – ответил Тарас Петрович. – Мы-то в порядке, а вот Ивраоскарь...

Михей сразу понял, куда клонит старик. И к всеобщему удивлению он лишь усмехнулся, бросил на Тараса Петровича взгляд, говорящий «ха, напугал» и решительно зашагал к лингвисту, который наблюдал за происходящим со стороны. Протянув Ивраоскарю руку, разведчик абсолютно искренне извинился:

– Прости, ты был прав, я напрасно на тебя злился!

– Никаких обид! Но я не могу пожать тебе руку, это может быть небезопасно!

– Ну, и отлично. Да, кстати, – Михей развернулся и обратился к остальным. – По поводу Анны... Она действительно многое от нас скрывала. И сейчас она сама вам всё расскажет.

Рядом с землянами образовался знакомый образ, а в головах зазвучал уже привычный голос Анны:

– Да. Нам пришлось скрыть от вас некоторые факты. На самом деле... – женщине нелегко давалось это признание, её речь прерывалась, а порой и её силуэт становился нестабильным, пропадая на доли секунды. – На самом деле все, кто пребывает здесь в виде цифровой копии, заключённые. Осуждённые за различные преступления в реальной жизни.

Земляне раскрыли рты, Михей ковырял носком ботинка в земле, словно школьник, отчитываемый за двойку, а Ивраос-

карь листал только что возвращённую ему книгу, будто происходящее совсем не интересовало его.

– Как заключённые? – не выдержал безмолвного напряжения Фёдор.

– Так же, как и у вас, на Земле. Только ваши узники рано или поздно обретают свободу тем или иным способом, а мы – нет. Наш срок не пожизненный, наш срок вечный...

– Вот это да... – вздохнул Тибо.

Очередную невыносимую паузу прервал Ивраоскарь. Он захлопнул книгу и обратился к Анне:

– Снимите с них иллюзию!

– Что? Какую иллюзию? – удивились земляне.

– Вы, действительно, думали, что планета, полная углеводородными соединениями, с приемлемыми температурными характеристиками не изобилует жизнью? – не выдержал лингвист. – Снимите иллюзию, или это сделаю я!

Анна угрюмо посмотрела на Ивраоскаря, а затем растворилась в воздухе, и когда она образовалась перед землянами вновь, через несколько секунд, никто даже не обратил на неё внимания. Все, раскрыв рты, смотрели по сторонам, выискивая и рассматривая представителей местной фауны. А Тибо кричал и прыгал от испуга: прямо в том месте, где он стоял, пролегал путь колонны гигантских жуков-кочевников, которых землянин принял за скорпионов.

Все рассмеялись. Тибо, успокоившись, стал с интересом разглядывать жуков, потом вдруг спросил с серьёзным ви-

дом:

– А если бы я на них наступил?

– Ничего бы страшного не произошло! Во-первых, они недурно бронированы, во-вторых, на их панцире несколько тысяч сенсоров, которые учуяли бы опасность ещё до того, как ты решил оторвать ботинок от земли, – ответила Анна.

– Зачем вы от нас всё это скрывали? – спросил Фёдор.

– Чтобы уберечь их.

Тарас Петрович долго смотрел на Михея, слушая рассуждения своих приятелей насчёт нового открытия, а после спросил:

– Как давно ты в курсе?

– О чём?

– О том, что нас обманывали. Что мир тут полон живых существ.

– Ещё до твоего возвращения, – без колебаний признался разведчик.

– Да? Ладно, даже если ты узнал об этом ненамного раньше нас, почему не рассказал? – наседали на него Петрович.

– Имел определённую договорённость с тем, кто вправе распоряжаться увиденным, – холодно ответил капитан.

Внезапно между людьми, которые недавно были хорошими друзьями, пробежала едва заметная тень враждебности. Они и раньше, бывало, подолгу спорили, о том куда идти и как действовать, но сейчас создалось впечатление, что оба пошли по разным тропам, значительно отдалившись друг от

друга.

Ивраоскарь, который всё это время молчал, избрав роль наблюдателя, неожиданно вмешался:

– Это не всё, о чём вам стоило бы рассказать!

– Нет, всё! – гневно бросила Анна, в очередной раз растворяясь и исчезая в пространстве.

– Две тысячи лет! – воскликнул лингвист. – А ведёте себя как ребёнок. Что ж. Придётся всё рассказать самому.

Ивраоскаря, едва он успел открыть рот, прервал Михей:

– Позволь, я сам.

Лингвист замолчал и жестом выразил согласие.

– Георгий, Глеб, Макар и Вениамин Леонидович – все они лишились своих тел. Цифровые копии местного населения прибегли к принуждению. Проникнув в их головы, они многотысячным хором убедили их в необходимости этой жертвы. К сожалению, я не мог их предупредить, я узнал об этом слишком поздно, и мне удалось спасти лишь Николая.

– И после всего этого ты продолжаешь выгораживать её? – выругался Тибо, явно имея в виду Анну, и в сердцах ударил по столу кулаком.

– Да. Так как она была против этого. Заключённые долго принимали решение, в итоге, намерившись не применять принуждение, Анна и сторонники той же идеи стали обдумывать дипломатический курс решения проблем. Но меньшинство, которое должно было покориться, начало действовать вразрез с всеобщим решением. Узнав об этом, Анна тот-

час мне всё рассказала и помогла вызволить Николая.

– А с чего ты решил, что это не очередная порция вранья? Тут вот выяснилось, что мы на густонаселённой планете живём, хотя месяцами были уверены в обратном. Благодаря кому? А что, если все эти рассказы лишь для того, чтобы добиться очередной коварной цели? – задумчиво пробубнил Степан, будто разговаривая сам с собой.

– Да, Михей, они ведь в голову проникают так, что сам-то ты правду от лжи не сможешь отличить! – подхватил Фёдор.

– Давайте не будем наседа́ть на Михея! – вклинился старик, который после рассказа капитана будто вновь стал его другом. – В конце концов, есть среди нас тот, кто без проблем отличает правду и ложь. Ивраоскарь, что скажешь?

– Мне не удалось до конца выяснить, почему они сразу же всех вас не «принудили» к пожертвованию тела. Мне в полной мере не известен их замысел, но одно могу сказать точно: Анна вам не враг. Чувства к Михею, в которых она сама себе боится признаться, не позволят ей сотворить с вами что-то дурное.

– Бестактный ублюдок! – буркнул Михей и с угрюмым лицом сел за стол.

– Посмею напомнить, что я с другой планеты, границы тактичности у нас сильно отличаются. Конечно, оскорбления меня не удручают, но всё же прошу, прежде чем открывать рот, хоть немного думать головой.

Михей побагровел, он понимал, что лингвист прав. Но он

не мог совладать с собой. Его бесконечно раздражала победоносная учтивость лингвиста и его чувство собственного превосходства, которое, как казалось Михею, он пытался выдать за вежливость.

Чтобы не сказать чего-нибудь лишнего и не усугубить и без того напряжённую обстановку, капитан затолкал себе в рот пюре из «каштанов» и сердито жевал, размышляя над фразой Ивраоскаря о чувствах Анны, в которых она, действительно, ни разу ему не признавалась.

Глава 8. Безмолвные разговоры

В темноте, на гладких камнях, аккуратно выложенных по кругу, сидели три человека. Над ними блёкло сияли звёзды, прорисовывая едва заметные очертания их лиц. Макар, Глеб и Вениамин Леонидович томились в ожидании и вели безмолвную беседу под звуки ненастоящего прибора.

– От кого мы ждём помощи? – удивлялся Макар. – Они сами такие же заключённые, как и мы. Заперли себя в клетки и боятся выходить! Кого они могут спасти?

– Согласен, давай, как только они появятся, скажем, что прилетели просто потому, что соскучились, – съязвил Вениамин Леонидович. – И полетим назад, да?

– Нет, я к тому, что...

– Ну, вот и заткнись тогда! Появился призрачный шанс начать новую жизнь, а ты вместо того, чтобы выжать из него максимум, тратишь время на пустое нытьё!

– Слушай, ты! – крикнул Макар и вскочил.

Вениамин тоже встал, готовясь защищаться. Их схватку резко прервал Глеб.

– А ну сели! – рявкнул он, явно потеряв терпение. – Ведёте себя, как эти аборигены с Земли! Будто их разум вернулся в свои тела.

Макар и Вениамин мгновенно остыли, сели и вновь продолжили неподвижно всматриваться в имитацию морских

волн, пока из темноты не появился первый силуэт.

– Горячо приветствую вас! – протянул он и сел на один из камней.

На нём была одна из разновидностей одежды на основе ГНВЧ – тёмный облегающий костюм, похожий на мотоциклетный панцирь, и плащ из тонкого полупрозрачного материала.

Все трое поприветствовали его, и Глеб начал непростой разговор:

– Где остальные?

– Скоро будут, трудно в разных амферах синхронизировать время.

– Понимаю. Что ж, мы подождём.

В течение нескольких минут появлялись новые и новые участники встречи, причём когда свободные камни заканчивались, тут же появлялись несколько дополнительных. Круг ширился. Когда появился последний член делегации, направленной на переговоры, слово взял самый возрастной на вид мужчина, которого присутствующие называли магистр Имк:

– Теперь мы готовы выслушать вас внимательно! С какой целью вы столь неожиданно к нам явились?

– Вы же сами всё прекрасно знаете! К чему формальности?

– Хочется это услышать.

– Нам нужно сто миллионов «болванок». Больше ничего,

остальное мы всё сделаем сами, – ответил Макар.

– А вам самим не кажется эта просьба слегка... – мужчина акцентированно сделал паузу, – нахальной? Мы их не производим. И почему мы, вообще, должны вам их предоставлять?

– Но ведь у вас наверняка сохранилась технология.

– Наверняка. Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати мы должны ради вас её применить?

– Иначе технологию применим мы, и тогда... – не успел закончить свою угрозу Макар, его прервал Глеб:

– Мой товарищ хотел сказать, что у нас есть один рычаг. Может, кто-то помнит? Небольшой должок. А?

– Вы о профессоре Нес-снэрморе и его своре? – пробасил другой мужчина, высокий, в том же одеянии, но с маской на глазах, скрывающей лицо.

– Именно. О нём. И о них, – ответил Глеб с гримасой ожидания немедленной капитуляции оппонента.

– Если они доставляют вам слишком много хлопот, прикончите их. Они больше нас не интересуют, – ответил один из членов делегации.

– Вы не поняли. Сто миллионов пустых тел – не плата за их хранение. Это ваша гарантия, что они никогда вновь не ступят на вашу землю, – ответил Глеб.

Члены делегации сначала переглянулись, стараясь не поддаваться эмоциям, но, встретив невозмутимый взгляд магистра, успокоились. Он равнодушно ответил:

– Мы не нуждаемся в гарантиях такого рода. Если вы каким-то образом даруете им тела, то первыми же начнёте жалеть об этом. А для нас он больше не опасен, технологии убежали далеко вперёд. Даже если он сможет приземлиться на нашей планете, то надолго здесь не задержится.

– Вы уверены, магистр? – выдавил из себя Макар, с трудом сохранявший самообладание.

– Абсолютно, – соврал магистр Имк, чувствуя тревогу остальных делегатов.

– Почему вы не хотите нам помочь? – сдержанно спросил Глеб.

– Потому что нас никто не просил о помощи.

Макар и Вениамин скрежетали от ненависти зубами. Глеб, кивая головой, отвёл взгляд в сторону, приняв этот болезненный укол, а затем продолжил:

– Нам встать на колени и умолять вас?

– Не нужно. Если даже и встанете, это будет лишь притворство ради достижения цели, не более. К тому же, если бы мы и хотели вам помочь, то не предоставлением ста миллионов тел.

– А как же?

– Отключив сервера. То, какое бремя вы несёте, огорчает нас. Нет ничего страшнее, чем бесконечное, неугасающее самоистязание.

Макар не выдержал, вскочил и рванул к магистру, но его успел схватить Вениамин. Он начал вырываться и кричать,

используя способ, привычный землянам:

– Вы жалкие трусы, сидите в своих мешках, боясь выйти наружу и стараясь прожить подольше, а ведёте себя так надменно, будто вы хозяева Вселенной!

– Рекомендую вам вести себя скромнее, – спокойно ответил магистр.

За его спиной сверкнули искрами ладони нескольких стражей в чёрных панцирях демонстрируя готовность держать оборону.

– Спокойно! – вмешался Глеб. – Он просто никак не научится контролировать эмоции. Отвык, знаете ли. Позвольте нам уйти.

– Мы вас не задерживаем.

– Как насчёт тех, кто устроил дебош в первый день? Вы вернёте их на станцию?

– Нет, они получили то, что хотели. Если они вам нужны, мы передадим их координаты, и вы сможете вернуться за ними сами. Ваша станция там же, где вы приземлились, но предупреждаю, она не охранялась, так что, возможно, она уже никуда не полетит.

Один за другим члены делегации стали исчезать. Последним остался магистр Имк и человек в странной маске, который, судя по всему, был его правой рукой. Магистр подошёл к Глебу и осторожно «сказал»:

– Мы бы могли вам помочь, но только на иных условиях.

– На каких?

– Вы получите нерепродуктивные тела.

– Чтобы через сто лет получить нашу планету? Хитро. А соседи в курсе ваших планов?

Имк недовольно окинул взглядом землян и промолчал. Через мгновение он исчез, оставив за собой россыпь кратковременных бликов, быстро утонувших в окружающей их черноте. Человек в маске наклонился и с надменным видом подвёл черту этого напряжённого собрания:

– У вас три варианта. Вечное забвение, смерть после долгой и счастливой жизни, либо быстрое уничтожение. Я бы выбрал последнее. Это безболезненно.

– Мы учтём ваши рекомендации, – с притворной любезностью ответил Глеб. – Но, поверьте, вариантов у нас куда больше.

Когда исчез человек в маске, перед тремя заключёнными с Евы открылся проход. По ту сторону их ждал неестественно улыбающийся страж, который приветствовал их словами:

– Ваши знакомые там! Я жду здесь до наступления темноты.

На этой фразе страж растворился, оставив в воздухе мерцающую ауру, обозначающую место входа в амферу. Вокруг зияла серая пустыня. На обозримой дистанции не было ничего и никого. Небо, которое, казалось, стало бесцветным, и серое, раскалённое море песка.

– Расходимся, – скомандовал Глеб. – Ищем до тех пор, пока «слышим» друг друга. Если они ушли дальше, или выйдет

время – возвращаемся без них.

Возможно, кто-то из них тысячи лет назад бывал здесь и знает, какие опасности таит в себе этот серый песок. Быть может, они ещё не свыклись с мыслью, что в настоящий момент состоят из плоти и крови. Тем не менее, трое заключённых с Евы в телах землян без опаски отправились на поиски бунтарей. Благородно, казалось бы, если не знать истинные мотивы столь рискованных деяний.

Оливер и Иффридж миновали одну улицу за другой, немой вёл незнакомца по таким закоулкам, что потерялся бы любой следопыт, не говоря уж о пришельце с другой планеты. Судя по всему, когда-то это был вполне приличный и немаленький город. Развалины многоэтажек, заброшенные спуски в метро, разрушенные телекоммуникационные станции – всё указывало на то, что раньше этот город кипел и жил активной жизнью. Сейчас же он больше напоминал огромный кратер после взрыва, под обломками которого живут люди.

Тысячи людей без жилья и средств к существованию сновали по улицам в поисках еды, приюта или работы за пару жалких песо. Многих эта жизнь угнетала, вкручивая по спирали на самое дно. Туда, где временные жизненные трудности становятся привычной обыденностью, где безобидная хандра становится безысходной депрессией. Но были и те, кто умудрялся подстроиться и к таким условиям.

Братья Моритез одними из первых столкнулись с проблемой разрушения старых домов. Их восьмиэтажная старушка рухнула три года назад, унеся с собой дюжину преданных жителей, отказавшихся покинуть треснувшее строение. Однако судьбе не удалось пустить братьев по миру. Вместе с остальными пострадавшими они организовали фонд помощи обездоленным, под прикрытием которого отмывали деньги для чиновников за небольшой процент. Отсутствие дома, как оказалось, даёт некоторые преимущества. Налоги платить не нужно, страховку тоже, а самое главное – ты не привязан ни к чему, что заставило бы тебя возвращаться. А это серьёзно усложняло жизнь полиции.

Вскоре их тёмный бизнес разросся до невозможного, стал этакой трущобной корпорацией, способной за определённые деньги решить любой, ну, или почти любой, вопрос. У многих складывалось мнение, что братья Моритез – подонки, убийцы, воры, но это не так. Они давали людям работу, крышу над головой, еду и одежду. Кому интересно происхождение хлеба, если оно спасло чью-то жизнь? Особенно в мире, где народ почитает как святых истинных преступников, мелькающих всюду в роскошных пиджаках с охраной.

Оливер налёг на небольшой деревянный щит, и тот надрывно скрипнул. За ним скрывалась едва заметная обветшалая дверь, которая когда-то давно была выкрашена в ярко-голубую краску. Между фанерным забором и дверью едва было место и для одного, но Оливер втащил за собой Иф-

фриджа. Было настолько тесно, что когда немой повернул ручку двери, они едва не рухнули в проём.

– Нас не должны видеть! – безмолвно объяснил калека.

За дверью стояла крошечная тьма, разбавленная где-то вдали жёлтым блёклым светом, выползающим из сырого подвала. Они пошли вниз по хрупкой деревянной лестнице. Ступеньки трещали и гнулись от поступи Оливера, а Иффридж боязливо оглядывался, пытаясь прогнать страх и недоверие к нему.

Послышались голоса. Жёлтый свет стал ярче, и Иффридж смог рассмотреть пространство, окружавшее его. Это был подвал развалившейся многоэтажки. Бетонные стены облезли и осыпались. Полы размыло, между досок, настеленных сверху, выступала грязь. Особенно под ступнями Оливера. Свежий воздух давно сюда не попадал, отчего вокруг стоял прелый запах.

За углом, в небольшой комнате, располагался массивный стол человек на десять. На столе были расставлены свечи – единственный источник света в этой дыре. Четверо мужчин, игравших за столом в карты, были крайне удивлены появлением немого.

– Немой? Как ты постоянно нас находишь? – удивился мужчина грубоватой внешности с длинными волосами, собранными в нелепый пучок на макушке.

– Мы распустились! Если нас немой находит, то и полиция, при желании, справится, – сказал сидящий рядом мо-

лодой парень.

– Они-то найдут! Да они...

Разговор мгновенно прервался, когда в комнате появился Иффридж. Трое из четверых мужчин вскочили и направили на чужака оружие. Последний, на вид самый старший, сидел неподвижно, глядя Иффриджу в глаза через мушку старого «баллестер-молина».

– Ты кого к нам притащил, урод? – крикнул один из них, переводя прицел на Оливера.

Немой встал между Иффриджем и смотрящими на него стволами и умоляюще замахал поднятыми руками, призывая не стрелять. Когда пыл мужчин несколько угас, Оливер направил Иффриджу просьбу транслировать от его имени всё, что он «скажет» в ближайшее время.

– Это наш друг! – начал озвучивать Иффридж неразборчивое мычание немого. – Он поможет мне, а я ему. С его помощью я могу говорить.

– Ты кто такой? Чего ты нас дуришь, а?! – теряя самообладание, рявкнул один из братьев.

– Помолчи! – прервал его старший. – Пусть закончит.

– Я знаю, почему пропадают люди, знаю, как их вернуть, и знаю, кто виноват в смерти Патриции.

Едва имя неизвестной Иффриджу девушки сорвалось с его губ, как лицо старшего скривилось болью, а глаза его блеснули жадной расплаты. Немой продолжал мычать:

– Раньше я никак не мог об этом рассказать. Но судьба

подарила мне шанс вернуть брата и отомстить за Патрицию. Только мне нужна будет помощь.

– Что за цирк вы здесь устроили? – прошипел длинноволосый мужчина. – Вы думаете, мы поверим в этот бред?

– Ты смотрел свою раздачу? – Иффридж на этот раз озвучивал свои мысли, обращаясь к старшему.

– Нет.

– Покажи карты Оливеру.

– Кому? – удивлённо спросил старший.

– Немому, – презрительно выдавил из себя Иффридж.

Старший из братьев жестом подозвал к себе немого и дал ему карты. Иффридж тут же озвучил:

– Двойка пик и трефовая шестёрка. Оливер говорит, что на твоём месте он бы пасовал сразу же.

Один из братьев усмехнулся и сказал, что немой всегда недурно играл в покер. Однако старший из братьев стал ещё мрачнее:

– Что это за дешёвые трюки?

С остервенением он схватил колоду, вытащил две случайные карты и тайно показал их Оливеру. Иффридж без ошибок угадал обе карты. Потом ещё две, и ещё. Старший из братьев отчаянно пытался уловить суть фокуса, но у него не получалось. Отчаялся он лишь тогда, когда Иффридж безошибочно выкрикнул пять карт, показанных немому, стоя за пределами комнаты, не видя никого из присутствующих.

Иффридж, видя на лицах мужчин удивление, граничащее

с шоком, вошёл в кураж:

– Я не представился, меня зовут Иффридж. Я...

– Что за странное имя? Ты не местный что ли?

– Типа того.

– Понятно, – ответил один из братьев протягивая руку. –

А я ...

– Нет, подождите! Позвольте окончательно вас уверить, что мы говорим правду, – сказал Иффридж, пожимая холодную, сухую ладонь одного из мужчин. – Вы Паоло Моритез, средний среди братьев. Тот, что с резкими скулами – Лео, младший брат. Тот, кто карты показывал – Массимо, старший, и, как водится в ваших семьях, главный. А он, со странной причёской – его друг Чак.

Братья застыли с открытыми ртами. Массимо, впечатлившись, фыркнул и сказал:

– Ну, допустим, хотя трюк с картами был более впечатляющим. Ведь о нас тут каждый знает, не только немой. Мог и заранее всё разнюхать. Но, допустим, я вам поверил. Чисто ради любопытства, ведь в существовании сверхъестественной чертовщины вы меня никогда не убедите. Выкладывай.

– Оливер несколько месяцев следил за некоторыми влиятельными личностями. И узнал много интересного. Его никто не остерегался, рассказать-то он всё равно ничего не может, да и писать не умеет.

– И что же он узнал?

– А вот что, – начал повествовать Иффридж в то время,

как Оливер расправлял на столе скомканный лист с неряшливыми зарисовками.

– Вот это школа, – говорил инопланетянин, следя, как скрюченный дрожащий палец немого скользил по бумаге, исчерканной корявыми набросками. – Вот это здание префектуры. Между ними станция метро, у которой два вестибюля: один закрыт, другой завален после взрыва. Какое совпадение! Так вот, это идеальное место. Под землёй, рядом с руководством высшего звена, так ещё и школа для отвода глаз, из которой заблаговременно был вырыт тоннель до метро.

В школе часто проводят общественные мероприятия, на которых периодически пропадают люди. Конечно, и в других местах тоже, но потом всё равно их везут сюда. И я, ну то есть Оливер, знаю, где проход в тоннель. Знаю, кто непосредственно всем занимается. Знаю, кто завлекает новых «жертв» и подсовывает им документы, кто и куда их перевозит после операции.

– С ума сойти! – воскликнул Массимо. – А нам-то зачем ты всё это рассказываешь?

– Потому что знаю, что хочешь отомстить за Патрицию. Ищешь подлеца, который её убил, а я уже нашёл. И я могу рассказать тебе, кто это, но только если ты поможешь мне вытащить моего брата. Прошу!

– Что за вздор? Смерть Патриции – несчастный случай, – вмешался Лео. – Кому нужно было её убивать?

– Тому, кто не хотел огласки. Ты же знаешь её – переводил Иффридж мычание немого, который впился взглядом в Массимо, – она же скрупулёзной была во всём. Мой брат был там с ней. Его спасло то, что он успел подписать документы до того, как Патриция распознала обман. Иначе его бы вместе с ней...

Немой резко прервался. В его голове внезапно образовалась абсолютная пустота, которая обескуражила Иффриджа. Он смотрел на него, ожидая продолжения трансляции, и невольно поймал себя на мысли, что ему безумно жаль его. Ему почему-то показалось, что немой любил эту девушку. Что он хочет отомстить за неё наравне с братьями Моритез. Что возмездие не менее важно для него, чем спасение брата.

Иффридж перевёл внимание на братьев. Их отчётливая размеренная речь, пренебрежение и буйство формировало впечатление людей с незаурядным умом, способным противостоят мнению и стремлению большинства. Но на самом деле фон их мозговой активности был настолько примитивен, что Иффриджу хватило несколько мгновений, чтобы проникнуть в голову каждому.

Лео и Чак категорически не верили немому. Менее циничный Паоло не имел не малейшего сомнения в его честности. А Массимо колебался. С одной стороны, трюк с картами и убедительный рассказ. С другой – немой калека, который внезапным образом оказался умнее других, и его друг с другой планеты, который, судя по всему, умеет читать мыс-

ли. Массимо, как самый старший и рассудительный, принимал во внимание оба слагаемых. Взвешивая в своей голове все «за» и «против», он пытался принять непростое решение: поверить, помочь, и, возможно, насладиться мезтью, либо усомниться и дать волю своему старенькому, но надёжному «баллестер-молине».

Пустота вокруг, пустота под ногами, полнейшее отсутствие всего. Резкое, омерзительное ощущение отчуждённости, когда каждая клеточка твоего организма кричит, что ей здесь не место. Глаза в панике пытаются сфокусироваться на чём-нибудь, но находят минутное успокоение лишь на собственных ботинках. Саша нечасто бывал в таких ситуациях, но уже успел возненавидеть их всем сердцем.

Неприятные ощущения внутри амферы дополнялись страхом, что Ли-а, возможно, сейчас в беде. В беде, в которую она попала по его вине. А самое ужасное, что он абсолютно не в силах что-либо сделать. Его попытки сдвинуться с места выглядели как барахтанье перевернувшегося жука, с одним лишь «но»: в амфере не было ни верха, ни низа, ни права, ни лева. Это субстанция абсолютно не поддавалась пониманию человека с Земли. Как она устроена, как в ней перемещаться, и, пожалуй, главное – как научиться ощущать себя в этой чертовщине человеком.

Он решил предпринять дерзкую попытку «открыть» проход наружу. Он вскинул руки и попытался повторить неза-

мысловатое движение, которое обычно выполняла Ли-а. Но вскоре тут же прекратил эти попытки, сердито отшвырнув обнаруженный в сжатой руке кусок подгоревшей сосиски.

– Идиот! Сосиски! Сосиски ... – он крайне неприлично выругался. – Из-за такой глупости я подверг её опасности! А может, и вовсе... – он осёкся, пытаясь прогнать дурные мысли. – Влюблённый придурок. Что же теперь делать-то?

Паника подкрадывалась к нему, уже готовясь топить его в своих огненных волнах. Но, из последних сил сосредоточившись, он вновь поднял руки и прочертил необходимый узор. Яркий свет ударил по глазам. «Так просто?» – подумал он и развёл руки шире. Проход вторил движениям его рук. «С ума сойти!» – на миг он даже забыл о Ли-а, наслаждаясь неожиданным успехом. Он осторожно опустил руки. Проход не исчез. Тогда Саша рванул вперёд, крепко зажмурился, и резко почувствовал вес собственного тела, падающего вниз.

Он нашёл в себе силы открыть глаза, но, не успев ничего увидеть, оказался в воде. Через мгновение Саша вынырнул, нахлебавшись от испуга, он никак не мог откашляться и прийти в себя. Берег был рядом. В ста метрах располагался крутой заросший холм с небольшим песчаным поясом, похожим на хвостик запятой. Саша поплыл к нему.

Едва его ноги коснулись раскалённого песка, послышался громкий всплеск. Саша обернулся, но никого не увидел. В том месте, откуда он предположительно бултыхнулся в воду,

ничего не было, кроме яркого, освещённого «Мамой» неба. От испуга он бездумно пустился бежать, и, спрятавшись за ближайшими деревьями, стал всматриваться в побережье в надежде увидеть Ли-а и в страхе вновь повстречаться с пугающими «аномалиями».

Не меньше часа он пристально следил за берегом, но, кроме мирно покачивающихся волн, воду ничего не беспокоило. Длительное напряжение, успокаивающие волны и ласковое тепло обогнувшей холм «Мамы» разморили Сашу, и он задремал.

Во сне ему чудилось, будто кто-то выходит из воды и идёт прямо к нему. Он вскочил и увидел человеческую фигуру в чёрном панцире, идущую ему на встречу. Забыв о всякой осторожности, он рванул навстречу. За несколько шагов до землянина силуэт рухнул на песок так стремительно, что Саша не успел ничего сделать. Чёрный панцирь растворился, и измученное лицо Ли-а безмолвно молило о помощи.

– Ли-а! – крикнул Саша, бросившись к ней. Он приподнял её голову и, не зная, что делать, стал отчаянно трясти её за плечи и причитать: – Прости, прости меня! Я же не знал, что так выйдет. Прости.

Его стенания неожиданно прервались знакомым голосом, прозвучавшим у него в голове:

– Ты останешься?

– Ли-а?

– Ты останешься?

– Да, да, я останусь, только не умирай! – выпалил Саша, мгновенно пожалев об этом.

– Хорошо!

Голова девушки, поникшая в ладонях землянина, внезапно резко и неестественно вздрогнула. Ли-а уставилась на него леденящими неживыми глазами. Саша, шокированный, хотел было броситься бежать, но руки Ли-а молниеносно схватили его за шею и притянули к себе. Предстоящий поцелуй казался ему смертельно опасным и, едва почувствовав прикосновение её губ, Саша принялся отталкивать девушку, и, наконец, проснулся.

Он лежал на тёплом песке, скудно поросшим травой, под худеньким деревцем. Сверху на нём сидела Ли-а и, глядя на него своими большими голубыми глазами, звонко хохотала. Чёрный панцирь едва прикрывал её тело, приняв вид типичного земного купальника. Неизмеримое чувство радости от того, что с ней всё хорошо, и вид её сильных обнажённых бёдер, сдавливающих его рёбра, вскружили ему голову. Он бросился на неё с поцелуями и объятиями, настаивающими на продолжении. Ли-а смеялась и ради приличия некоторое время оказывала сопротивление, ещё больше разжигая страсть в сердце Саши.

Лежа без сил на песке, Ли-а и Саша наслаждались друг другом. Волны раз за разом накатывались всё ближе, лаская их ноги прохладой, но им не хотелось терять нить безмятеж-

ной влюблённости и подниматься. Ли-а, положив Саше голову на грудь, машинально водила пальцами по песку, глядя куда-то сквозь землю. Землянин, закрыв глаза, гладил её по роскошным волосам и старался изо всех сил не думать ни о чём. Но, судя по всему, ему это не удалось:

– Почему ты так переживаешь из-за своих слов? – спросила девушка, приподняв голову и наградив землянина своим проникновенным взглядом.

– Потому что не уверен, что сдержу обещание, – как всегда искренне ответил Саша.

– Ну и что? – сказала она, вновь сев на него, позволяя ему насладиться её красотой.

Через мгновение ненавистный чёрный «пластик» стал медленно расползаться по её телу.

Саша молчал. Он едва мог объяснить словами то, что творилось у него внутри. К счастью, в этом не было необходимости.

– Я тебя ни к чему не обязываю, – нежно сказала Ли-а, поднимаясь и собирая свои прекрасные волосы в строгий бесчувственный хвост.

– Ты права, я сам себя обязываю, – ответил Саша.

– Очень глупо. Хочешь быть со мной – будь. Не хочешь – не будь.

– Ты так спокойно об этом говоришь?

– Конечно, ведь я знаю ответ, – Ли-а улыбнулась и добавила: – Только ты решаешь, будет ли это продолжаться или

нет. Амферы, различия цивилизаций, мой «панцирь» – это лишь надуманные тобой преграды. Понимаешь?

– Не совсем, – с тоской ответил Саша, нехотя поднимаясь.

– Пора идти, скоро пояс совсем уйдёт под воду. Раз уж мы сошли с маршрута, предлагаю немного сократить путь, – предложила девушка, открывая очередной проход в амферу.

Саша наспех оделся и подошёл к Ли-а. Обнял её, прижал к себе и, слегка приподняв, шепнул ей на ухо:

– Нужно чаще так «сходить с маршрута».

Ли-а с трудом сдержала улыбку. Саша, не отпуская её, несколько раз развернулся и сиганул в проход.

Глава 9. Случайные жертвы

Ли-а и Саша перенеслись на просторный луг, заросший высокой травой. Горизонт вдалеке был изувечен холмами и оврагами, а «Мама» безжалостно палила в макушку. Ли-а уверенно зашагала вперёд, оборачиваясь на землянина, чьи глаза всё ещё пытались привыкнуть к яркому свету.

– Пойдём! Больше никаких амфер.

– Где мы? – спросил Саша, щурясь и пытливо осматриваясь.

– Рядом с твоими товарищами. До них отсюда часов пять-шесть ходу. Так что завтра мы, как ты и хотел, дойдём до них.

– Почему завтра? Ведь всего пять часов идти!

– Заглянем кое-куда по пути. Я же обещала.

Двадцать километров не так уж и много в хорошей компании, но из-за постоянно чередующихся подъёмов и спусков и невыносимой жары Саша быстро устал. За каждым покорённым холмом их ждал ещё один, то выше, то ниже. Порой Саше казалось, что это море. Застывшее, заросшее зеленью, бескрайнее море. Несменяемость пейзажа и молчание Ли-а загнали его в тоску. Он шёл, задумавшись, недовольно сдвинув брови, пока его неожиданно не взбодрил твёрдый тяжёлый предмет, подло преграждавший путь под покровом травы.

Саша еле устоял на ногах. Боль, обида и острое жела-

ние выругаться были слегка нивелированы обезболивающим смехом девушки. Но какие-то мысли всё же успели мелькнуть в его голове.

– Какой ужас, – задыхаясь от смеха, сказала Ли-а. – Сам же виноват, под ноги не смотришь!

– Могла бы предупредить, – виновато ответил Саша.

– Ну, предыдущие ветки ты же как-то обошёл.

– Какие ветки? – удивился землянин и стал разглядывать в траве препятствие, о которое он только что чуть не переломал пальцы ног.

В густой траве длиннющей змеёй тянулся рельс. Совсем как на Земле, только немного тоньше и вычурнее. Саша с неммым удивлением взглянул на Ли-а.

– Пойдём, мы почти на месте, – сказала она и вновь бодро и уверенно зашагала вперёд.

Саша вскоре заметил, что чем дальше они шли, тем чаще им стали попадаться ветки железной дороги. Землянин начал догадываться, куда они идут. И его предположения подтвердились, покорив очередной холм, они увидели вдалеке руины огромного города.

Ен-Мэйроз – город, который, как предположил Саша, стал самым большим музеем во Вселенной. Успевший за свою историю дважды умереть и дважды воскреснуть, он был полон экспонатов, невероятных даже для местных жителей. Что уж говорить о землянине, который, приободрившись, прибавил ход, предвкушая увлекательнейшую экскурсию.

Город был разделён на сектора. Каждый сектор – определённая эпоха развития, чаще всего независимая от времени. Города, как и на Земле, то практически не менялись в течение нескольких веков, то преображались до неузнаваемости за пару десятилетий.

«Музей» охватывал огромный период – в пересчёте на земные года, больше двух миллионов лет! За это время произошло ровно одиннадцать фундаментальных метаморфоз, на столько же секторов и разбили Ен-Мэйроз.

На подходе к городу Саше и Ли-а стали встречаться люди – такие же, как и они, посетители «музея». Землянину эта компания грела душу так, будто он встретил давних знакомых. Видимо, после общения с «аномалиями» любой человек становится старым-добрым приятелем.

Первый экспонат встретился им уже при входе. Высокое ограждение, состоящее из одиннадцати различных фрагментов, от деревянного подобия частокола, до уже знакомой стены «светлячков» и прочих загадочных ограждений. Сверху возвышалась гигантская вывеска, взглянув на которую, Саша узрел знакомые буквы: «Добро пожаловать!» Он с удивлением уставился на вывеску, периодически переводя вопросительный взгляд на Ли-а.

– Как это? Они знали, что мы придём? – спросил землянин.

– Конечно, нет! Там нет никаких букв. Это экран, транслирующий мысль, как тебе такое? Любой человек, взглянув-

ший на него, увидит надпись на том языке, которым он владеет. На самом же деле, эта надпись – лишь плод его воображения!

Саша, восторженно любуясь чудом техники, начал суетливо стучать по карманам в поисках какого-нибудь гаджета. Но, вспомнив, что в камере из светлячков он очнулся «без ничего», раздосадовался, что не сможет ни с кем поделиться увиденным.

– Чтобы всё обойти, не хватит и месяца! А у нас всего-то один вечер, – сказала девушка, разворачивая перед Сашей электронную модель Ен-Мэйроза. – Куда пойдём?

Сектора удобно делились по цветам, каждый был подписан на неизвестном языке. Внутри каждого сектора были выделены, как предположил Саша, наиболее предпочтительные экспонаты и интересные маршруты. Но ни цвета, ни странные символы никак не могли помочь ему с выбором.

– А какой сектор соответствует моей эпохе? – поинтересовался Саша.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, какой сектор соответствует нынешнему развитию человечества на Земле?

– Трудный вопрос. Я недостаточно хорошо вас знаю.

– Примерно.

– Ну, если примерно... – задумалась Ли-а. – Седьмой или восьмой.

– Тогда идём в девятый!

Ли-а улыбнулась, верно угадав выбор своего возлюбленного. Они прошли под приветственной вывеской внутрь. Глаза Саши разбегались. Он сразу понял, что если начнёт спрашивать Ли-а обо всём, что его заинтересовало, то они долго не двинутся с места. Поэтому он решил просто идти за ней и наслаждаться.

Между высокими серыми стенами, местами поросшими чем-то похожим на мох, стояли чудные кабинки. Узкие, облезлые, выполненные на вид из некачественного пластика, заросшие со всех сторон высокой травой и кустарником. Саше они показались смешными, похожими на земные общественные нужники. Он усмехнулся, но тут же поспешил отогнать эти мысли, заметив, что Ли-а недовольно на него покосилась.

Возле кабинок топталась пёстрая толпа. Кто-то был в уже знакомых Саше «панцирях» различных форм, цветов и, как предполагал землянин, назначений. Некоторые были в «простой» одежде, конечно, не под стать той, к которой привык Саша, но всё-таки человеческой, не выползающей на лицо в самый ненужный момент. Народ то и дело бросал осторожные, любопытные взгляды на землянина, он тут же это заметил и стал чувствовать себя неловко.

– Ли-а, чего они на меня смотрят? – смущённо спросил Саша.

– А как ты хотел? Не только тебе интересно встретиться с представителем иной цивилизации. И прекрати смущаться,

они это чувствуют. Будь увереннее!

Саша выпрямил спину, приподнял подбородок и начал без стеснения разглядывать окружающих в ответ, отчего стал выглядеть ещё более нелепо, чем прежде. Он так увлёкся, что даже не заметил, как оказался в живой очереди, выстроившейся к «кабинкам». Ли-а стояла в соседней колонне, покрасневшая и изо всех сил пытающаяся сдержать смех.

– Что происходит? – прошептал Саша, наклоняясь к Ли-а. – Они что-то говорят про меня?

– Успокойся! Ты своей паранойей только всё усугубляешь. Веди себя естественно.

Саша сделал вид, что всё хорошо, но внутри него ураган эмоций уже метался в разные стороны, вгоняя его в состояние то разъярённого зверя, то обиженного ребёнка, то стеснительного юноши. Он ввинтил свой взгляд в собственные ботинки и изредка поглядывал на Ли-а. В какой-то момент терпеть это напряжение стало невыносимо. Странная мысль о том, что эти люди ничем не лучше «аномалий», сама вползла в голову землянина, и, естественно, не осталась без внимания присутствующих. Вместо любопытства и усмешек во взглядах, направленных на Сашу, теперь просматривалось недоумение и презрение.

Ли-а вздохнула с облегчением, когда подошла её очередь. Она сдавленно произнесла одно слово и исчезла за дверью. Саша осознавал, что сказанное адресовалось ему. Но что означало это слово? «Жёлтая». Что жёлтая? Он никак не

мог понять смысл сказанного и никак не мог дожидаться своей очереди, чтобы скрыться от посторонних глаз и поскорее стереть из памяти этот конфуз.

Иффридж никак не мог привыкнуть к тому, что теперь он вновь материален. Порой доходило до абсурда, и он забывал вовремя справлять нужду. Его удивлял вкус самой обычной еды. Еды, которую ели нищие, с трудом выживающие люди. Для них это был лишь способ дотянуть до завтра, для Иффриджа – целая палитра новых ощущений.

В его жизнь вновь ворвались сновидения. И, что самое поразительное, он часто видел сны о жизни прежнего обладателя тела. По крайней мере, так предположил сам Иффридж. Он зачем-то записывал эти сны, возможно, планируя поделиться ими с Георгием и услышать истории, которые с ними связаны. Но сегодняшним дождливым холодным утром внести очередную запись в маленький чёрный блокнот не удалось. Кто-то бесцеремонно вмешался в его сон, буквально выхватив его из мира грёз.

Оливер угрюмо что-то промычал, и в ещё не проснувшемся уме Иффриджа отдалось – «пора». Он встал, всё ещё не понимая, что происходит, и вышел на улицу, чтобы утренняя свежесть взбодрила его. Снаружи было ещё темно, но тусклые отблески, пробивающиеся сквозь грузные тучи, уже объявили о своих намерениях – осветить залитые ливнем переулки. Иффридж поёжился. Ему отчего-то стало неве-

роятно тоскливо. Может, из-за погоды, шептавшей ему всю ночь дождливые колыбельные. Может, из-за того, что ранним утром улицы были пусты и безжизненны. А, возможно, он вновь ощущал давно забытое чувство волнения перед чем-то важным и, пожалуй, опасным.

Он стоял, засмотревшись на разбегающиеся по лужам круги, до тех пор, пока из хижины не потянуло ароматом какао. Иффридж сразу почувствовал тепло, проникающее в его тело, и насыщенный, стойкий вкус шоколада, напоминающий что-то чертовски приятное, но незнакомое. Возможно, прошлый хозяин его тела любил какао или шоколад, а может, и то, и другое. Иффридж отпустил едва заметную улыбку, которая тотчас отправилась в тяжёлое противостояние с хмуростью и одиночеством ненастного утра.

Оливер уже всю поглощал завтрак: чорипаны и маисовую кашу. Иффридж съел кашу и, откусив кусочек сэндвича, стал спешно запивать его какао. Колбаски и соус, добавленные в чорипаны, были крайне острые, но только не для него. Он с каменным лицом закидывал их в рот один за другим, пока они не закончились.

Старуха стояла поодаль от стола и презрительно наблюдала. Не нужно было и читать её мысли, чтобы понимать, какое желание её переполняет. «Хоть бы этот сэндвич тебе поперёк горла встал!» – читалось в её глазах. Она наверняка подозревала, что её немой сын вместе с занесённым чёрт знает, откуда дружкойм собрались на какую-то авантюру. Ей

это нравилось. Опасность, которая непременно сопровождает любые дела в этом городе, дарила ей надежду избавиться от обузы в лице прожорливого калеки.

Они выдвинулись, едва лучи побледневшего Солнца заскользили по мокрым крышам. Немой вновь повёл Иффриджа окольными путями: через смердящие от мусора подворотни, сквозь заброшенные постройки, бесправно занятые бездомными, через канавы, залитые дождём и нечистотами, и другие «достопримечательности» города. Эти места были отвратительны, но безопасны, так как там никогда не патрулировала полиция.

Через полчаса они оказались в школьном квартале. В это время года школа пустовала, за исключением одинокого сторожа, который лишь изображал свою деятельность, будучи абсолютно бессильным стариком. Откровенно говоря, уже несколько лет в местных школах нечего красть. В них не осталось ничего, кроме парт и стульев. Вся технику, все проекторы, всё, что свидетельствовало о высоком уровне современного образования, давно разворовали и продали. Учёба в школе стала скорее формальностью, дарующей измученным родителям возможность пристроить на несколько часов надоедливую ребёнка.

У ворот стоял ржавый фургон. Рядом с ним угрюмый и грузный мужчина. Он ходил вперёд-назад, вертел головой и нервно щёлкал суставами пальцев. Его звали Ральф, он входил в «банду» братьев Моритез. Но, несмотря на свою пре-

ступную связь, имел вполне легальный заработок. Он отвечал за материальное обеспечение школы, то есть в сложившейся ситуации целыми днями бездельничал.

Фургон был нагружен отделочными материалами. Конечно, никакой ремонт в школе не планировался, но администрация школы давно привыкла, что Ральф частенько промышлял сомнительными «бартерными» схемами, и закрывала на это глаза. Никакого вреда учебному заведению это не приносило, а порой даже удавалось извлечь пользу. Строж, любезно открывший ворота, обрадовался предстоящему ремонту, который, как он надеялся, разбавит томительную рутину.

Немого тут знал каждый. И по тому, с какой лёгкостью Ральф обманывал проходящих на работу коллег, было ясно, что Оливер не впервые здесь подрабатывает. Ни у кого не возникало сомнений, что немой пришёл помогать Ральфу разгружать фургон и перетаскивать мебель. А вот Иффридж у каждого вызывал подозрения. Даже когда Ральф уверенно повествовал увлекательную легенду, придуманную сходу, о встрече старого школьного друга, мало кто стирал с лица недружелюбный, подозрительный прищур.

– Тебе надо меньше светиться. Мы с Оливером всё сами сделаем, а ты пока подожди в кладовых. И не вздумай без нас высовываться!

Иффридж хотел было возразить, но идею Ральфа поддержал немой, и ему пришлось подчиниться. Его закрыли в по-

луподвальном помещении, заставленном пустыми стеллажами. Кладовые явно давно не проветривались, да и вообще, похоже, редко посещались: полки покрылись плотным слоем пыли, а пол был усыпан крысиным помётом.

Перед уходом немой бросил несколько фраз Иффриджу:

– В случае чего над потолком есть вентиляционный короб. Через него можно вылезти наружу. Вербовкой людей и крионикой здесь заведует профессор Лейкрикс. Хотя он никакой ни профессор, а его исследовательская лаборатория выдумка для отвода глаз. Я почти уверен, что через неё он попадает в подземку, где и готовит тела к операции и дальнейшей транспортировке. Его лаборатория под охраной, но пробраться туда вполне реально. Особенно ночью. По коду доступа. Я его знаю...

Но, так и не поделившись важными цифрами кода, Оливер ушёл. Он вёл себя крайне необычно. Лицо его выглядело озабоченным, полным отчаяния. Он будто пребывал в абсолютной уверенности, что их ждёт провал. Словно представлял себе радостное лицо старухи, узнавшей о его аресте. Будто к нему только сейчас пришло понимание, что, чем бы всё ни кончилось, ему не удастся вернуть Патрицию.

Иффридж осмотрелся. На одном из стеллажей были хаотично навалены книги. Он взял одну наугад и стал читать. Не осознанно. Раньше Иффридж никогда не читал. Он не застал это время. Поэтому в этот момент, перелистывая жёлтые страницы старой потрёпанной книги, он испытывал уди-

вительную палитру эмоций. Удивление от того, насколько легко у него это получается. Восторг от нового, неизведанного чувства. Трепет от осознания того, что кто-то много лет назад старательно печатал каждую букву, чтобы сейчас человек с другой планеты впервые испытал удовольствие от чтения.

Но наслаждение было недолгим. Едва он стал улавливать суть содержания, его мысли почернели, как небо перед бурей. Он читал историю военного конфликта, где из-за территориальных споров была уничтожена почти целая нация. «Из-за путаницы в названиях рек! Как же так? Ведь ни реки, ни земля не могут быть собственностью людей! Как же глупо. Как же жестоко и неоправданно!» С каждой новой страницей ему было всё труднее поверить в произошедшее.

Пролистав, не читая, ближе к концу, он, надеясь на счастливый финал, наткнулся на описание самой кровавой, решающей битвы, в которой погибли десятки тысяч людей. К тому моменту мужчин катастрофически не хватало. Бились женщины, дети. Дети... Вместо игрушек, конфет и беззаботной жизни они окунулись в ужас войны. С саблями, которые едва могли удержать в руках, с блестящими от страха невинными глазами, они гибли один за другим. Гибли в заведомо проигранном бою со зверством и жестокостью взрослых.

Иффридж нервно захлопнул книгу. Закинув голову, он закрыл глаза, стараясь стереть этот кошмар из своего сознания, а по щекам его потекли слёзы. Он присел, опершись спиной

о стену. Обнял, как ребёнок, колени и зарыдал, измученный собственным воображением, которое, не переставая, рождало картины того ужасного времени.

К книгам он больше не притронулся. Прошло несколько часов, прежде чем Иффридж пришёл в себя. Эмоции утихли. Переживания за Оливера вынуждали забыть о прочитанном и собраться. Он поймал себя на мысли, что прошло уже немало времени, а Оливер и Ральф так и не появились. Это моментально взбодрило его.

Обшарпанная стена и дверь в электрощитовую – всё, что ему удалось увидеть в замочную скважину. Недолго сомневаясь, Иффридж взгромоздился на стеллаж, расположенный под вытяжной решёткой. Открыв её и заглянув внутрь, он увидел свет, падающий в канал из других помещений. Немой не обманул. Крепко ухватившись за края канала, Иффридж оттолкнулся, что было сил, и упёрся локтями в скользкую поверхность. Его ноги беспомощно повисли в воздухе. Пытаясь вытянуть себя наверх, он сползал всё сильнее. В какой-то момент руки соскользнули, и он рухнул вниз.

Полки стеллажей не выдержали. Иффридж, проломив верхний ярус, еле успел отпрыгнуть в сторону от падающего на него стеллажа. Грохот был такой, что не услышать его мог либо глухой, либо мёртвый. Вероятность того, что сторож во внеучебное время проигнорирует такой шум, практически равна нулю. Оставалось одно – сделать практически невозможное.

Иффридж был из тех, кто в критической ситуации не паникует, а, напротив, соображает крайне оперативно. Прикидывая, сколько времени займёт путь от вахты до кладовой, он стал рывками отодвигать упавший стеллаж в угол за перегородку. На его место он придвинул другой, целый. Ничего не слыша из-за сердца, отдающего дробью в его голове, он подбежал к двери, испуганно заглянул в замочную скважину – никого. Бросив пристальный взгляд, пытаясь максимально запомнить окружающую обстановку, он коротко вздохнул, щёлкнул выключателем и погрузился в кромешную темноту.

Ему удалось быстро и бесшумно дойти до нужного стеллажа, взобраться на него, нащупать края канала и ухватиться за него. То ли новый стеллаж оказался выше, то ли басовитый голос сторожа из-за двери придал ему сил, но прыгнул он так, что по пояс оказался в канале. Под звуки открывающегося замка Иффридж лихорадочно засовывал ноги в противоположную часть канала. Когда зажёгся свет, он уже стоял на четвереньках в вентиляции и придерживал руками решётку, которая чудом не отвалилась.

– Кто здесь? – раздался голос сторожа. Он заглянул за перегородку, увидел поваленный стеллаж и разбросанные вокруг него книги. – Чёртова макулатура, и чего её до сих пор не сожгли?! – выругался он и направился к выходу.

Иффридж выдохнул. Он был в шаге от провала, от очередного заключения. «Два ареста за несколько дней – это слиш-

ком. Даже для инопланетянина», – подумал он и позволил себе мимолётно улыбнуться.

Через несколько мгновений он разглядывал полупустой кабинет, свет в который проникал через маленькие окна цокольного этажа. Под решёткой, между двумя высокими верстаками был проход. Спрыгивать было рискованно, и Иффридж решил посмотреть остальные кабинеты.

Следующее помещение было застелено старыми изодранными матами. Когда-то тут был зал единоборств, а теперь излюбленное место ночлежки крыс. Иффридж уже успел осторожно свесить ноги, готовясь к прыжку, как вдруг услышал голоса, доносящиеся из следующей решётки. Он влез обратно и осторожно подполз к очередному отверстию в канале.

В маленькой комнате горел свет, и было сильно накурено. Дым, втягивающийся в канал, стал резать Иффриджу глаза, мешая как следует разглядеть четверых мужчин, находящихся в комнате. Один из них угрожал чем-то, скорее всего, пистолетом другому, стоящему на коленях и что-то нервно бормочущему. Другой стоял рядом, упершись в стену и понуро опустив голову. Четвёртый сидел за столом, вальяжно откинувшись на спинку кресла.

– Я последний раз тебя спрашиваю. Что ты делал возле двери в мою лабораторию? – спросил мужчина в кресле, ловко вращая в руке нож-бабочку.

– Я, я... ничего! Я не отошёл ещё от вчерашнего вечера, голова не соображает. Я этаж не признал, мне в кабинет аст-

рономии нужно было. Там... Там занятий давно нет, а мне краску припрятать надо было. Виноват, бес попутал! Я всё отдам!

Иффридж узнал этот голос, а вскоре узнал и мужчину, стоявшего на коленях и неумело оправдывающегося. Это был Ральф. Избитый и связанный. А рядом с ним стоял Оливер. С заплывшим глазом.

– Хватит нести чушь!

– Клянусь! – завопил Ральф после очередного удара, полученного от человека с пистолетом.

Мужчина поднялся из кресла, разложил нож и схватил свободной рукой лицо Оливера.

– Спрашиваю ещё раз. Что ты делал возле моей двери?

– Я хотел краску припрятать. Этажи перепутал. Правда. Отпустите нас!

– Слышишь, немой! Тебе не кажется, что он что-то недоговаривает? Надо ему помочь как-то! Мне жаль использовать тебя, хотя какая разница? Вряд ли тебя можно испортить сильнее.

Едва закончив фразу, мужчина засунул нож в рот Оливеру и резким движением рассёк ему нижнюю губу. Немой заревел. Мужчина вновь сел в кресло, разъярённо воткнул нож в стол и на некоторое время замолчал. Он наслаждался ужасом, с которым Ральф смотрел на него.

Оливер смог быстро успокоиться. Иффридж, с содраганием наблюдая эту картину, стал подавать ему сигналы, что он

тут и что он сможет помочь. Правда, пока не знает, как.

– Не вмешивайся! Они тебя убьют! Дождись, когда все разойдутся, и беги! Беги из этого города, – «отправляя» Оливер ответ.

– Ну, уж нет! Я обязательно что-нибудь придумаю. Обязательно. Придумаю, слышишь... – Иффридж осёкся.

Поток его мыслей прервался, уступив место единственной, внезапно пришедшей в голову идее. Оливер заметил это, и, направив взгляд в темноту вентиляционной решётки, едва заметно одобрительно кивнул.

Глеб, Вениамин и Макар быстрыми шагами удалялись друг от друга, стараясь всё время мысленно поддерживать связь. Когда передача информации стала требовать серьёзных усилий, было принято решение развернуться направо и по дуге к центру возвращаться к амфере, охватив как можно больше площади.

Ничего, кроме песка, подло заметающего следы человеческих ног, они не нашли и уже смирились с потерей «драгоценных» тел. Но вскоре Макар стал пропадать из мысленного эфира. Его «речь» перестала быть понятной, и Глеб с Вениамином рванули к нему.

Прибежав с разных сторон от амферы и убедившись, что силуэт, открывший проход, ещё мерцает, они отправились на поиски Макара вместе, не разделяясь. Оба чувствовали нарастающий страх, свой собственный и страх друг друга.

Страх, резонирующий с тишиной, которая ответом возвращалась на вопрос: «Что случилось?»

Еле дыша от бега по песчаным дюнам, Глеб и Вениамин бросились к Макару, который лежал на спине и не подавал признаков жизни. Он был болезненно-серого цвета, а в широко раскрытых глазах застыл удивлённый, испуганный, но в то же время безжизненный взгляд. Ни травм, ни ран, ни следов сильного удара на нём не было. Кроме крошечных ссадин, будто следов от уколов, под левым глазом и над правой бровью.

Сколько ни пытались Глеб и Вениамин привести его в чувство, всё зря. Он смотрел сквозь них куда-то вдаль, не замечая ничего вокруг. При этом сердце его билось стабильно, а дыхание было ровным.

Вокруг его тела Глеб обнаружил странные следы. Как будто кто-то истыкал весь песок кольями. Точки на песке уходили вдаль по замысловатой траектории и пропадали из вида.

– Это следы. Слышишь? Кто-то или что-то сделало это с ним! Мы должны пойти по следу! – смело предложил Вениамин, хотя сам в этот момент едва сдерживал панику.

– Нет! – коротко возразил Глеб и подал знак замолчать.

Он не двигался и пытался сконцентрироваться, чтобы «услышать» что-нибудь, что бы помогло прояснить ситуацию.

Вениамин замер и направил умоляющий взор на Глеба, надеясь, что сейчас всё прояснится и закончится. Глеб, то ли

никак не мог сконцентрироваться, то ли улавливаемые им импульсы содержали что-то негативное, но выражение его лица становилось с каждой секундой мрачнее. Через мгновение без каких-либо комментариев он взвалил на себя Макара и скомандовал:

– Уходим.

– Как уходим? А остальные.

– Если попытаемся им помочь – погибнем.

Ответ развеял все сомнения, которые роем кружились в голове Вениамина. К счастью, наличие такого козыря, как чужое тело, давало прекрасную возможность оправдать себя в любой ситуации. Так и поступил бывший руководитель станции, ныне руководимый куда более развитым инопланетным интеллектом. Терзания совести, испускаемые его мозгом, затмились страхом, выработанным, как он сам себе надумал, несовершенным земным телом.

У амферы их уже ожидал страж, который зачем-то решил констатировать очевидный факт:

– Кажется, вашему товарищу нездоровится! Что, остальных не нашли?

– Заткнись! Делай своё дело! – резко ответил Глеб.

Страж никак не отреагировал, сохранив на лице наигранную ухмылку. Он открыл проход и любезным жестом предложил им воспользоваться. Глеб с Вениамином, держа на руках полуживого Макара, исчезли. В попытке вызволить несколько ценных земных тел они, возможно, стали свиде-

телем первой за последние тысячелетия смерти.

Глава 10. Невероятные экскурсии

Всё внимание землян было сфокусировано на новом открытии. Они прожили на новой планете уже несколько месяцев, но только сейчас обрели возможность узнать её по-настоящему. Больше всего восторженных возгласов исходило от Тибо и Фёдора. Они, словно два прозорливых мальчугана, принялись ловить жуков, тыкать травинками в огромных улиток, пародировать крики птиц и даже пытаться их покормить варёными каштанами. Остальные лишь скромно прогуливались, будто в галерее, разглядывая любую попавшуюся взору живность, которая будто нарочно приходила показать себя.

В целом животный мир Евы кардинально не отличался от земного. Возможно, даже классификация местной фауны была бы идентичной. Не было ни орлов с телом льва, ни многоглавых змей, ни кентавров. Примерно те же эмоции, можно было испытать, перелетев с одного континента Земли на другой. Вроде всё то же самое, по четыре лапы на морду, но лапы-то насколько разные! Да и морды, говоря откровенно, тоже.

Земляне тут же принялись выдумывать названия. Кому-то такие же, как земным аналогам: броненосцы, шмели, соловьи, даже если они имели некие различия. Тем, кто имел более существенные отличия, сочиняли новые, уникальные

имена. Так появились: шелестокрылки – маленькие стайные птицы, названные так за звук, издаваемый при полёте; огнегривы – невероятно пронырливые зверьки, похожие то ли на кроликов, то ли на кошек, столь быстрые, что, кроме ярко-алой гривы, землянам ничего не удалось разглядеть; стукачи – что-то среднее между жуком и черепахой, получившие своё название за необычный способ общения между собой.

Ненадолго в этой увлекательной потехе утонули все проблемы. И задача спасения погибающих цивилизаций, и вопрос взаимной, но абсолютно невозможной любви, и даже идея делать из тростника самогон. Простым, можно даже сказать, детским развлечением реально, хоть и на время, сделать счастливым даже самого удручённого в мире человека. Наверно, поэтому люди так остервенело требуют внуков, едва почувствовав приближающуюся старость. Когда больше не получаешь удовольствия от привычных развлечений, а испытать на себе что-то новое не позволяет слабеющее здоровье, когда дети больше не нуждаются в поддержке, а ежедневная рутина стоит поперёк горла и сводит с ума, самое время вновь стать ребёнком.

И всё же стареющий, но не окончательно состарившийся разум Тараса Петровича вскоре вернулся в режим серьёзной озадаченности. Он вдруг резко осознал, что лицезреть жучков и птичек было бы куда приятней, если бы ему не нужно было решить целый ряд серьёзнейших задач. Отыскав глаза-

ми Ивраоскаря, старик с нарастающей тревогой спросил:

– Так, а что теперь с нашим делом? Насчёт возможности жить здесь землянам взамен на тела?

– А почему ты спрашиваешь об этом меня? – всерьёз заявил лингвист, тут же продолжив участие в придумывании названий. Тут он был хорош, и всякий раз, когда у Ти-бо и Фёдора заканчивалась фантазия, у него всегда находилось несколько вариантов на выбор: – Вам что-нибудь из старо-урвейского? Или, может, на иднихе? А как вам...

– Ты серьёзно? – прервал его Тарас Петрович.

– Абсолютно. Великий Правитель отправил меня вместе с вами для подстраховки. Если вам будет грозить опасность, я вынужден буду вмешаться. В остальном же это ваша задача.

И хотя слова лингвиста были вполне обоснованными, старик, надеявшийся на некое наставничество, был обескуражен. После коротких размышлений Петрович заметил, что Фёдор абсолютно не разделяет его переживаний и продолжает развлекаться.

– Эй! Орнитолог недоделанный! Ты продолжишь дурию маяться, или всё-таки поможешь мне?

Фёдор опомнился и, явно расстроившись, перевёл своё внимание на старика:

– Конечно, Петрович! Какие вопросы-то? Помогу! Что нужно делать?

Тарас Петрович долго сверлил его недовольным сердитым взглядом, сам не зная, что ответить. Впервые за долгое вре-

мя он абсолютно не понимал, что делать. Если раньше, все, даже, на первый взгляд, абсурдные, идеи приходили ему в голову сами собой, спонтанно, то сейчас ему требовалась помощь. Отчаявшись, Тарас Петрович махнул рукой и стремительно зашагал в сторону леса.

Пройдя несколько километров, старик вышел на залитую светом прогалину и рухнул в траву. Уставившись в небо, он отпустил свой ум, и мысли в его голове закружились в лихой кадрили. Оставив попытки уследить за собственным мышлением, Тарас Петрович погрузился в легкую дремоту.

– Ты тоже мне не веришь? – прозвучало в голове Петровича.

Несколько мгновений он продолжил лежать, не «услышав» вопроса среди роя пляшущих мыслей.

– Ты мне не веришь? – пробивалось сквозь эхо бесполезных дум.

Старик открыл глаза. Анна лежала рядом, разглядывая небесный узор облаков. Тарас Петрович мельком взглянул на неё. «Понять Михея можно. Хороша», – подумал он и тут же осёкся, поняв, что она всё «слышит». Отвернувшись, он с наигранным безразличием стал отвечать на вопрос:

– А ты бы верила? Только представь! Ты на чужой планете, ничего не знаешь, не понимаешь, отстаёшь в развитии, от тебя скрывают множество фактов. А потом спрашивают: «Ты мне веришь?» Что бы ты ответила?

– Верю.

– Почему?

– Лучше верить и в итоге разочароваться, чем сомневаться в том, кто был тебе предан.

– Ну, не знаю.

– То есть ты сомневаешься?

– А разве ты нам предана?

Анна замолчала. А старик вдруг понял, что сказал, и застыдил себя собственных слов.

– Прости, – пробубнил он. – Трудно верить в происходящее, в принципе. Другие планеты, цивилизации, жуки, которые заранее знают, куда я поставлю ногу. Всё это заставляет меня сомневаться в собственной адекватности, не говоря уже об окружающих, которые, возможно, плод моего поражённого разума.

– Если кажется, что сошёл с ума, значит, с тобой точно всё в порядке.

– Я скажу так. У меня есть определённая уверенность в том, что ты не злодей. Это чувствуется. Но я допускаю, что ты продолжаешь что-то скрывать, потому что должна. Должна потому, что этого требуют интересы твоей цивилизации.

– Ты невероятно мудрый старик.

– Или наоборот, как посмотреть. Кто-то жуков разглядывает, а мне думай, как договориться с вами о сделке.

– Вершить судьбы – участь достойнейших, – «сказала» Анна и с удивлением наблюдала реакцию Тараса Петровича, который неожиданно звонко расхохотался.

– Ты просто не была на Земле, – еле сдерживая смех, ответил старик. – Там всё с точностью до наоборот. Достойнейшие прозябают в нищете, а подонки купаются в роскоши.

– Абсурд! – воскликнула Анна.

– Точно. И если я, как ты выразилась, «достойнейший»,

то это лишь подтверждает мои слова. Нас сюда отправили не как лучших из лучших, а как тех, кого не жаль пустить в расход. Вот и вся философия современной жизни.

После недолгой паузы Анна поднялась, провела рукой по веткам деревьев, выстроенных в стройные ряды. Деревья зашуршали листвой, загадочным образом отзываясь на её прикосновения.

– Они ведь остались целы отчасти благодаря тебе.

– Деревья?

– Члены твоей экспедиции. Деревья мы бы спасли в любом случае. Почему ты так стремишься вновь их спасти?

– Откровенно говоря, я не знаю. Да и не задумывался даже об этом. А нужно?

– Пожалуй, нет, – улыбаясь, ответила Анна. – Мы не станем принимать каких бы то ни было решений до возвращения экспедиции.

– А что, если они не вернуться?

Анна замолчала. Вопрос Тараса Петровича явно заставил её задуматься. Но свои мысли она предпочла оставить при себе.

– Пойдём, – предложила Анна старику. – Хочу тебе кое-что показать.

Тарас Петрович последовал за женщиной в глубину леса, не задав ни единого вопроса. Они зашли далеко, на неизвестный старику участок. «Никакой тревоги», – поймал он сам себя на мысли. Вновь вспомнив, что Анна всё «слышит», Та-

рас Петрович сконцентрировал мысли на окружающих предметах.

Вскоре они наткнулись на урочище – едва заметную из-за густого кустарника вытянутую в дугу яму. От лёгкого, изящного движения руки Анны ветви расплелись, будто слуги, разбежавшиеся по сторонам при виде королевы.

За зелёной маскировкой оказался проход из крупных каменных ступеней, уходящих под землю. Анна жестом предложила Тарасу Петровичу следовать за ней. Старик осторожно ступил на камни, слегка потопал, будто сомневаясь в их надёжности, чем развеселил Анну, и лишь затем зашагал вниз.

На первый взгляд, это была обычная пещера со свисающими сверху, будто косы, корнями и пробивающимся через узкий разлом светом. В проходе рядами, на равном расстоянии друг от друга, располагались массивные квадратные упоры, в основании которых то и дело что-то сверкало.

– Будь осторожен! – предупредила Анна. – Не наступай на пороги!

– Что это? – спросил удивлённый Тарас Петрович, переступая через преграду, которая, как оказалось, не только сверкает, но и трещит.

– Вы бы назвали это коллектором.

Сообразив, что имеет в виду Анна, старик принялся с интересом его разглядывать.

– А откуда ток? – удивлённо спросил он. И тут же доба-

вил: – И для чего?

– Деревья вырабатывают его для нас, чтобы однажды мы вновь смогли стать живыми.

– Деревья? С ума сойти...

Проход ширился, разлом над их головой схлопнулся, преградив путь свету, на смену которому появились тусклые самоцветы в стенах. Всё чаще стали появляться проходы вниз, на более глубокие уровни, но Анна продолжала вести Тараса Петровича прямо.

Через несколько минут он заметил вдалеке яркое светлое пятно и без сомнений уверился, что именно туда его Анна и ведёт.

– Что это? – не выдержал он.

– Скоро сам всё увидишь.

Не задавая больше вопросов, Тарас Петрович ускорил шаг, все пристальнее вглядываясь в приближающийся свет, который через несколько мгновений превратился в захватывающую картину. Широкий столб света, спускающийся сверху, будто запутавшись в окружавших его гигантских густых корнях, освещал глубочайший колодец, от которого во все стороны на разной высоте разбежались десятки, а может и сотни тоннелей. Из тоннелей тянулись нити – «коллекторы», которые, соединяясь друг с другом, становились всё толще. В конце концов, эта электрическая «паутина» уходила куда-то вглубь земли, туда, куда светил луч света, окутанный многотысячной копной растений.

– Твою же мать! – воскликнул Петрович, поражённый увиденным – Это иллюзия?

– Нет. Никаких иллюзий. Это наша «электростанция», – с улыбкой ответила Анна.

Оказавшись внутри кабинки, Саша обнаружил замысловатое кресло с несколькими ремнями. Недолго сомневаясь, он осторожно сел в него. В то же мгновение его ноги, руки и пояс крепко притянуло ремнями, а перед глазами оказалась голографическая панель с цветами, обозначающими сектора музея.

Саша долго не мог понять, как выбрать нужный. Руки крепко зажаты, а на голос панель никак не реагировала. Только случайность помогла ему догадаться. Он заметил, что, когда смотришь на один из цветных прямоугольников, он будто становится чуть ярче остальных. Причём чем дольше задерживаешь взгляд, тем это становится заметнее. Тут Саша вспомнил слова Ли-а и начал всматриваться в жёлтый прямоугольник.

Кресло через несколько секунд провалилось в бездну – так, по крайней мере, показалось на тот момент Саше. Когда он, наконец, набрался смелости открыть глаза, перед ним вновь оказалась спасительная улыбка Ли-а. Девушка, казалось, и не помнила ту напряжённость, что возникла перед входом в кабинки. Она протянула Саше руку, он встал и осмотрелся. Вокруг было достаточно темно, чуть впереди

виднелась бледно-жёлтая иллюминация под ногами. Своеобразная черта, указывающая начало экскурсии.

Несколько робко сделанных шагов – и Саша, едва преступив черту, замер от восторга. Перед ним открылась невероятная картина ночного города будущего. Хотя для Ли-а это был город далёкого прошлого, землянину в тот момент было невозможно в это поверить. Квартал, в который они попали, был выдержан в едином стиле, несмотря на разнообразие форм и размеров зданий. Все они были тёмно-серыми либо чёрными, с яркой зелёной иллюминацией.

Складывалось впечатление, что архитекторы этого города старались максимально использовать каждый кубический сантиметр. Под ногами посетителей была сочная, будто только что высаженная трава, пространство вычурно разграничивалось кустарником, деревьями и декоративными камнями с фонтанами. Эту зелёную улицу с двух сторон ограничивали стройные ряды небоскрёбов, в тёмных витражах которых Саша видел собственное отражение, как в зеркале.

Над их головами было нечто похожее на купол, едва заметная, полупрозрачная сеть из тонких неоновых нитей. На первый взгляд, эту конструкцию можно было бы принять за навес, защищающий прохожих от осадков. Но какого было удивление Саши, когда по этому невесомому «куполу» одна за другой помчались машины. Хотя их средства передвижения с трудом походили на привычные для нашего понимания автомобили. Землянину с трудом удалось разглядеть

эти аппараты из-за высочайшей скорости их передвижения. Основа конструкции – одно огромное колесо, внутри которого вмонтировано второе, неподвижное, на нём располагалось сидение водителя. Правда, в том, что это именно водитель – человек, принимающий непосредственное участие в управлении, были определённые сомнения.

Пройдя несколько кварталов, Саша заметил, что, помимо второго яруса с «куполлом» для моноколёсных машин, были и другие. На одном из них ездили преемники метро, бесшумные, похожие на гигантских змей.

– Хочешь прокатиться? – спросила Ли-а, заметив интерес землянина.

– А что, можно? Конечно, хочу!

Ли-а взяла Сашу за руку, они повернули на соседнюю улицу и оказались возле небольшого здания цилиндрической формы, возле которого толпился народ.

– Это всё посетители?

– Нет. Это программа. Она моделирует реальность того времени.

Саше вновь стало не по себе. «И тут всё ненастоящее», – подумал он, но осёкся, вспомнив что это всего лишь музей. Ли-а, мгновенно уловив его мысль, попыталась его взбодрить:

– Зачем тебе другие «настоящие» люди? У тебя есть я! Пойдём.

Едва они подошли к концу очереди, как та стала неза-

метно исчезать. Саша и Ли-а быстро оказались возле входа в лифт, который стремительно поднял их на тот «купол», где разъезжало метро. Когда открылись двери, Саше не смог увидеть ничего, кроме стоящей напротив «змеи», распахнувшей перед ним свои внутренности: два ряда кресел, и узкий проход.

Внутри свободные места ярко подсвечивались. Увидев первые два светящихся кресла рядом, Саша и Ли-а сели. Перед ними развернулась карта метрополитена.

– Нам нужно выбрать станцию назначения.

– Какую?

– Ты голоден?

– Немного.

– Тогда нам сюда, – сказала Ли-а и ткнула в изображение нужной станции.

– А что ещё выше?

– Много чего. Я тебе покажу после ужина.

Саша откинулся на спинку кресла и увлёкся видами в окне. Мимо них проносились вычурные строения, нарушающие, как показалось Саше, все мыслимые законы физики. Иногда в окнах зданий он успевал уловить движение – почти в каждом кипела жизнь. «Какая кропотливая работа», – подумал он и перевёл свой взгляд на Ли-а, которая всё это время не сводила глаз с землянина.

– Ты чего? – смутившись, спросил Саша.

– Ничего, – ответила Ли-а, прильнула поближе, и не ожи-

данно поцеловала его.

– Сумасшедшая! Здесь же люди! – отбиваясь, шептал Саша.

– Они не настоящие!

– Мы станцию свою проедем!

– Не проедем!

– Но мы... – попытался что-то ещё возразить Саша, но утонул в очередном поцелуе.

Девушка была права, станцию они не проехали. Через несколько минут «змея» замерла, открыла своё брюхо, и двое влюблённых, почувствовав вибрацию сидений, встали, привели себя в порядок и, тяжело дыша, направились к выходу.

Ресторан, куда они приехали, выглядел как гигантская глыба льда, расколотая сверху огромным шаром, вокруг которого кружились «осколки». Траволатор по спирали поднял их наверх, до самого шара. Внутри, в полумраке, в просторном зале стояли прозрачные столики, похожие на льдины, а вместо администратора их встретил улыбчивый голографический образ женщины с бледной кожей.

– Приветствую вас в «Замке Королевы льда». Приложите ваши руки к меню и проходите за понравившийся столик, сегодня вы наши единственные гости.

Ли-а уверенно поднесла руку к небольшому планшету возле входа с изображением человеческой руки. Из устройства едва заметно выскочили тончайшие нити, обвили её за-

пястье и через секунду отпустили. А образ «Королевы льда» с улыбкой произнёс:

– Ваш заказ принят.

Саша замер в смятении. Вид нитей, оплетающих запястье, обескуражил и слегка напугал его.

– Ну же, не бойся. Это не больно, – подбодрила его Ли-а.

– Что это за чертовщина? Можно мне сделать заказ классическим способом?

– Это того стоит, поверь мне!

Саша робко прикоснулся к планшету. Холодные нити скользнули по его руке, не причинив никакого вреда, и мгновенно скрылись. Королева вновь объявила, что заказ принят.

Они сели за стол у окна. Хотя, по большому счёту, у этого здания не было окон, только прозрачные стены, через них открывался вид на второй «ярус», по которому продолжали носиться «змеи». Чуть выше Саша, наконец, смог разглядеть третий уровень – соединяющий крыши зданий, который был весь усеян светящимися нитями проводов. Сквозь густую паутину кабелей виднелись очертания очередного купола, на нём периодически вспыхивали искры, издавая пугающий, свистящий звук.

– А что там, на самом верху? – поинтересовался Саша.

– Из того, что доступно обычному человеку – аэропорт. Остальное – закрытые объекты и исследовательские пункты. Но нас туда не пустят.

– Почему? Они же ненастоящие! Это ведь музей.

– Это реалистичный музей. Ты будто ненадолго становишься жителем этого города. А потому не обладаешь никакими преференциями, ну, почти.

– А как этот планшет принял заказ? Я ведь даже ни о чём подумать не успел!

– Это и не нужно. Меню само считывает твои вкусовые предпочтения и подбирает идеальное блюдо, учитывая твоё настроение, время года и суток.

– Интересно, что же я заказал? – усмехнулся Саша.

Через несколько минут к их столу подъехала сервировочная тележка с двумя блюдами и напитками. Развернувшись относительно того, кому какое блюдо предназначено, она пристыковалась к столу и не двинулась с места, пока каждый гость не взял то, что ему полагалось, после чего также бесшумно удалилась.

Саша открыл блюдо. На широкой бледно-голубой тарелке среди ажурных листов, похожих на земной салат, виднелись крупные кремовые брусочки, внешне напоминающие тофу, большие желтые шарики и ярко-красные, чуть поменьше. Всё это было щедро залито густой прозрачной массой, похожей на обувной клей. Саша с недоверием посмотрел на блюдо и с нескрываемой иронией обратился к Ли-а:

– И вот это идеально подобранное блюдо?

Землянин наморщил лоб. Ли-а не ответила, незамедлительно приступив к поглощению своей трапезы. Саша, увидев это, начал возмущаться:

– А они там точно ничего не перепутали? Тебе значит супчик, а мне какие-то кубики с лопухом и клеем?!

Ли-а, засмеявшись, чуть было не поперхнулась. Но вновь промолчав и, едва сдерживая улыбку, тут же продолжила есть.

– Нет, я серьёзно. Ты наверняка ешь мой суп! Давай меняться! Ешь сама эту ерунду.

– Ты хочешь поменяться?

– Да.

– Ну, хорошо, – с улыбкой ответила Ли-а.

Она передала Саше ложку и откинулась на спинку кресла, явно догадываясь о назревающем перфомансе.

Без тени сомнений землянин зачерпнул ложку супа и отправил её в рот. Его лицо мгновенно переменялось. Он окинул ресторан вытаращенными от удивления глазами. Осознав свою ошибку, он опустил голову и закрыл глаза. Ли-а смеялась. Наконец, Саша сдался, супчик, который показался ему таким аппетитным, оказался на вкус как смесь керосина и жжёной пластмассы, которую пришлось с позором выплюнуть.

– Может, теперь попробуешь своё блюдо? – возвращая свою тарелку, спросила Ли-а.

– А можно воды? – спросил Саша, прикрывая рукой полуоткрытый для проветривания рот.

Едва он произнёс свою просьбу, как перед ним образовалась бледнокожая хостес, рядом с которой стояла тележка с

графинном воды.

– Что с вами? – строго спросила королева.

– Всё нормально, он просто решил попробовать моё блюдо, – ответила Ли-а за Сашу, который, едва увидев воду, принялся полоскать рот.

Голограмма, услышав ответ, удивилась настолько искренне, насколько способна цифровая хозяйка столь серьёзного заведения.

– Впервые у нас в гостях столь безрассудный посетитель! – отметила она и исчезла.

К удивлению Саша, через несколько минут он попробовал самое потрясающее блюдо в своей жизни. Разноцветные шарики взрывались у него во рту в прямом и переносном смысле целой палитрой вкусов и ароматов. Пугающий на вид клей оказался слегка кисловатым и в то же время острым. Бруски походили на кроличье мясо, только чуть слаще. А зелёные листья не только внешне, но и на вкус были крайне похожи на земной салат.

Выход их «жёлтого» сектора осуществлялся на другую площадь. Саша, прищуриваясь из-за яркого света, стал смотреть по сторонам в ожидании Ли-а. Вдалеке, за стройным рядом кабинок, совсем не похожих, на те, в которые они заходили, он увидел узкую арку. Несмотря на то, что располагалась она в старой, обветшалой стене, она приметно подсвечивалась яркими огнями, пробегающими волной от одного

основания к другому.

Вокруг никого не было. Саша решил подойти поближе к проходу. Он сам не понимал почему, но эта арка вызывала в нём сильнейшее любопытство, которое слегка приглушалось волнением из-за долгого отсутствия Ли-а. Однако с каждым шагом мысли о девушке уходили на второй план, уступая место манящей темноте внутри арки.

Сам не помня, как, Саша оказался в нескольких метрах от арки. Он всматривался внутрь, но ничего не видел. В момент, когда он уже готов был шагнуть внутрь, за его спиной прозвучал знакомый голос:

– Не советую!

Голос Ли-а будто вывел его из гипноза. Он обернулся, с радостной улыбкой обнял девушку и, вспомнив про арку, спросил:

– Что это? Почему меня так тянуло туда войти?

– Многих тянет. Это самый жестокий, на мой взгляд, экспонат, если его вообще можно так называть.

– Почему? Что там?

– У всех по-разному. Ты видишь там то, что больше всего хочешь. Воспоминания из детства, юность, старых, давно потерянных друзей, значимые события и всё в таком духе.

– Звучит совсем не жестоко. Скорее, наоборот!

– Да, так кажется на первый взгляд. Но все как один, выходя оттуда, надолго впадают в тоску.

– Почему?

– Как тебе объяснить. С одной стороны, воспоминания, будто сильнодействующее лекарство, которое облегчает симптомы тоски. Но если не рассчитать дозировку и ненадолго обратить воспоминания в реальность, эффект получится обратный, и возвращение в сегодняшний день воспринимается как нечто угнетающее.

– Настолько всё плохо? Тогда зачем он до сих пор работает? Да ещё и подсвечивается?

– Некоторые люди живут сотни, а то и тысячи лет. Их воспоминания со временем тускнеют. И чтобы хоть на мгновение вспомнить о человеке, который когда-то был тебе дорог, они приходят сюда.

Саша замолчал. Ли-а с тревогой смотрела на него, понимая, к чему всё это приведёт. Наконец, землянин, не глядя на девушку, пробормотал:

– Ты думаешь, что я сумасшедший. Но...

– Нет, не подумаю, – прервала его Ли-а. – Мало кто может устоять перед этим соблазном. Особенно в первый раз.

– По тебе так не скажешь.

– Поверь. Но, к счастью, у меня есть спасательное средство на тот случай, если я почувствую, что больше не могу сопротивляться.

– А, твой панцирь?

– Точно.

– Терпеть его не могу, – сверля взглядом арку, ответил Саша. – Хотя сейчас он может и пригодиться.

– Нет-нет-нет, – запротестовала Ли-а. – С тобой я не пойду!

– Пожалуйста! Одному страшно! Ты там уже была, и у тебя этот панцирь. Чего ты боишься?

– Нет! – строго ответила Ли-а.

Саша посмотрел на неё с удивлением. Она раньше никогда не казалась ему такой холодной и безразличной. Он тяжело вздохнул, немного помялся и, наконец, решительно шагнул в арку.

Глава 11. Холод

Оливер замер, пытаясь не обращать внимания на вопли Ральфа и угрозы профессора Лейкрикса, он изо всех сил концентрировал внимание на деталях.

– Нож, воткнутый в стол. Лезвием от меня. Две секунды, если повезёт, меньше. За это время можно успеть выстрелить несколько раз. Не пойдёт. Сначала Хорлео. Потом верёвка. Потом Лейкрикс.

Немой прокрутил этот план в голове ещё раз, а затем ещё. Моментов, где что-то может пойти не так – масса. Но ничего лучше не придумать. Как только Оливер начал вновь повторять очерёдность действий, свет в комнате неожиданно погас.

– Оливер! – крикнул вбежавший в комнату Иффридж. – Все живы?

– Не знаю, – холодно «отозвался» немой.

Не успели глаза Иффриджа привыкнуть к темноте, как свет загорелся. Прищурив заслезившиеся глаза, он стал поспешно разглядывать силуэты, находящиеся в комнате. И Оливер, и Ральф были живы. А те двое, кто несколько мгновений назад упивались собственным превосходством, лежали без чувств.

– Они живы? – заверещал Ральф, осознав в какую историю он теперь впутан.

Иффридж потрогал пульс Хорлео, помощника профессора Лейкрикса, он был жив. В это время Оливер взвалил на себя тело профессора и с каменным лицом направился к выходу.

– Ты куда? Он жив? – Иффридж направил немому вопросы, но тот даже не успел на них ответить.

В дверях его встретил сторож. Он, по всей видимости, и восстановил электроснабжение, которое выключил Иффридж. Увидев происходящее, он вытаращил глаза и замер, не зная, что делать.

– Спокойно, спокойно, дружище! Всё нормально, все живы, – Иффридж попытался договориться со сторожем.

Пожилой дряхлый мужичок несколько секунд колебался, затем быстро развернулся и попытался убежать, но сильная рука Оливера остановила его. Сторож обернулся и испуганно взглянул на него, тот едва заметно покачал головой. Старик в ответ кивнул, и Оливер тут же его отпустил.

Больше сторож не предпринимал попыток сбежать и поднять тревогу. Иффриджа крайне удивил уровень взаимопонимания между стариком и Оливером. Как будто количество людей, способных «читать» мысли, вновь увеличилось. Ральф и Иффридж подняли Хорлео и направились вслед за немым.

Оливер подошёл к входу в лабораторию Лейкрикса, приложил податливую ладонь профессора, который по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Дверь открылась.

Немой, отойдя в сторону, жестом предложил остальным проходить внутрь.

Лестница, ведущая в лабораторию, была явно слишком короткая, чтобы предположение Оливера, о «подземке», подтвердилось. На первый взгляд, внизу, действительно, находилась обычная лаборатория. Но немой был уверен, что где-то был вход в лабораторию «настоящую».

Оливер положил тело Лейкрикса на один из лабораторных столов. Хорлео хотели оставить рядом, но он неожиданно очнулся и попытался бежать. Быстро сообразив, где он, наёмник тут же остановился. Окончательно придя в себя и вспомнив, что произошло, он схватился за голову и, опершись о стену, медленно сполз на пол.

– Спроси у него, где вход? – раздался в голове Иффриджа голос немого.

– Где вход? – тут же ретранслировал он.

– Какой вход? – завыл Хорлео, не переставая держаться за голову.

– Вход в лабораторию, – уточнил Иффридж.

– А мы, по-твоему, где сейчас? – ответил наёмник с нескрываемой издёвкой.

Пока Иффридж безуспешно пытался вытащить хоть какую-то информацию о существовании тайного прохода, Оливер, вынув телефон из кармана Лейкрикса и разблокировав его отпечатком пальца, принялся усердно изучать его содержимое.

– Ты всё равно не выйдешь отсюда, пока не ответишь на наши вопросы, – пытался давить на него Иффридж.

– Значит, тут я и подохну. Потому что я не понимаю, о чём ты говоришь. Да и кто ты, вообще, такой? Откуда появился?

– Это не твоё дело.

Диалог прервался резким неожиданным звуком. Немой своим огромным кулаком так треснул по столу, на котором лежал Лейкрикс, что его тело подпрыгнуло от удара, а сторож от испуга.

– Массимо нас сдал! – «сказал» Оливер, показывая переписку Лейкрикса со старшим братом Моритез. – Он его предупредил, что мы придём, и что мы всё знаем! Отлично, отлично... Вот что.

Немой протянул телефон Иффриджу и попросил его написать сообщения для Массимо о том, что цели были успешно схвачены, кроме того, при допросе выяснилось, что у них есть шикарный компромат, который тянет на приличный срок для каждого из братьев.

Иффридж отправил сообщение. Не веря в то, что делает. Внезапно его жизнь превратилась в шпионский триллер, а немой калека, которого все считали дурачком – его главный герой, который, как он надеялся, непременно должен одержать победу.

Ожидая скорейшего прибытия братьев Моритез, параллельно продолжая мучить Хорлео вопросами, Иффридж и Оливер напрочь забыли про Лейкрикса. Около часа он не

приходил в себя. Первым поднял тревогу сторож.

Его звали Габино. Вся его жизнь связана с этой школой. Он в ней учился десятки лет тому назад. Потом, после института, работал учителем биологии. Будучи безобидным ворчливым стариком, Габино, как ходили слухи, имел от каждой учительницы, как минимум, по одному ребёнку. При этом до сих пор жил со своей женой. Дети – те, что официальные, – уехали и приезжают слишком редко. Чтобы не сойти с ума, и меньше ругаться со своей старухой, он и устроился сторожем в свою старенькую школу.

Он дрожащим костлявым пальцем проверил пульс. Жив. Он попытался привести Лейкрикса в чувство, приподнимал его ноги, бил по щекам, тряс его за плечи – всё бесполезно. Остальные, увидев это, встревожились. Особенно Оливер. Несмотря на внушительный вид и угрожающую внешность, которую теперь усугублял отвратительный, кровотокающий порез на губе, он был добрейшим человеком. Он никогда бы не простил себе убийство человека. Даже такого, как профессор Лейкрикс.

– Кажется, ему нужна помощь, – сказал Иффридж.

– Вне всяких сомнений, – подхватил Габино. – Что будем делать? Если у него травма головы, то без медицинского вмешательства он не выживет.

– Вы уже всё сделали. Угробили такого человека! И меня покалечили. Так ещё и братья сейчас приедут. Вы само безрассудство, господа! – завопил Хорлео.

– Заткнись! – не сдержался Иффридж. – Лучше бы ты был таким разговорчивым, когда я тебя о входе спрашивал.

– Да он, действительно, ничего не знает, – оттранслировал немой. – Он бы никак не скрыл этого от нас.

– В общем, так. Я могу помочь Лейкриксу, но мне нужны некоторые гарантии от вас, – неожиданно вклинился сторож.

– Какие гарантии? Как ты можешь ему помочь?

– Я обращаюсь сейчас к немому. Не понимаю, как это возможно, но совершенно очевидно, что он тут главный. Так вот, Оливер, я никогда не поддерживал того, что тут творится, и готов вам помочь, но только если ты пообещаешь защитить меня от братьев.

Оливер кивнул. Иффридж для надёжности озвучил его мысли:

– Да, он гарантирует.

– Уберите его! – сказал Габино, показывая на тело Лейкрикса.

Иффридж и Оливер осторожно спустили тело профессора со стола. Сторож стал водить руками по нижней кромке столешницы. Нащупав что-то, он крепко схватил это руками и обратился к немому:

– Надеюсь, ты ничего не сломал своим кулачищем.

Габино дернул столешницу вверх, и вместе со столом вверх поднялась часть пола. Оливер, увидев это, стал, как одержимый, повторять у себя в голове:

– Я же говорил! Я же говорил!

– Откуда ты знаешь про вход? – поинтересовался Иффридж, помогая старику отодвинуть стол.

– Старики всегда чуть хитрее, чем может показаться на первый взгляд. К тому же, я в этой школе всю жизнь провёл. Я тут каждый кирпичик знаю. Ты, действительно, думаешь, что я не заметил, как ты залез под потолок, разгромив стеллаж с книгами?

Иффридж лишь удивлённо усмехнулся. Под столом была ниша, залитая непроглядной тьмой, с несколькими робко выглядывающими ступенями, из которой повеяло пугающим холодом. Габино уверенно зашагал вниз, и как только его полысевшая голова скрылась из вида, послышался щелчок, который прогнал темноту и сомнение людей наверху.

– Давайте, спускайтесь. Чего замерли? – крикнул сторож, удаляясь и пропадая из вида.

– Скажи Ральфу, чтобы он помог тебе нести Лейкрикса, – «сказал» немой Иффрижду.

– А ты?

– Я свяжу Хорлео и буду ждать братьев наверху.

– Один? Нет! Это опасно.

После непродолжительных размышлений немой согласился, что Иффридж всё же вернётся наверх сразу, как поможет Ральфу с профессором. Ни один из них не умел толком стрелять, но, в отличие от пришельца, немой даже не смог бы попытаться, так как его скрюченные пальцы едва бы пролезли в скобу спускового крючка.

Иффридж и Ральф осторожно спустили профессора по ступеням. Внизу, как и предполагал Оливер, была целая система подземных коридоров. Один из них звучал голосом Габино:

– Быстрее! Пойдёмте! Сюда! Там есть необходимые препараты.

Миновав приличное расстояние, они оказались в подвале какого-то здания. Иффридж сразу предположил, что если это, действительно, префектура, как говорил немой, то тут наверняка будут люди и охрана.

– Нас здесь могут заметить? – спросил Ральф, которого, похоже, беспокоили те же мысли.

– Со мной нет. Я знаю, куда идти, профессор Лейкрикс всегда пользовался отдельным ходом.

– Повезло нам с вами, – искренне сказал Ральф, но почему-то встретил неодобрительный взгляд сторожа.

Выйдя к лестнице, Габино повернул вниз, где, как показалось остальным, должен был быть тупик, но на полпролёта ниже притаился лифт, специально скрытый от посторонних глаз.

– Давайте, приложите его руку.

Двери лифта распахнулись, Габино нажал одну-единственную кнопку, и кабина поехала вниз. С каждым метром Иффриджу казалось, что в лифте становится всё холоднее и холоднее. Он сначала списал всё на волнение, но вскоре понял, в чём дело.

Они спустились в криокамеры. Выйдя из лифта, они сразу оказались в ангаре хранения «спящих» – так называли людей, принудительно подверженных крионике. Рядами с узкими проходами в несколько уровней были установлены капсулы с людьми.

Иффридж и Ральф замерли в оцепенении, а Габино спокойно двинулся вперёд, лавируя между капсул, то и дело напоминая о себе:

– Ну, где вы там? Пойдём же!

Неуверенными шагами Иффридж и Ральф проходили мимо капсул, со страхом заглядывая за стекло, будто ребёнок, боявшийся впервые взглянуть на покойника. Внутри капсул лежали побелевшие от холода люди, мужчины, женщины, молодые и не очень. Над каждой светилась скромная индикация: дата крионики, данные замороженного, его текущие параметры.

У Иффриджа от вида этих безжизненных тел шёл мороз по коже. Ему хотелось побыстрее отсюда убраться. Он прибавил шаг. Догнав Габино, он рискнул спросить:

– И много их тут?

– Около десяти тысяч, – с абсолютным безразличием ответил сторож.

– Сколько?! – не поверив, воскликнул Иффридж.

– Это ещё ерунда! Если посчитать всех, кого увезли на Льдину, то там счёт уже идёт на сотни тысяч, если не на миллионы.

– На льдину?

– Да, это построенная где-то станция для хранения спящих. Вот туда лучше не соваться! Там холод, снег и страшный ветер. Но зато не нужно тратить бесценную электроэнергию.

Они шли и шли, а капсулы всё не кончались. У Иффриджа закружилась голова. Слева, справа, сзади, впереди, повсюду тела, лежащие в морозилке, одновременно живые и абсолютно погибшие.

Наконец, они добрались до пункта назначения – места, где производились операции. Где тепло живого человека обращали в лёд. Профессора Лейкриса положили на стол, похожий на хирургический. Габино тут же им занялся с видом бывалого профессионала. Иффридж даже не стал спрашивать, что он собирается делать. Ему было на это наплевать. Он с ужасом представлял, что ему придётся идти назад, через это сонное ледяное царство. Однако он не успел и шагу ступить, испытав одновременно и облегчение, и удивление после того, как увидел в проходе Оливера. А затем страх и панику, заметив его поднятые вверх руки, и приставленный к затылку «баллестер-молине».

«И почему нельзя делать нормальные автобусы?» – подумал про себя Саша, едва чувствуя замерзшие ступни.

«Холодно, всё гремит, каждая кочка – как проверка на

прочность рессор и моего позвоночника. И вот это велико­ле­пие я ждал на полуразрушенной остановке сорок минут! Просто потому, что ни на чём туда больше не добраться... Ладно, это того стоит».

Автобус, жалобно скрипя тормозами, остановился возле гнилого столба с покосившейся табличкой с буквой «А». Так здесь обозначалась остановка. Никто, кроме Саши, не вышел. Никто не вошёл. Вокруг вообще никого не было. Вдалеке, в нескольких десятках метров, виднелся тусклый свет от фонаря, который мог осветить разве что собственную тщету. Но из-за абсолютной белизны окружавших его сугробов скудным лучикам света негде было найти свой покой, и они растекались в разные стороны, давая шанс разглядеть занесённые тропы.

Порой от ветра фонарь трясло так, что складывалось ощущение, будто сугробы вокруг ожили и вот-вот утянут тебя с собой в белоснежную хлябь. А лающие вдалеке собаки будто предупреждали: не подходи – тебя тут не ждут.

Саша знал, что эти ощущения обманчивы. Там живут прекрасные люди. Их мало, они почти все старые, но такие настоящие, добрые. Он радостно ворошил снег под ногами, с нетерпением ожидая встречи с родственниками.

Впереди, наконец, показался тесный ряд стареньких деревянных домов. Саша знал маршрут наизусть. Первые три дома – пустые, когда-то в них жила деревенская молодёжь, уехавшая в город. Дальше усадьба бывшего депутата. В дет-

стве Саша любил ошиваться тут со своими друзьями. Алексей Георгиевич хоть и был «одномандатный» – так его вся деревня за глаза называла, но мужик был добрый и часто угощал то конфетами, то газированной водой, иногда даже мелочь какая от него перепадала.

После усадьбы депутата нужно свернуть налево, где на широкой кривой улице небрежно разбросаны избушки. Кто как хотел и умел, так и строил. Саша помнил каждый дом здесь. И мог по памяти назвать каждого, кто тут когда-то проживал. Картины из детства откладываются в памяти ярче всего.

Наконец, он добрёл до дома своей бабушки, где провёл немало времени, свободного от учёбы. Тут никогда ничего не менялось. Всё такой же неокрашенный сруб, такая же облезлая лавка возле крыльца. Всё та же огромная веранда с широкими витражными стеклами. Саша любил там спать летом, спасаясь от зноя. Но сейчас комфортнее всего было возле печи.

Саша вошёл внутрь, застав бабушку Любу за жаркой блинов. Он узнал этот аромат ещё на пороге и невольно улыбнулся.

– Я пришёл! – радостно крикнул Саша ещё в дверях и услышал знакомый, скрипучий голос:

– Проходи, помогать будешь!

– Это запросто! Разворачивать?

– Разворачивать!

– Помнишь, бабушка, я постоянно спрашивал тебя, зачем ты складываешь блинцы пополам, а потом просишь меня их разворачивать? А ты не отвечала, говорила, что я сам всё пойму, когда вырасту. Так вот, я, кажется, понял.

– Да ну!

– Ты просто искала повод подольше побыть с внуком?

Бабушка Люба ничего не ответила. Она едва заметно улыбнулась и налила очередную порцию теста на раскалённую сковороду.

Саша стал рассказывать бабушке всякую ерунду. О большом городе, о поездке за границу, о первой любви, о том, что в мире стало всё плохо. О том, что энергии не хватает. Что пришлось ему из-за этого лететь на другую планету. О другой любви.

Бабушка с интересом слушала Сашу, не прерывая рассказ, всякий раз сочувствующе охая и качая головой, не прекращая выпекать все новые и новые блины. Остановившись на второй сотне, она объявила, что пора пить чай, и занялась самоваром. Стало совсем душно.

Саша вышел на веранду подышать. Он раздвинул выгоревшие от старости самодельные занавески на шнурке. За окном мело. Тусклого фонаря отсюда не было видно, но и без него было светло. Луна, будто соскучившись по старому приятелю, заглядывала им прямо в окно. Собаки всё не унимались, и Саша подумал, что завтра непременно пойдёт их кормить. Как раньше.

Как раньше. Эта фраза внезапно встряхнула его. «Как раньше». И действительно. Тут всё как десятки лет назад. Никто и не подозревает о том, что творится в мире. Энергетический кризис, экспедиции, затухающее Солнце. Тут никому до этого нет дела, так как это никак не влияет на их жизнь. Для них всё осталось «как раньше».

– Чай готов! – голос бабушки вырвал его из размышлений.

– Иду, бабуль.

После вкуснейшего травяного чая Саша, утонув в старой кровати с панцирной сеткой, вновь стал размышлять о том, как его бабушке, всей деревне, тысячам других подобных деревень удалось не пустить к себе безжалостные щупальца энергетического краха.

Он сам не заметил, как уснул. Уже утром, пребывая в блаженной неге, когда ничего тебя не будит и ты проснулся сам оттого, что больше не хочешь спать, Саша, сквозь дремоту, услышал запах бабушкиной глазуньи и свежего хлеба. За окном поднималось зимнее Солнце, искрами пробегая по каждому сугробу и заглядывая в окно каждого дома, напоминая всем, что оно ещё не погибло.

– Привет. Уже проснулся? – прозвучал молодой, чертовски знакомый голос.

Саша открыл глаза и чуть было не свалился с кровати от неожиданности. Перед ним, улыбаясь и сияя счастливыми глазами, стояла Варя.

– Как ты здесь оказалась? – еле выдавил из себя Саша.

– Ты чего? С тобой всё в порядке?

– Не уверен, – ответил он.

Повсюду стали происходить необъяснимые метаморфозы. Кровать, на которой он спал, уже не была старенькой, деревенской, а превратилась в полноценную, двуспальную. Деревянные стены вокруг неожиданно покрылись дизайнерскими обоями с множеством картин молодых художников. Пол стал покрываться мрамором, а потолок оказался невыносимо белым, настолько белым, что не мог сосуществовать рядом с деревенской печью. И впрямь, та будто растворилась. На её месте стояла современная кухня. Куда ни бросал свой взгляд Саша, там старая, доживающая свой век изба превращалась в нечто новое, живое, бездушно-практичное.

Варя подошла к нему и присела рядом.

– Да что с тобой? – вновь спросила она.

– Я... я не знаю.

– Пойдём завтракать? Или поваляемся в кровати? – спросила Варя, пытаясь поцеловать Сашу.

Он отстранился, поймав недоумевающий взгляд девушки.

– Пойдём лучше завтракать, – попытался он исправить ситуацию.

– А может, всё-таки поваляемся? – настаивала Варя, всё навязчивее пытаясь его поцеловать.

Саша отворачивался, несколько раз пытался встать, но, как казалось, это всё только раззадоривало девушку. Она села не него сверху, крепко схватила его голову и поцеловала.

Саша зажмурился и через сжатые губы выдавил:

– Перестань!

Варя отпрянула, уставив на него удивлённый сердитый взгляд. Саша вскочил с кровати и отошёл к окну.

– Что с тобой происходит? – в очередной раз поинтересовалась девушка.

– Ничего. Я просто больше тебя не люблю, – ответил Саша, сам удивляясь своему спокойствию.

– Что-о?! – переспросила Варя, явно теряя контроль.

Саша бросил взгляд куда-то наверх, подозревая, что помощь должна прийти именно оттуда, и крикнул:

– Ли-а! Вытащи меня отсюда!

– Ли-а? Значит Ли-а?! – вне себя от злости завизжала Варя и стала швырять в Сашу всё, что попадалось под руку.

Саша уворачивался, закрывал лицо руками и продолжал кричать в потолок.

– Ли-а! Вытащи меня! Прошу!

– Ли-а?! Значит, ты теперь её любишь? – кричала в отчаянии Варя, запуская очередной снаряд в изменника.

В который раз, видя, как в него летит что-то тяжёлое, Саша закрыл лицо руками и зажмурился, а когда открыл глаза, увидел перед собой обеспокоенное лицо Ли-а. Она заботливо обняла его и, успокаивая, сказала:

– Всё закончилось. Я с тобой...

Глава 12. Побочные эффекты

Музей произвёл на Сашу неизгладимое впечатление. И если бы не последний экспонат, он наверняка на обратном пути, не умолкая, обсуждал бы увиденное. Сейчас же он молчал, уткнувшись лбом в стекло одного из самых старых из сохранившихся видов транспорта – высотного троллея.

Функционал музея позволял своим покупателям выбрать вид транспорта, на котором уходящие посетители смогут добраться до ближайшей амферы. Как и сектора музея, транспорт делился на эпохи его применения. Саша решил на этот раз прислушаться к советам Ли-а и выбрал то, что она рекомендовала.

Высотный троллей представлял собой комплекс высоких башен с небольшой выдвигной частью. На башне размещалась посадочная площадка и спусковой шток, управляющий небольшой легковесный вагончик вместимостью около двадцати человек. Когда вагончик прибывал к очередной башне, срабатывал механизм, поднимающий выдвигную часть, обеспечивая перепад высот. Когда шток «срывали», вагончик ехал дальше, а башня с небольшой задержкой опускалась, обеспечивая своевременное торможение у следующей башни.

Конструкция, казалось бы, примитивная, но для передвижения небольших групп этот вид транспорта оказывался

весьма экономным. Высотный троллей использовался дольше остальных «погибших» видов транспорта и, как рассказывала Ли-а, до сих пор считается одним из самых атмосферных и вдохновляющих.

Ли-а весь путь не замолкала. Она пыталась развеять тоску Саши, который безмолвно таращился на просторы за окном. Ему было грустно после встречи с бабушкой и стыдно за то, что его мозг воспроизвёл после. Ли-а знала, что он никак не мог увидеть её, так как она не воспоминание. Она не в прошлом, она настоящее. Она ничуть на него не сердилась, скорее, наоборот, но сказать ему об этом сейчас она не решилась.

Она в основном комментировала то, мимо чего они проезжали. Саша взбодрился лишь дважды. Сначала вырвать землянина из мрачных дум смог памятник Диосмарса – того самого учёного, который однажды смог остановить уничтожение цивилизации.

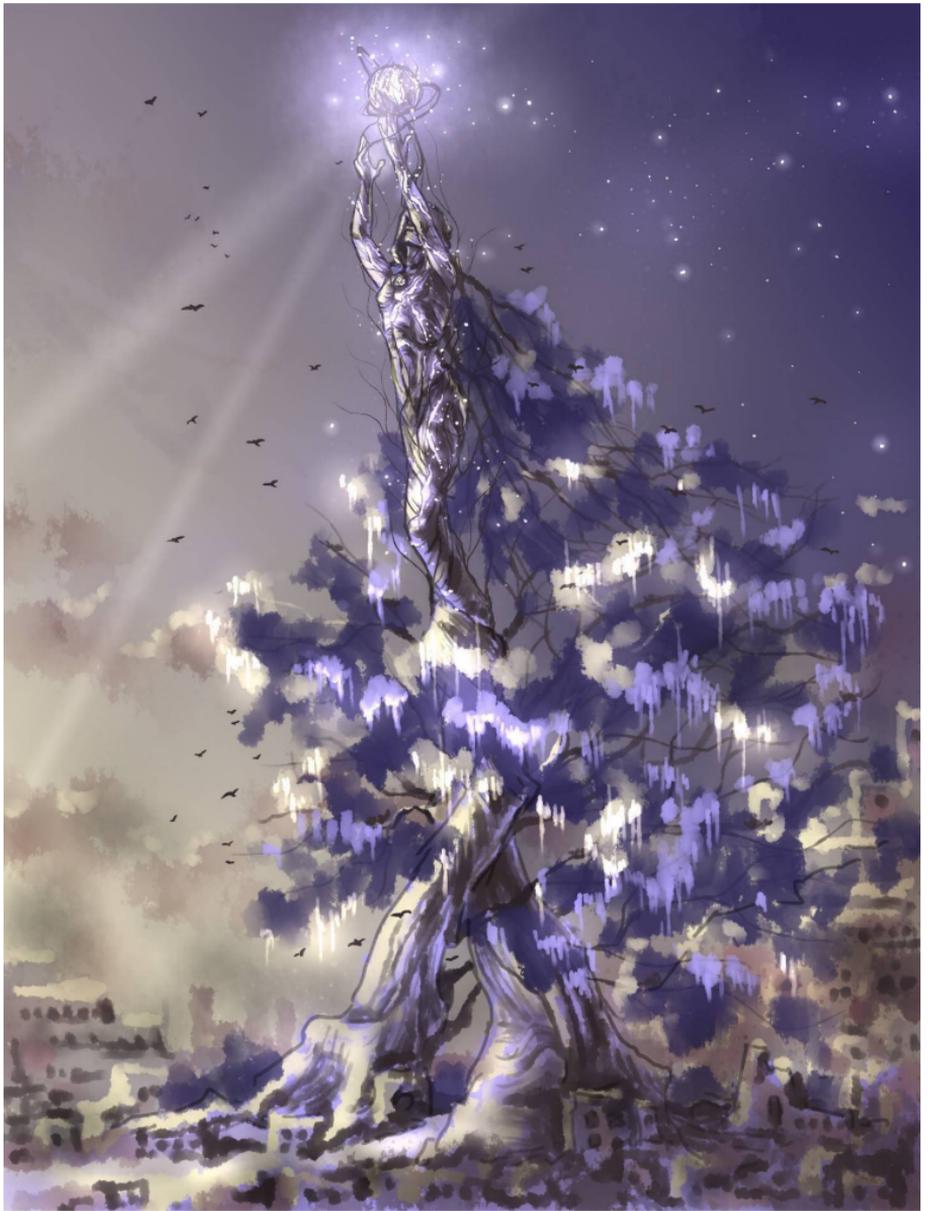
– Это самый впечатляющий памятник, который я видел! – воскликнул Саша при виде высоченной фигуры мужчины.

В основании памятника было два ствола дерева. Выше ветви сплетали тело, руки и голову. Между ветвей были ниши, символизирующие раны, полученные им в ходе сражения. Из них водопадом стекала вода к его ногам. Диосмарс стоял, высоко подняв руки, в которых держал планеты в миниатюре, внутри неё то и дело вспыхивали «светлячки», напоминая о том, что творилось на этой земле. Тысячи

птиц свили гнёзда внутри макета, они кружили вокруг, будто спутники спасённой планеты.

Рядом с памятником была воссоздана композиция разрушений, которые он остановил. Рухнувшие, пылающие дома, из которых необузданная сила буквально вырывала куски. Дымящиеся кратеры в выгоревшей земле, тела и скелеты тех, кому не суждено было пережить то страшное время.

– Непонятно: что в итоге от меня зависело? – поинтересовался Саша, провожая глазами памятник столько, сколько было возможно.

– Ты о чём?

– В ресторане, в Пламени поднебесном», когда я спросил тебя, покажешь ли ты мне этот памятник, ты ответила, что это будет зависеть только от меня.

– Да.

– И что же от меня зависело?

– Шутишь? А кто потащил меня пешком от одной амферы до другой? – Ли-а попыталась уйти от ответа.

Саша не стал продолжать разговор. Он снова окунулся в океан мрачных мыслей. Выудить его оттуда оказалось не под силу ни шуткам Ли-а, ни величию увиденного памятника. Однако во время набора высоты, на очередной башне, Саша неожиданно подскочил и закричал, подбегая к посадочной платформе:

– Подождите! Не сбивайте шток!

– В чём дело? – взволнованно спросила Ли-а, хватая за руку землянина, который уже готов был выпрыгнуть из вагона.

– Им нужна помощь!

– Кому? – недоумевала Ли-а, не понимая, почему она не смогла своевременно «прочитать» его мысли.

– Им! – крикнул Саша, показывая пальцем куда-то вдаль через стекло вагончика.

Ли-а посмотрела в окно. Вдалеке, на границе пустынных областей, где господствовали серые пески, бежали люди, активно подавая знаки. Саша уже выпрыгнул на платформу и

начал спускаться вниз.

– Стой! Здесь небезопасно спускаться!

Саша не обращал внимания. Ли-а на секунду замешкалась, а затем выпрыгнула за ним на платформу. Спустившись вниз, Саша рванул навстречу группе людей, уже узнав в них членов экспедиции. За ними никто не гнался, но в глазах их был такой ужас, будто позади, в нескольких миллиметрах, щёлкал пастью самый ужасный в мире зверь.

Саша даже не помнил их имён, из той группы взбунтовавшихся и попытавшихся сбежать, судя по всему, осталось только четверо. Двое из них – люди Роберта, ещё двое бывшие военные, охранявшие Вениамина. Увидев Сашу, они, набравшись мужества, несколько раз обернулись и перешли на шаг.

– Что произошло? Где остальные? – стал забрасывать Саша вопросами подходивших землян, но те, едва дыша, прошли мимо него и стали запрыгивать на платформу, где их ждала Ли-а.

– Саша, поднимаемся! – крикнула Ли-а.

– А как же остальные?

– Больше никто не придёт, – задыхаясь, ответил один из спасшихся бунтарей.

– Когда нас забрали, мы оказались то ли в больнице, то ли в лаборатории. Всяду был мрамор, столы, яркий свет и странное оборудование. И хоть мы всё ещё были немного

пьяными. Но я точно помню, что нам что-то вкололи. Мы пытались сопротивляться, но эти киборги в разы сильнее нас. Затем мы оказались в тёмном пространстве и уже потом в этой пустыне. Нас просто вышвырнули, без воды, еды и каких бы то ни было объяснений. Да, мы, безусловно, сами виноваты, но даже наше неповиновение не было поводом так с нами поступать.

Сначала мы были спокойны. Нас много, мы на свободе, что-нибудь придумаем. Но вскоре двое провалились в песок. Мы пытались их вытащить, но чем активнее мы их выкапывали, тем быстрее их затягивало вниз. И это не зыбучие пески, как на Земле. Они в один миг провалились по грудь, а затем их что-то утаскивало вниз.

– Утаскивало? – не поверил Саша.

– Да. Они так кричали... При этом мы, находясь в нескольких сантиметрах, не проваливались в песок, но даже это не помогло нам их вытащить. Когда они ушли почти с головой, мы стали рыть песок, чтобы они не задохнулись. И тут на глубине около метра мы натываемся на чей-то скелет.

Я никогда не забуду их глаза... Они в этот же миг поняли, что обречены. Что кто-то сожрёт их заживо. Остальные же... Мы до смерти испугались, отпрянули, а потом и вовсе побежали что было сил. Те бедолаги кричали нам вслед. Долго кричали, а когда мы больше не могли бежать и, наконец, оглянулись, позади была только ровная гладь серого песка.

– А где ещё четверо? – спросил Саша.

– Мы не знаем наверняка, но... В общем, едва придя в себя после того, что случилось с ребятами, мы побрели куда глаза глядят в надежде выйти к какому-нибудь городу или дороге, но наткнулись на дьявольщину.

Сначала мы заметили вдалеке какие-то строения. Подумали, деревня какая, или, может, транспортный узел. Прибавили шаг. А это оказались песчаные насыпи. Причём так странно выстроены: по два-три метра длиной, друг за другом, в шахматном порядке. Каждая насыпь с одной стороны с обрывом, издалека смотришь – стена, ещё дальше отходишь – целый посёлок. Мы рты разинули, бродим среди этих «стен». Думаем, что делать? Куда идти? И тут обратили внимание на странный звук. Будто кто-то шило втыкает в картон, да так часто, что звук одного прокола на другой накладывается.

Меня аж встряхнуло. Мы стали головой крутить, искать, откуда звук. И даже сообразить ничего не успели, как тут же одного потеряли. Лежит он, руки раскинул, глаза вытаращил и в небо смотрит. Мы его и по щекам лупили, и трясли, и чего только не делали. Он не реагирует, но живой. И пульс есть, и дыхание.

– И ещё мы заметили странные точки на теле, – перебил другой выживший. – Как будто кто-то его всего исколол. На лице было больше всего отметин.

– Да, точно. Так вот, мы пока пытались его в чувство привести, услышали снова этот звук. Тут уж никто не стал ждать

лиха. Как ломанулись, кто куда. И я даже не буду пытаться объяснить то, что мы дальше увидели. Едва мы побежали, эта тварь перестала прятаться и проявлять осторожность. Бегала между стен, и наши падали. Быстрая эта тварь была, если бы не её стены, наверно никто не ушёл бы.

– Вы выдели эту тварь? Кто это был? – обеспокоено спросил Саша.

– Да, видели. Я не могу сказать, кто это. Ни на одного зверя она не похожа. Я вообще не уверен, что это живое существо, может, робот какой-то.

– Точно, робот! – вторил другой очевидец. – Не бывает у живых такой кожи. Как алюминий. Голова блестела, как алюминий, представляешь? А кроме головы ничего и нет. Одни только иглы.

– Иглы? – переспросил Саша.

– Иглы. Тысячи длиннющих игл. Одни в песок впиваются, другие по сторонам торчат. И при этом они будто и не связаны никак с головой, которая парит над ними, и командует.

– С ума сойти, – воскликнул Саша.

– Короче говоря, ещё троих эта тварь догнала. А мы пока бежали, гнездо её видели, среди этих стен. Там всё этими иглами унизано. И какое-то масло по песку разлито. Я запомнил, где это. Если мы с ребятами соберёмся, то найдём эту тварь и...

– И все погибнете! – перебила рассказчика Ли-а.

Она стала мрачной и тревожной. Саша решил было, что

это из-за пугающего рассказа, но ошибся.

– О, ты смотри! Она ещё рот раскрывает! А не хочешь ответить за смерть наших ребят?

– Давай её высадим. Пусть погуляет по пустыне! – поддержал другой спасённый.

– Эй, полегче, мы, вообще-то, вам жизнь спасли. Могли ведь и мимо проехать, – заступился за девушку Саша.

– Не было бы необходимости никого спасать, если бы её сородичи не бросили нас на растерзание зверюге.

– Насколько мне известно, вы сами отчаянно рвались на свободу. Свободу и получили, – дерзко ответила Ли-а.

– Получили. Сейчас ты тоже получишь! – крикнул один из землян и двинулся в сторону Ли-а, которая, предвидя такой расклад, уже покрывалась чёрным «панцирем».

Саша, поняв, к чему всё идёт, перегородил путь мужчинам и попытался их успокоить:

– Во-первых, это женщина. Опомнитесь! Во-вторых, не она лично отравила вас. А, в-третьих, вспомните, почему это произошло! Вы наступаете на одни и те же грабли! Бунтарские выходки будут дорого вам стоить!

– Саша, уйди с дороги! – сквозь зубы прошипел один из землян, не спуская глаз с чёрного «панциря».

– Не уйду.

Ли-а попыталась остановить Сашу, но не успела. Завязалась короткая неравная борьба. Сашу сначала пытались просто оттолкнуть в сторону, но он изо всех сил сопротивлялся,

и в ход пошли кулаки. Но и это не остановило самоотверженного парня, он до последнего сдерживал натиск разъярённых мужчин, пока не пропустил плотный удар, отправивший его во тьму.

Очередной раз краснея, словно робкий юноша, Михай выуживал интересующие его факты из жизни Анны. Ввиду последних откровений, коим поспособствовал Ивраоскар, смущение давало о себе знать ещё сильнее. Однако понимание того, что его мысли уже известны, и попытка скрыть их уничтожит и без того подмоченную репутацию непоколебимого разведчика, он всё-таки начал диалог:

– Как долго ты в таком состоянии?

– Я давно потеряла счёт. Если в ваших годах, то родилась я примерно две тысячи лет назад и примерно семьсот лет назад на здешнем летоисчислении. Я была талантливым ребёнком, к тому же моя юность прошла в эпоху прорыва медицины. Нас в прямом смысле «программировали» быть умными, здоровыми, счастливыми, корректируя наше ДНК. И я стремилась внести свой вклад в процветание нашего общества.

Я мечтала работать в биомедицине. Прошла подготовку в специальном центре. То, образование, которое получала я, сильно отличается от вашего. Мне просто поэтапно загружали всю необходимую информацию, а после, рядом с опытным наставником, я применяла полученные знания на практике.

Это обучение было крайне эффективным и быстрым. При этом каждый на ранних стадиях подготовки понимал, подходит ему то, для чего его готовят, или нет. И при желании мог стереть всё из головы и попробовать себя в чём-то другом.

Моим наставником был доктор Иффридж. Считалось невероятной удачей попасть к нему. Он ещё до внедрения технологий изменения ДНК творил настоящие чудеса. Из-под его ножа совершенно здоровыми вышли тысячи безнадежных пациентов. Он был универсалом и мог справиться с операцией любой сложности. Многие тогда подозревали, что он использует некие «запрещённые» методики, настолько велико было его превосходство над остальными.

– Но ведь вы не могли лгать. Если бы он применял что-то «запрещённое», об этом бы сразу узнали.

– Не факт. Люди с исключительным умом управляли своим сознанием на таком уровне, что сами себя убеждали, что ложь – это истина.

Несмотря на то, что наша продолжительность жизни была в два, а то и в три раза выше вашей, мы работали над решением проблемы стремительного старения. И у нас уже были кое-какие успехи, мы провели несколько успешных опытов, когда неожиданно все наши исследования отозвали.

В полнейшем недоумении мы пытаемся понять, в чём дело? И, как оказалось, в другом кластере под грифом абсолютной секретности успешно завершились испытания по пересадке человеческого сознания в искусственно выращенное

тело. Многолетний труд Иффриджа оказался больше никому не нужен.

Тогда весь мир разделился на два протестующих лагеря. Одни были убеждены, что за переселением будущее, другие, и я в том числе, приверженцы классической смены циклов, категорически осуждали идею вечной жизни.

В конечном счёте, первые взяли верх и всех, кто отказался примириться с этим решением, пытались усмирить принудительно. Все прочие исследования в области медицины более не финансировались, всё свелось к тому, чтобы по максимуму износить одно тело и переселиться в другое.

– Так, ну дальше я знаю. А за что тебя отправили сюда и «оцифровали»?

– Я тайно продолжала работу с доктором Иффриджем. И однажды, когда мы проводили очередной эксперимент с ДНК, доброволец погиб. Скрыть это не удалось, и нам дали «пожизненные». За умышленное убийство и ведение незаконной лженаучной деятельности. Ну, а в дальнейшем численность населения планеты росла экспоненциально и было принято решение «оцифровать» заключённых и переселить сюда.

– А почему они просто не дождались, пока вы умрёте? Как бы это странно ни звучало, но на мой взгляд, это даже гуманнее!

– Так и есть. Но тогда понятие слова «пожизненно» фактически сравнивалось с «бесконечно».

– Удивительная жестокость. Организовать оцифровку тысяч заключённых, обеспечить их серверами и энергией. Одним словом, не пожалеть ни сил, ни средств, чтобы вы мучились целую вечность. И ты ещё нашу цивилизацию критиковала?

– Изначально вы и не должны были узнать правду.

– Но Ивраоскарь разрушил твои планы? – язвительно спросил Михай.

– Нет, их разрушил ты, – с печалью в глазах ответила Анна и растворилась, оставив капитана один на один с невыносимым чувством стыда.

Массимо, Паоло и Лео шли навстречу Иффриджу, то и дело толкая в спину Оливера, на которого больно было смотреть. Казалось, он сдался и наверняка знал, что не выйдет из этой лаборатории живым.

– Что вы тут делаете? – спросил Массимо, демонстративно вращая пистолетом.

– Мы пытались спасти ни в чём не повинных людей, – ответил Иффридж, не дожидаясь каких-либо инструкций от него.

– Это вот этих, что ли? – уточнил старший Моритез описывая рукой громадное хранилище крио-капсул.

– Да, – смело ответил Иффридж, положив руку на отобранный у Хорлео пистолет.

– А чего их спасать? Они на это пошли добровольно! У меня даже бумаги соответствующие есть.

– Как вы смогли обмануть меня? – едва держа себя в руках, процедил Иффридж.

– О том, о чём следует молчать, лучше и не думать вовсе. Вот моё правило. Не знаю, как, но ты явно понимаешь людей без слов. А немой слишком много знает. Поэтому кто-то из вас останется тут навсегда. Я сегодня в отличном настроении, так что решайте сами.

– Эй, Ральф! – окликнул Массимо своего наёмника. – Дружище, ты сделал своё дело, можешь идти.

Ральф, провожаемый округлёнными взглядами Иффриджа и Оливера, с невозмутимым лицом поплёлся прочь. Хорлео отправился за ним, едва братья пригрозили ему свинцовой «премией» после его долгих и нудных жалоб на испытанные страдания и полученные повреждения.

В этот момент неожиданно очнулся профессор Лейкрикс. Габино, сидевший всё время возле его тела и старавшийся не светиться, вздрогнул, напомнив о своём присутствии братьям. Профессор застонал.

– Что, чёрт возьми, произошло?! – воскликнул он и тут же пожалел об этом: каждый звук отражался нестерпимой болью в его голове.

– Вот эти двое, – Массимо указал на Оливера и Иффриджа, – одурачили тебя. А наш старый знакомый Габино, судя по всему, им помог. Не так ли?

– Я, я... У меня не было выбора! Я слишком стар. Они физически сильнее меня.

– А в лабораторию ты их зачем провёл?

– Профессору нужна была помощь! Я сделал ему инъекции ноотропного и антигипоксического препаратов. Иначе он бы погиб! И, как вы можете наблюдать, это сработало.

– Старик, не морочь мне голову, – ответил Массимо, целясь в сторожа.

Иффридж принялся активно уговаривать главаря банды не нажимать на курок, а Оливер, зажмурил глаза то ли от страха, то ли понимая, как он, обещавший защиту, подвёл старика. Прозвучал выстрел. На лице Массимо растянулась ехидная улыбка, а Лео и Паоло громко засмеялись за его спиной.

– Расслабься, Габино! Я же не зверь, чтобы расстреливать стариков.

Габино на тот момент практически был мёртв. От страха он потерял дар речи и то, что пуля была отправлена в молоко, до него дошло не сразу.

– И всё-таки отсюда ты не выйдешь, – стерев улыбку, добавил старший из братьев. – Выбирай местечко поуютнее.

– Я, я понял, хорошо, хорошо, – причитал старик, похоже, так и не придя в себя.

– Профессор, займись им, – скомандовал Массимо.

– Я не могу, я еле на ногах стою. Голова... Послушай, может, пойдём отсюда, на воздух. А? Пойдём отсю... – на полу-

слове профессор рухнул навзничь и забился в конвульсиях.

– Что с ним? Что ты ему вколол? Габино! – наперебой закричали братья.

– Может, побочный эффект? – застонал старик.

В этот момент Иффридж и Оливер обменялись парочкой мыслей и сошлись на том, что именно сейчас у них появился единственный шанс изменить расклад. Воспользовавшись тем, что всё внимание братьев было приковано к корчащемуся профессору, Иффридж выхватил пистолет и дважды выстрелил. Оливер в этот момент попытался обезвредить Массимо, но тот увернулся и попытался выстрелить в ответ. Немой навалился на него, пытаясь сбить бандита с ног. На удивление, старший из братьев оказался невероятно силен.

Иффридж, подстреливший двух других братьев, стоял в смятении, он целился в Массимо, но не решался стрелять, боясь попасть в него. Ему почему-то не пришло в голову вступить в рукопашную борьбу, и Оливеру пришлось пойти на риск. Он убрал одну руку, чтобы как следует замахнуться и ударить Массимо, и поплатился за это.

Быстрая, натренированная кисть взметнулась, курок был спущен. За выстрелом последовал тяжелейший удар. Массимо рухнул, как сноп, а Оливер закричал из-за резкой боли в простреленном боку.

– Дай, я посмотрю, – кинулся к нему Иффридж.

– Не сейчас. Помоги профессору. Брата. Мне нужно найти брата.

Оливер, зашагал к крио-капсулам медленным, но твёрдым шагом, будто не замечая тёмно-красную струю, стекающую на бедро. Иффридж несколько мгновений смотрел ему вслед, надеясь уловить его мысли, пытаясь удостовериться, что он, действительно, способен это пережить, но в его голове был лишь хор, кричащий в унисон имя его младшего брата.

Лейкрикс так и не приходил в себя. Иффридж и Габино сделали всё, чтобы спасти профессора, но, похоже, сегодня был не его день. От удара, судя по всему, у него началось кровоизлияние, требовалась краниотомия, а Иффридж не делал операций уже сотню лет. К тому же в здешних условиях это было невозможно.

– Надо его заморозить, – предложил Габино.

– Не лучшая идея.

– А какие варианты? Так, по крайней мере, останется малюсенький шанс, что он выживет. Точнее, он наверняка выживет, но вот только продолжит ли жить – вопрос.

Как бы этого ни хотелось Иффриджу, но ситуация заставила его согласиться с Габино. Крионика – единственный шанс не дать умереть Лейкриксу прямо сейчас. Пока профессора готовили к долгому, но не совсем здоровому сну, Оливер обошёл несколько сотен капсул. В конце концов, поняв, что на поиски может уйти слишком много времени, он вернулся и стал яростно «выбивать» информацию из братьев. Иффриджу даже не пришлось переводить его мычание.

– Я клянусь, проклятый калека! Клянусь, не знаю я, где твой брат!

– Отпусти! Придурок! – вновь прозвучало в ответ на озверелое мычание Оливера.

– Прекрати! – вмешался Иффридж. – Ты же знаешь, что это правда.

– Однажды они уже нас обманули! – «возразил» немой.

– Эй! Немой, как тебя там? Когда твой брат пропал? – обратился к Оливеру Габино.

– Почти три месяца назад, – ответил за него Иффридж.

– Тогда иди в соседний зал, здесь все «свежие», – сторожа передёрнуло от собственных слов. Он выдержал неприятную паузу и продолжил с дрожью в голосе: – Им всем не больше месяца.

– Откуда ты знаешь?

– Сторож – очень скучная профессия. Выходи, как мы шли, и поворачивай налево. Или соседний сектор, или следующий за ним. Прикидывай так: один день – два ряда.

Оливер с благодарностью посмотрел на Габино, а потом вновь, как ни в чём ни бывало, зашагал между рядами «спящих» тел. Иффридж с тоской провожал его взглядом. Ему было его безумно жаль. Никто вокруг его не любит, а он при этом продолжает безмерно любить.

Возможно, профессору Лекриксу сегодня и впрямь не повезло, но, в конце концов, судьба решила всё-таки ему дать шанс. Габино успешно провёл процедуру крионики, а Ифф-

фридж, вспомнив былые годы, написал на клочке бумаги краткий анамнез и закрепил его под стеклом, рядом с идентификационной панелью.

Затем они связали Паоло и Лео. Привели в чувства Масимо, а затем связали и его. В их головах стала мелькать мысль, что всё может обойтись. Никто больше не пострадает, и вскоре они отсюда уйдут. В тот момент, когда они готовы были поделиться друг с другом этими предположениями, где-то вдалеке, через стену, или, быть может, через две прозвучал безумный, пугающий рёв.

Иффридж бросился на звук. Пока он в страхе отсчитывал дни, которые «спящие» успели скоротать в этой усыпальнице, прозвучал ещё один разрывающий сердце крик. Ещё мгновение, и в проходе между очередными рядами мелькнула фигура немого, стоявшего на коленях перед одной из капсул. Он уткнулся лбом в холодный металл её корпуса и безудержно рыдал. Его тело дрожало от спазмов, корёживших его лицо, а из глаз ручьём текли слёзы.

– Что с тобой? – спросил Иффридж, сев рядом с ним и ласково положив свою руку ему на плечо.

Оливер ничего не ответил. Он едва заметно кивнул на соседнюю капсулу. Иффридж приподнялся и взглянул на панель: «Патриция Виорсо».

– Она жива? Так, а чего ты тогда... – хотел было спросить Иффридж, но осёкся.

Сложившиеся у него в голове фразы всё мгновенно про-

яснили: одна «Бранко Чако» – имя и фамилия его брата, написанная на капсуле, над которой рыдал Оливер. Другая, на залитом кровью немого листе бумаги, на которой крупным шрифтом было указано: «Пробуждать в реанимации. Большая потеря крови. Четыре пулевых ранения».

Глава 13. За гранью

Саша очнулся на уже знакомом матрасе, окружённый невидимой стеной. Голова у него раскалывалась, а челюсть болела так, что он с трудом мог ей шевелить. Аккуратно приподнявшись, Саша сел и осмотрелся по сторонам. Ничего не изменилось. Всё как было в тот самый день, когда они сюда прилетели.

– Может, этого и не было всего? Может, приснилось?

Не понимая, радоваться этой мысли, или страшится, землянин переключил своё внимание на присутствующих. Четверо спасшихся бунтарей мирно спали. Вокруг было разбросано шесть незанятых матрасов.

– Значит, всё-таки было! – он невольно улыбнулся.

– Эй! С возвращением! – шепнул кто-то позади него. Саша обернулся и увидел улыбающегося во весь рот Роберта. – Ты не представляешь, что произошло!

– И что же? – спросил Саша, удивляясь настроению учёного, который всегда отличался излишней хмуростью.

– Прости, я не могу рассказать, но это просто что-то невероятное, если мне удастся задуманное, я стану величайшим учёным на земле!

– Роберт, ты помнишь, тех, что сбежали отсюда? Знаешь, почему вернулось только четверо?

– Да. Они всё рассказали. Это просто кошмар. Но мне это

не грозит! Я тебе потом расскажу.

Саша сделал вид, что ему очень интересно, и погрузился в воспоминания. Амферы, костёр, пляж, музей, троллей...

– Чёрт возьми! – воскликнул он непроизвольно, чем сразу привлёк к себе внимание.

– Что, уже соскучился по своей девке? – кольнул кто-то вдалеке и тут же отовсюду послышался довольный гул.

– Тебе хоть под панцирь-то ей залезть удалось? – крикнул кто-то, здорово подогрев толпу и конкретно задев Сашу, но всё, что он мог, это лишь визгливо крикнуть в ответ:

– Идите к чёрту!

Следующие несколько минут стали для него сущим кошмаром. Обезумевшие от скуки пленники то и дело отпускали ядовитые острые выпады. Сашино терпение стремительно оскудевало, пока, наконец, гнев, пробив тонкую стену самообладания, не вырвался наружу.

Несколько раз он попытался прорваться сквозь «светлячков» чтобы поквитаться с особо болтливыми. Обжегшись несколько раз, он оставил попытки выбраться и стал кричать:

– Откуда в вас столько злобы? Что я вам сделал плохого? Подонки! Вы позор всей нашей цивилизации. Да вся наша цивилизация сплошной позор! Я лучше останусь тут! Пусть меня сожрёт аномалия, или я с ума сойду в этих амферах. Это лучше, чем мирно жить на одной планете с такими ублюдками, как вы.

Саша произвёл фурор. Все, казалось, только и ждали, ко-

гда его нервы не выдержат. Только Роберт и ещё несколько человек, кто не участвовал в травле, стыдливо опустили головы. Эмоциональная речь оборвалась лишь тогда, когда в темноте засветился разрыв и стали появляться знакомые чёрные фигуры людей.

Замолкнув, Саша стал перебегать взглядом с одного человека на другого в поисках знакомого силуэта. Ему безумно хотелось вновь её увидеть, и в то же время было стыдно за свою несдержанность.

Появившиеся люди стали разбредаться по «камерам». Один из них остановился напротив Саши. Лица не было видно, но землянин был уверен, что это Ли-а. Он подошёл так близко, как позволял барьер, и улыбнулся.

– Я уже соскучился, – сказал он с нежностью и любовью в голосе.

Его фраза сработала, словно волшебное заклинание, прогоняя с лица девушки панцирь.

– Как ты узнал, что это я? – улыбаясь, спросила она.

– Не знаю.

– Что случилось? Ты встревожен?

– Уже нет.

Стена из светлячков расступилась перед входящей девушкой и, едва она вошла, засияла в полную мощь, так что Саше пришлось зажмуриться. Не успел он открыть глаза, как почувствовал прикосновение губ Ли-а на своём лице. Он обнял её и что было сил прижал к себе.

– Нашёл, из-за чего расстраиваться! – прошептала она ему на ухо. – Тебе станет легче, если ты узнаешь, чем всё кончилось.

– И чем же?

– Я их отделала! – смеясь, сказала девушка, – Ты только представь, четыре здоровых мужика получили по полной от хрупкой девушки.

– Да, знаю я, какая ты хрупкая!

Ли-а засмеялась и взглянула сияющими глазами в лицо Саши. В этот момент ему казалось, что всё остальное не важно. Плевать, что он непонятно, где, с кем и как далеко за пределом понимания происходящего. Он счастлив, а главное, она счастлива. В этом не было никаких сомнений. Только у счастливого человека могут так сиять глаза.

Однако счастливые мгновения быстро закончились, когда Ли-а неожиданно сделалась серьёзной и вдумчивой. Саша не любил это. «Сейчас будет неприятный разговор», – подумал он.

– Да, ты прав, – подтвердила Ли-а его опасения, прочитав его мысли. – У меня, действительно, плохие новости. Завтра вас отправят обратно.

– Что? Уже? – с тоской в голосе спросил Саша.

– Да. Тебе нужно принять непростое решение.

– Ли-а, – землянин сделал паузу, понимая важность каждой сказанной сейчас фразы. – Ты любишь меня?

– Саша, это твоя жизнь. Не нужно принимать решения

ради кого-то. Люблю, не люблю, какая разница? Если хочешь остаться, я всё устрою, если нет – улетай.

– Здесь мне ничего не нравится, кроме тебя. И если в какой-то момент ты решишь, что нам не по пути, что я буду делать?

– Скажи мне, разве на Земле люди не расстаются? Разве там не угасают чувства?

– На Земле я всегда смогу найти себе место.

– И здесь найдёшь, если захочешь. Я понимаю, тебе кажется здесь всё чужим, поэтому я хочу, чтобы это решение было только твоим.

– Мне нужно ответить прямо сейчас?

– Что за глупости! Ты можешь ответить, когда решишь, хоть во время взлёта станции. Но тогда тебе придётся из неё выпрыгивать!

Лёгкая улыбка промелькнула на лице землянина. Он уже всё решил, и мог ответить сию секунду. Но он боялся признаться в этом даже себе, не говоря о своей возлюбленной, которая уже наверняка всё знала, но продолжала надеяться.

– Прекрати грузиться, слышишь? – она сжала его руку в своей.

Заглянула в его лицо и стала перебегать глазами с одного зрачка на другой, будто решая, какой ей больше нравится. Саша был готов разрыдаться, но держался из последних сил. Ли-а решила немного заболтать его и заодно попытаться примирить его с чужим, неприветливым миром.

– Почему тебя так пугает этот «другой мир»? Что в нём такого, что не поддавалось бы пониманию?

– Всё, – с трудом ответил Саша.

– Но ведь вы сами вышли за рамки привычного вам мира, оказавшись в «другом» мире!

– О чём ты? О телепортации? Это другое. Я уснул, проснулся в другом месте, где почти всё было как на Земле.

– Но ведь не всё. Что, вообще, для тебя другой мир? – неожиданно спросила Ли-а, и, не услышав ответа, продолжила: – Если мир называют «другим» – это означает, что он не имеет никаких материальных, осязаемых нами взаимосвязей с привычным миром, в котором мы родились.

– Так.

– Ты стремился передвигаться пешком, чтобы воспринимать преодолеваемое расстояние привычным образом, не через «другой мир», к которому мы привыкли и который нам стал вторым домом. Но разве ваша «телепортация» – не то же самое? Разве в тот момент, когда ты, уснув в самолёте, приземляешься в другом конце света, ты не оказываешься в другом мире? И в чём отличие наших амфер от вашего метро? Ты спускаешься под землю и появляешься в совершенно другой точке города. Люди так живут годами, даже не зная наверняка, один ли это город или, быть может, они живут и работают в разных мирах?

– К чему ты клонишь?

– Если ты не можешь своими глазами проводить каж-

дый метр проделанного пути, то есть все основания называть пункт назначения другим миром. Или всё-таки всё куда проще, и дело исключительно в привычке?

Саша был шокирован. Ли-а чуть ли не слово в слово описала его давние впечатления, когда он впервые переехал в мегаполис на учёбу. Он, действительно, испытывал дискомфорт от поездок в метро, которые, как ему казалось, вырывали его из реальности, перемещали в пространстве, а взамен отнимали минуты, а иногда и часы его собственной жизни. Он поднимался, глядя на незнакомые огромные строения, и не понимал, где он находится и зачем.

Но слова Ли-а про привычку оказались не менее меткими, они зажгли в его сердце небольшой, тусклый огонёк надежды, что не всё здесь так ужасно. Ведь тогда, во времена его студенчества, он быстро привык и перестал обращать внимания на подземные перемещения. Его жизнь при этом не стала хуже, скорее, наоборот. Возможно и сейчас, это не что иное, как нежелание организма вновь привыкать к чему-то новому.

Ли-а уловила его мысли и решила, что сейчас лучше всего будет оставить его одного, дав возможность ещё раз всё обдумать и взвесить.

– Мне пора идти. Завтра я найду тебя перед стартом станции. Постарайся к этому времени определиться. И помни, твоё решение никак не повлияет на моё отношение к тебе.

Ли-а ушла, оставив Сашу наедине с необходимостью при-

нимать, возможно, труднейшее решение в жизни. Он был не в силах её остановить и только проводил её взглядом, пока за ней не сомкнулись чёрные края разрыва амферы.

На Еве, в бывшем лагере лесорубов, прошёл очередной день, точь-в-точь повторяющий предыдущий. Михей и Анна пропадали где-то в лесу. Фёдор и Степан целыми днями слушали невероятные рассказы Ивраоскаря о его приключениях во времена, когда он был лазутчиком. Тибо всерьёз занялся изготовлением самогона из тростника и уже достиг некоторых успехов в виде мутной забродившей жижи. Марк и Тарас Петрович смастерили нарды и часами напролёт в них играли, периодически прерываясь на походы в лес за провизией. Николай без перерыва занимался исследовательской деятельностью, набрав столько материала, сколько у него не было за всю его научную жизнь.

– Петрович, ты сегодня сам не свой! Четвёртый раз мне проиграл уже! Что с тобой? – поинтересовался Марк, обеспокоенный плохой игровой формой старика и отсутствием малейшего азарта.

– Не выспался, – коротко ответил Тарас Петрович.

– Ещё одну?

– Давай.

Марк принялся шустро расставлять фишки по местам, но, увидев озадаченное лицо своего оппонента, еле-еле восста-

навливающегося расположение на доске, остановился и стал выяснять, в чём дело:

– Петрович, я твой друг, можешь мне всё рассказать. Тебя Фёдор довёл? Давай я его проучу!

– Не смей! Он мне почти как сын. Глупый, инфантильный, но чертовски хороший парень.

– Так что с тобой тогда?

– Так говорю же, не выспался я. Кошмары мучат который день.

– Что за кошмары?

– Да глупости! – отмахнулся старик и начал расставлять фишки. Но Марк продолжал настойчиво глядеть на него, принуждая к откровенной беседе. – Ты играть будешь, нет?

– Нет, пока не расскажешь, что тебя тревожит.

– Послушай, я не думаю, что стоит придавать этому значение.

– Не стоило бы, если бы это так тебя не беспокоило.

– Марк, сейчас вновь начнутся разговоры, что я умом тронулся.

Марк ничего не ответил, но продолжал молча сверлить старика взглядом, пока тот не сдался и не начал рассказывать:

– Я вижу в который раз один и тот же сон. Я иду по пустыне, мне очень жарко, песок нестерпимо жжёт пятки. Хочется пить, но воды с собой не осталось. Куда иду – не знаю. Но чувствую, что очень тороплюсь. А потом, через некото-

рое время, вдалеке Катю начинаю видеть, отчётливо так. Я шаг ускоряю, и она тоже. Бежим друг другу навстречу, но не сближаемся, а отдаляемся! А годы-то своё берут, я задыхаться начинаю, перехожу на шаг, потом и вовсе останавливаюсь. И вижу, как у Катеньки за спиной огромный, во весь горизонт, поднимается огненный диск. Он всё выше и выше, будто Солнце на рассвете, только в сотни раз больше. И я чувствую, как у меня кожа начинает огнём гореть. И Катенька пропадает в этом огне. Понимаешь? Как уголёк чернеет и исчезает. А в конце глухой мощный взрыв меня сбивает с ног и я, лёжа, чувствую, как меня живьём поглощает жар. В этот момент я просыпаюсь с постоянным ощущением, что кто-то находится рядом со мной.

– М-да... – протянул Марк. – Я от такого тоже был бы встревожен. А может, это проделки местных электронных узников?

– Не думаю. Зачем им пытаться свести меня с ума?

– А чьё присутствие ты чувствуешь?

– Не знаю. Но каждый раз после этого сна я не в силах больше заснуть. Такое бывало и раньше, мне какая-то женщина во сне грозила расправой. Только вот тогда их цель была ясна – запугать нас, чтобы мы перестали рубить лес. Что от меня сейчас хотят, мне невдомёк.

– Может, это Анна? – вполголоса спросил Марк, будто полагая, что громкость как-то влияет на способность «читать» мысли.

– Исключено. Она бы не стала так делать. Ей хватило бы смелости просто поговорить со мной.

– О чём секретничаете? – прервал их беседу внезапно появившийся рядом Ивраоскарь.

Марк замолчал и нахмурил лоб. Ему, как и многим, не нравился лингвист. А Тарас Петрович, напротив, изобразил на своём лице улыбку и ответил:

– Да вот, думаем, как решать проблему, которую нам подбросил Великий Правитель.

– Вы её сами себе «подбросили», – ответил Ивраоскарь и ушёл так же стремительно, как и появился мгновением раньше.

– Не нравится он мне, – ещё тише сказал Марк. – Ты уверен, что ему можно доверять? Вся эта сделка. Сомнительно это всё.

– Я ни в чём не уверен. Но даже мысли об этом опасны. Он их в одно мгновение считывает. Сейчас открыто конфликтовать неразумно.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– И не надейся. Ходи!

Почти четыре дня пути, и, наконец, Михей увидел тот самый водопад, о котором ему рассказывала Анна. Он срывается вниз с утёса особой породы. Эти камни имеют множество гладких граней, которые почти не поглощают свет. А из-за того, что по ним протекает водная струя, создавая допол-

нительное преломление, лучи отражаются вверх, разбегаясь против потока миллионами ярких искр.

Это выглядело по-настоящему волшебно. В озере, где вода, не унимаясь, взбивала пену, крохотные частички влаги дружно собирались в разноцветные арки, играя знакомой для землян палитрой. По обеим сторонам водопада всё было усеяно зеленью, в которой суетливо возились, звонкие неугомонные птицы.

Бурный поток, по-видимому, трудившийся не одну сотню лет, проточил в скале огромный жёлоб, над которым нависал массивный камень, державшийся, как показалось капитану, на честном слове. На небе не было ни облачка, стояла тёплая, приятная погода. Михею, с опаской поглядывающему на камень, хотелось сделать что-то безрассудное. Он, не имея богатого опыта общения с женщинами, застрял ещё в школьных годах, когда уровень привлекательности измерялся количеством глупых, но эффектных поступков.

– Красиво! Даже искупаться захотелось! – сказал бывший разведчик.

– А в чём проблема?

– Я ночью в мокром белье околею.

– Так сними, – с дразнящей ухмылкой предложила Анна.

– Что? Нет! – словно мальчишка, засмутился Михей и отвернулся.

Анна не смогла сдержать смех, но быстро подавила его, боясь обидеть Михея.

– Я ничего не увижу, – продолжила она. – У меня нет органов зрения. Кроме нас, тут никого, кто мог бы тебя увидеть и передать мне эту информацию. Ты, главное, сам «туда» не смотри.

– Нет, я, лучше в другой раз, – замылся капитан и поспешил сменить тему. – Слушай, как так вышло? Такая прекрасная, нетронутая планета практически не используется. Неужели это для того, чтобы усугубить ваше забвение?

– Нет. Всё куда прозаичнее. Во-первых, они за годы разгульной жизни растеряли и умственные, и физические кондиции и теперь попросту нас боятся. Ну, а, во-вторых, для них прогулки по лесу и созерцание природы – самое страшное наказание. Тут слишком много всего нужно построить, чтобы жить по привычному сценарию. Там у них уже всё есть, всё налажено.

– Да, лихо вы разворотили станцию, когда вызволяли Петровича! – с улыбкой вспомнил Михай.

– Того требовала ситуация. Не держи на него зла, он славный старик.

– Не называй его так, всё-таки он моложе тебя на две тысячи лет! – рассмеялся капитан.

– Моложе, но при этом мудрее.

– Я надеюсь, он знает, что делает, – задумчиво проговорил землянин и, не выдержав воскликнул: – Зачем он его притащил сюда?

– Отпусти свою злость. Она ничего не изменит, только со-

жрёт тебя изнутри. Мне тоже неприятен Ивраоскарь, признаться, он даже из меня смог вытащить эмоции. Но худшее, что мы можем сделать, это продолжать поддаваться на его уловки.

– О чём вы с ним говорили?

– О многом, – честно ответила Анна, чем одновременно и расстроила, и обрадовала Михея.

– Он обидел тебя?

– Прекрати. Даже если я скажу «да», ты ничего не сможешь ему сделать. И не нужно раздувать из этого драму. Я из-за этого не перестану тебя любить... – Анна осеклась сразу, как только поняла, что стала слишком комфортно себя чувствовать в компании капитана и совсем перестала фильтровать направляемый поток.

– Что ты сказала? – переспросил шокированный Михей.

– Я не перестану тебя любить, – спокойно повторила Анна, будто говорила это ему уже тысячу раз.

– Я тебя тоже, – ответил он.

Ему в этот момент ещё сильнее захотелось нырнуть в воду, чтобы потушить пылающее от стыда лицо. Анне, с виду невозмутимой и равнодушной, дважды хотелось раствориться, но она сдержалась, понимая, что Михею, имеющему полный набор органов чувств, приходится ещё сложнее, а исчезнуть некуда.

– Как такое возможно? – прервал неловкую паузу землянин. – Миллиарды галактик, планет, а мы прилетели именно

сюда. Неужели это случайность? Или всё-таки кто-то подтасовывает карты? Как ты считаешь?

– Я не знаю.

– Вот как? И это несмотря на ваше превосходство в развитии. Печально, значит и нам в ближайшие годы не познать этого.

– Печально? – воскликнула Анна. – Это прекрасно.

– Почему? Что прекрасного в незнании?

– Всё. В незнании весь смысл нашего существования. Если точнее, в борьбе с незнанием. Только благодаря этому жизнь имеет смысл. Мы существуем и развиваемся, пока Вселенная подбрасывает нам новые загадки.

– Звучит парадоксально.

– Это только так кажется. Представь, что ты знаешь всё на свете. Чем бы ты занимался? Что бы заставляло тебя испытать новые эмоции?

– Да что угодно. Посмотрел бы футбольный матч.

– Ещё до того, как я стала такой, профессор Демпфинур доказал теорию квантовых сценариев, согласно которой будущее можно предсказать с достаточно высокой вероятностью. Нужен либо сверхмощный компьютер, который до сих пор не изобретён, либо, как в твоём случае, нужно быть всезнающим.

– Что за бред?

– Это не бред, это реально существующая научная работа. Всё происходящее можно предсказать, зная необходимые

параметры окружающих нас частиц.

– Ну, я бы точно нашёл бы себе развлечение, – стоял на своём Михей.

– Нет. Ты жил бы в абсолютной экзистенциальной пустоте, будто читая одну и ту же книгу, или каждый раз заново проживая один и тот же день. Ничего нового. Ничего. Понимаешь? Даже будущее тебе было бы знакомо.

– Звучит как фатализм. Я не хочу в это верить, – расстроился капитан.

– Вовсе нет. Мы принимаем активное участие в плетении тонких нитей вселенского кружева. На этот счёт тоже существует множество теорий, версий и домыслов. Некоторые даже доказаны, но исключительно на бумаге. Какие-то совсем абсурдные, а какие-то даже романтически-фантастические.

– Например?

– Считается, что Вселенная бесконечна, имея в виду её размеры. Но есть теория, подразумевающая её бесконечность и в количественном смысле, – сказала Анна, и, увидев реакцию капитана, попыталась объяснить: – Вот, например, ты и я. Мы стоим под утёсом, наверху камень, который тебя так пугает. Ты смотришь и думаешь: надо уходить, камень вот-вот рухнет. А я в это время верю, что всё будет хорошо, и мы сможем прийти сюда завтра. В этот самый момент Вселенная для нас разделяется. В твоей – камень срывается вниз и расплющивает нас, то есть тебя. А в моей мы продолжаем приходить сюда и верить, что всё будет хорошо.

- Выходит, есть вероятность, что существуют другие, более расплющенные версии меня?
- Бесконечно много версий тебя и меня и всего вокруг.
- Какой кошмар.
- Зато, так как таких вселенных бесконечное множество, шанс, что в одной из них мы будем вместе, стремится к ста процентам.

Михей не ответил. Лишь задумчиво хмыкнул и с недоверием посмотрел на камень.

- Всё будет хорошо! – сказал он с улыбкой.
- Непременно! – поддержала его Анна. – Пойдём обратно!
- Да, пойдём. Только сначала я всё-таки окунусь в это чудесное озеро.

– Мы в тот день, как обычно, пошли с Бранко к продовольственному пункту, развёрнутому рядом со школой, в надежде получить хоть какую-то провизию в обмен на сертификаты. Очередь была огромная, сотни две, если не больше. Мы понимали, что это надолго. Заняли очередь, и хотели уже было уходить, но тут мы заметили, что вдоль очереди быстро продвигаются какие-то люди с папкой бумаг. Они собирали с людей какие-то подписи, забирали сертификаты и шли дальше. Народ доверчиво всё подписывал и продолжал стоять в очереди.

Никому и в голову не пришло, что нас могут вот так об-

манывать. Я чисто интуитивно решила взглянуть на бумаги. Они мне показались странными: слишком много подписей, и всего-то за мешок муки и маиса? Я начала требовать возможности ознакомиться подробнее с документами. Мне отказали. Тогда я сказала, что ничего подписывать не буду. И Бранко сказала не подписывать. Мне стали угрожать, говорить, что я впустую отнимаю у них время, а я с каждым их словом убеждалась, что что-то тут не так.

В конце концов, меня попытались вышвырнуть из очереди, а Бранко – он долго терпел, пытался успокоить их и меня. Предлагал уйти... Я не послушала, сказала, что без еды отсюда не уйду, – голос Патриции сорвался.

Она погладила рукой стекло, под которым лежало бледное тело её спасителя.

– Он заступился за меня, схватил одного из них, кричал, чтобы они убрали от меня руки. Тогда они стали вышвыривать его. А он стойкий был... – девушка снова не выдержала, несколько раз всхлипнула, смахнула слёзы и попыталась продолжить.

– Когда они поняли, что с Бранко им не справиться, один из них достал пистолет и выстрелил в воздух. Мы оба подняли руки вверх, а люди вокруг в панике стали разбегаться, несмотря на требования оставаться на местах.

Половина очереди словно растворилась. Видя это, люди, собиравшие подписи, пришли в ярость. Один из них схватил меня за волосы и куда-то потащил. Бранко бросился к нему,

чтобы спасти меня, я... Я даже не видела, как это произошло. Слышала только выстрелы. Сначала один. Потом ещё, потом сразу много...

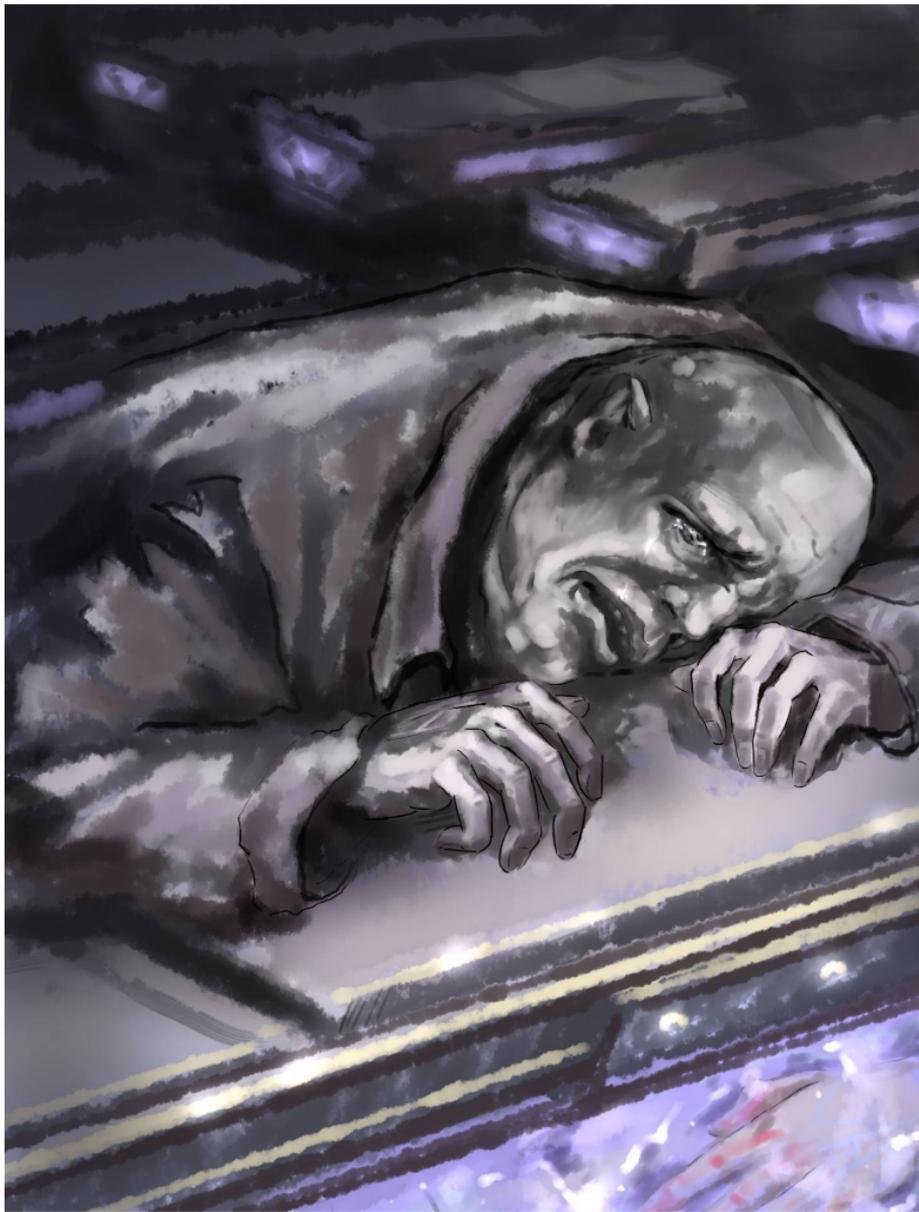
В этот момент Оливер, так и не оторвавший лба от капсулы брата, вновь завыл. У Иффриджа и Габино от этого звука сжалось сердце, а Патриция закрыла лицо ладонями и начала безудержно плакать, время от времени повторяя:

– Это я виновата, я могла это всё остановить!

– Простите, я очень сочувствую, но нам пора убираться отсюда, – сказал Габино, надеясь хоть на секунду вытащить присутствующих из этой бездны скорби.

– Как убираться? – удивилась Патриция, не прекращая рыдать. – Мы должны вытащить отсюда остальных. Давайте всех разбудим!

– Нас всего четверо, Оливер ранен, и я, если честно, не готов брать на себя ответственность за чужую жизнь. Из крионики не всегда просыпаются успешно, – стоял на своём Габино.

– Оливер? Ты ранен? – девушка бросилась его осматривать.

Это привело немого в чувство. Он приподнялся, отмахнулся рукой, подавая сигнал, что он в порядке. Поднял голову и взглянул на Патрицию. В его глазах было море любви и преданности, но она, увидев его раненое лицо, красные от слёз глаза и окровавленную одежду, отпряла от него. Оливер стыдливо опустил голову и отвернулся.

– Я согласен с Габино, нам нужно идти, братьев могут хватиться, и тогда нам не поздоровится, – поддержал сторожа Иффридж.

Когда Оливер услышал о братьях, его будто второй раз подстрелили. Он вздрогнул, поднял голову и, что-то промычав, зашагал к месту их пленения. Все тут же сообразили, что к чему, и отправились за ним.

Ни Иффридж, ни Габино не могли его остановить. Он отшвыривал их с такой лёгкостью, будто они надоедливые мухи, мешающие послеобеденному отдыху. Он лупил братьев Моритез своими огромными ручищами так, что страшно было на это смотреть, казалось, что у них попросту нет шансов выжить. Остановить этот акт возмездия смогла лишь Патриция. В какой-то момент её девичья психика не выдержала, и она завизжала:

– Хватит! Оливер, я прошу тебя! Хватит! Ты не такой. Не трогай их. Ради меня.

Оливер посмотрел на свою возлюбленную. Через мгновение из его рук выскользнуло тело едва живого Массимо. Патриция бросилась к нему, чтобы убедиться, что он жив. Она нежно приподняла его голову и погладила по волосам. Немой, будто парализованный, провожал глазами каждое её движение, и с каждой секундой его лицо всё сильнее превращалось в олицетворение тоски и отчаяния. Он впился в неё вопрошающим взглядом, «Почему?» В очередной раз никому ничего не нужно было переводить.

– Я люблю его, – холодно сказала Патриция, прижимая к груди тело Массимо.

Этот выстрел оказался намного болезненнее. Оливер выпрямился, закинул голову вверх и громко втянул воздух. Ярость и адреналин отступили. Вернулась скорбь и тоска. Он попятился, не находя ничего, на что можно было бы опереться, пока, наконец, его плечо не наткнулось на стену, по которой немой сполз и застыл в неестественной позе.

Иффридж не мог на всё это смотреть. Он не понимал, почему жизнь так несправедливо лишила Оливера всего, что он заслуживает. Ему хотелось поскорее с этим покончить.

– Прости, Патриция, но мы не можем их отпустить.

– Я знаю. Вы их убьёте?

Иффридж подошёл к братьям с пистолетом в руке. В сознании был только Массимо. Присев к нему на корточки, глядя прямо в глаза он, едва сдерживая злобу, ответил:

– Ну, ты что, мы же не звери!

– Нет. Чёрта с два! Лучше пристрелите. Я не собираюсь лежать в морозилке, словно кусок мяса, – захрипел Массимо.

– У тебя нет выбора. Мне вот только одно интересно. Зачем ты всё это устроил? Ты ведь мог пришить нас ещё тогда, в том подвале.

– Не хотелось руки марать, – словно цепной пёс, зажатый в угол, рычал Массимо.

Он уже наверняка ничего не видел, Оливер здорово поработал над ним глаза затекли, губы были в крови, на скулах наливались гематомы. А судя по тому, с каким трудом он дышал, у него было сломано несколько рёбер.

– К тому же какой от вас прок, от мёртвых? А за моренных мне бы полагалась небольшая премия, – закончил свою мысль Массимо.

– Кто тебе за это платит?

– Это задание сверху. Там такие люди замешаны. Вы попали, ребята... – сказал он и закашлялся.

– Неужели тебя не заботят судьбы всех этих людей?

– Какая судьба? Нищих, безропотных червей, выпрашивающих мешок муки? Плевал я на них! Деньги не пахнут.

– Не пахнут? – скулы Иффриджа сжались до скрипа зубов. Он не выдержал и схватил Массимо за шиворот, подтащил его к брату и ткнул его в кровавое месиво, оставшееся на месте его лица. – Не пахнут? А? Не пахнут?

На этот раз Патриция не стала вмешиваться. Вмешался Габино.

– Иффридж! Давай кончать с этим! Надо уходить, пока не поздно.

Братья Моритез подверглись крионике. Оливера, совсем опустившего руки, с трудом подняли на ноги. Он смотрел куда-то сквозь землю, ему было абсолютно плевать, что происходит вокруг.

Была глубокая ночь, когда они вышли из школы и сели в старую развалюху Габино. Он согласился довести раненого Оливера до дома. Старуха, как и ожидал Иффридж, была крайне расстроена их возвращением. Немого уложили на лавку, чтобы, наконец, осмотреть ранение, но он снова отказался:

– Оставь! Само заживёт, надо просто полежать.

– Нужно вытащить пулю! – настаивал Иффридж.

– Нет! У тебя есть дело поважнее! Ты мне помог, теперь моя очередь. Вот адрес. Ты легко найдёшь нужный дом. Он очень странного цвета, и на крыше флюгер в форме полумесяца. Поговори с ним. Он ждёт.

– Уже ночь. Куда я пойду?

– Он ждёт тебя!

– Дай, сначала посмотрю. Это быстро!

– Нет. Иди. Оставь меня в покое!

Иффридж, тяжело вздохнув, хотел было отправиться по полученному адресу, как вдруг Оливер крепко схватил его за руку и притянул к себе.

– Спасибо тебе, – промычал он. В тот момент, когда их ру-

ки почти расцепились, он вновь притянул Иффриджа и добавил: – Не слушай своё сердце. Оно у тебя слишком доброе. Поступай так, как мы этого заслуживаем.

– Ты в порядке, дружище? – спросил, недоумевая, Иффридж.

– В полном, – соврал Оливер.

Выйдя на улицу, Иффридж наткнулся на Патрицию, ожидающую его неподалёку от дома.

– Как он? – спросила она. – Я себе места не нахожу после всего, что случилось!

– Остайся с ним. Я за него переживаю.

– Я... я не могу.

– Только сегодня. Я не прошу остаться с ним навсегда. Только сегодня.

– Я не могу, правда. Прости.

– Передо мной точно не стоит извиняться.

– Спасибо, что спас меня! – добавила девушка.

– Я? В том доме сейчас лежит человек с пулей в животе, который собрал информацию, всё организовал и не дал никому погибнуть. А ты благодаришь меня? Хотя чего я удивляюсь, нормальный человек не будет любить подонка.

У Патриции накатывали слёзы, и Иффридж поспешил сбавить градус беседы:

– Прошу тебя, если Оливер тебе хоть чуточку дорог, и в качестве благодарности, проследи за ним. Одну ночь. Если вдруг ему станет хуже. Поднимется температура или он нач-

нёт бредить – сразу найди меня. Я пойду к какому-то астро-навту с полумесяцем на крыше. Знаешь, где это?

– Да, – ответила Патриция, с трудом справляясь с желанием разреветься.

– Я буду там. Постараюсь вернуться как можно раньше. Девушка закивала головой.

– Вот и славно. Ступай.

Патриция неуверенно направилась в сторону дома Оливера. Иффридж решил не терять ни минуты, несмотря на дикую усталость, он отправился на поиски дома странного цвета.

По пути он долго прокручивал в голове слова, сказанные Оливером.

– С ума сойти! – воскликнул Иффридж, когда, наконец, понял, что он имел в виду.

Невероятно пронизательный Оливер всё знал о задании, о потребности пожертвовать репродуктивными телами, несмотря на то, что Иффридж старался не думать об этом. Более того, в голове Иффриджа неоднократно мелькали мысли, которые он сам старался не обдумывать. И откладывал их анализ на потом, понимая, насколько он труден и неприятен.

«Удивительный человек!» – не переставал удивляться Иффридж Оливеру, который уловил эти едва заметные импульсы. Он почувствовал этот росток сомнения, созревающий в сознании Иффриджа с каждым днём, проведённым

на Земле. «К чёрту задание». Иффридж теперь впустил эту мысль и больше не боялся её, собираясь всё обдумать по дороге к астроному.

Глава 14. Муки выбора

Станция гудела, прогревая двигатели. Повсюду суетились люди в чёрных панцирях. Всех землян, кроме Саши, вели к кораблю связанными, с мыслью освободить только внутри, чтобы быть уверенными, что все улетели.

Саша стоял поодаль от основного входа станции и держал за руку Ли-а. В его голове мелькала только одна мысль: «Я снова это делаю». Девушка прекрасно понимала, что имеет в виду её возлюбленный. Её очень ранили эти мысли, и хотя он ещё не озвучил своё решение, оно было абсолютно очевидным.

Внезапно за их спиной раздался крик:

– Пустите меня! Я ничего не сделал!

Они обернулись, и увидели, как два чёрных силуэта тащат под руки извивающееся тело Роберта.

– Что случилось? – спросила Ли-а.

– Он пытается что-то скрыть от нас, – рапортовал один из тех, кто вёл землянина.

– А ну-ка, посмотри мне в глаза, – сказала Ли-а, и, схватив Роберта за подбородок, уставилась в него, будто заглядывая сквозь его глаза в самый мозг. – Как мило, ты мне стихи рассказываешь! Принесите двойную дозу нейропередрона, побыстрее. Сейчас ты быстро все стихи забудешь, – девушка специально командовала понятным для землян язы-

ком, чтобы надавить на учёного психологически.

– Что происходит? – спросил Саша, пребывая в некотором недоумении от поведения Ли-а. – Что вы собираетесь ему вколоть?

– Ерунда, это безвредно, препарат просто замедляет мыслительные процессы, и он не сможет нас одурачить. Можно было бы и без этого обойтись. Долго он всё равно не сможет сохранять концентрацию, но у нас нет времени играть с ним.

– Постой. Не нужно ему ничего вкалывать. Дай мне поговорить с ним!

– Он отнюдь не дурак и не станет тебе ничего рассказывать, так как в этом случае наши шансы узнать, что он скрывает, удвоятся.

– Ты и меня будешь пытаться? – обиженно спросил Саша.

– С тобой можно обойтись без инъекций. Достаточно только поцеловать! – улыбаясь, ответила Ли-а.

Саша вновь узнал в ней ту прекрасную девушку, в которую он влюбился. Добрую, романтичную, улыбчивую.

– Дай мне пять минут. Только обещай, что мы будем наедине.

– Ладно. Хорошо, – согласилась Ли-а, подала уже возвращающимся с инъектором чёрным людям какой-то знак, и они стали быстро удаляться, оставив Роберта с Сашей одних.

– Что происходит? – Саша сразу принялся расспрашивать Роберта.

– Ничего.

– Послушай! Они всё равно узнают правду. Лучше тебе во всем признаться мне.

– Чем лучше? Шприц сэкономим? Пусть вводят что нужно, мне всё равно крышка, а так хоть навеселе помру.

– Никто не будет тебя убивать. Если ты всё мне расскажешь, я попробую решить проблему. Если ты что-то спёр или какую-то глупость сотворил, просто признайся, а я всё улажу.

– А если не глупость?!

– Роберт! Рассказывай, – наседали Саша. – Что бы это ни было. Я смогу попросить Ли-а смягчить наказание, если ты сам мне признаешься.

– На чьей ты, вообще, стороне? На нашей? Или уже к ним переметнулся?

– В данный момент – на твоей, – спокойно ответил Саша.

– Ладно. Только пообещай, что замолвишь за меня словечко, – взмолился Роберт. – Я не виноват. У меня и выбора-то не было, понимаешь? Слава великого учёного или смерть в пустыне с монстрами – разве это выбор?

– Расскажи нормально, что произошло?

– Когда тебя не было, к нам явились два человека. Из этих, которые в чёрных панцирях, только не в чёрных. Один был в маске и накидке, а другой скрывал лицо под тёмно-серой «броней». Имён они тоже не назвали. Они вошли ко мне в «камеру» и предложили сделку. Я помогаю им проникнуть на станцию, а они за это подарят мне уникальное оборудова-

ние для модификаций человеческого организма! А в случае отказа меня обещали выкинуть одного посреди пустыни.

– А как ты, будучи пленённым, мог им помочь?

– Я сам был удивлён. Смешно вспоминать. Они велели мне закрыть глаза и представлять, будто я иду по станции.

– Понятно. Они просто использовали тебя, чтобы изучить станцию изнутри. Не переживай. Ничего с тобой не сделают, – Саша успокоил Роберта и жестом подозвал Ли-а, которая не сводила с них глаз.

– Я же тебе говорил! Не нужно никому ничего колоть! – сказал Саша подошедшей девушке. – На станцию планировали проникнуть ваши люди. Кто-то в маске и второй, как вот эти, – Саша кивнул в сторону спящих возле станции стражей, – только в сером панцире. Они запугали его и заставили вспоминать внутреннее устройство станции. Он ни в чём не виноват.

Ли-а переглянулась с двумя стражами, что тащили Роберта. Они подошли и повели его на станцию. Роберт, оборачиваясь, крикнул:

– Саша, спасибо!

Станцию обыскали, но никого не нашли. Похоже, те, кто планировал проникнуть на корабль, узнали, что их замысел раскрыт. После того, как закончились все приготовления, а люди на станции были несколько раз пересчитаны, прозвучала команда готовиться к старту.

Ли-а и Саша смотрели на громадину, которая готовилась

в очередной раз сорваться с места. Она крепко сжимала его руку. Шлюз до сих пор был открыт. Ли-а тянула время, зная, чем всё это должно закончиться.

Невыносимое молчание прервал Саша, который, не отрывая пристального взгляда от станции и не питая особых надежд, спросил:

– Полетели со мной?

– «Ты снова это делаешь», – Ли-а попыталась улыбнуться сквозь накатывающиеся слёзы.

– М-да... – вздохнул Саша и повернулся к девушке.

Она уже готова была разрыдаться, но он быстро поцеловал её и обнял. Через несколько мгновений их руки расцепились, и он неуверенным шагом, умоляя себя не оборачиваться, пошёл к станции.

Дом астронавта и впрямь было нетрудно найти. Едва Иффридж добрался до нужного переулка, ему первым делом бросился в глаза узкий, но достаточно высокий дом, покрашенный люминофором. Он выглядел, как дом волшебника из сказочных рассказов: странная, слегка вычурная форма крыши, высокое крыльцо и светящаяся краска. Иффридж, убедившись, что на крыше вместо флюгера полумесяц, постучал в дверь. Из дома послышался громкий голос:

– Входи! Я ждал тебя!

Он осторожно открыл дверь. Ни прихожей, ни коридора.

Весь дом состоял из одной комнаты и крошечной уборной. В центре комнаты стоял огромный квадратный стол, занимающий чуть ли не всю площадь. На столе была развёрнута карта звёздного неба и какие-то непонятные чертежи. По периметру комнаты также стояли столы, но узкие, служащие в качестве места хранения различных приборов.

В комнате никого не было. Иффридж с любопытством осматривал окружавшую его обстановку, пока неожиданный голос не испугал его:

– Только не трогай карту! Ты всё испортишь! – донеслось откуда-то сверху.

От неожиданности он вздрогнул.

Наверху, под самой крышей, в подвешенном на тросах кресле сидел человек, крохотный, очень худой и очень старый. На вид ему было лет восемьдесят. Он то и дело что-то крутил, ловко управляя креслом, смотрел в телескопы, коих под потолком было с десятков, и что-то конспектировал.

– Жаркая ночка! – сказал он, спустившись, наконец, вниз и пожимая руку Иффриджу. – Я профессор Айало Вега. И у меня есть для тебя отличная новость!

– Я Иффридж. Что за новость? И почему она не могла подождать до завтра?

– Потому что как раз завтра ты должен будешь выступить на международной конференции «Космос наш будущий дом». Конечно, никакого доклада от тебя я не требую. Доклад на мне. Ты просто расскажи о своём приключении. Как проводил опыты над людьми, как однажды на твоём столе произошла трагедия, как прозябал целую вечность в цифровой тюрьме. Уф! Дух захватывает!

– Откуда ты знаешь?

– У меня свои секреты.

– Поделитесь? – с недоверием спросил Иффридж.

– Пожалуй, нет!

Иффридж попытался «прочитать» мысли астронавта, но не смог. Либо учёный хранил в голове абсолютный вакуум, словно в открытом космосе, либо мастерски контролировал свои мысли.

– Не могли бы мы перейти к делу? Мне нужно как можно скорее вернуться к Оливеру, – сказал Иффридж, раздосадованный своей неудачей.

– Так я вас надолго и не задержу. Но имейте в виду, завтра утром начало. Вы гвоздь программы. С ума сойти! Человек

с другой планеты в теле землянина! Это невообразимо!

– Господин Айало, к делу!

– Ага. Так вот, завтра я планирую в очередной раз поднять тему опровержения теории гаснущего Солнца, и я рассчитываю на вашу помощь!

– Что? Какая теория? Причём тут я?

– Понимаете, – профессор Айало взял Иффриджа под руку и подвёл к небольшому монитору, висящем на стене, затем вставил в него что-то похожее на накопительный модуль, и на экране воспроизвёлся ролик, демонстрирующий все этапы жизни звёзд. – Меня учили в институте, что звёзды, наподобие Солнца, во-первых, существуют о-о-очень долго, а во-вторых, когда погибают, не остывают, а, наоборот, поджаривают всё вокруг.

– К чему вы мне это рассказываете?

– Кто-то дурит нас! И мне не даёт покоя тот факт, что я не знаю, кто и зачем это делает! Представляете! Не знаю!

– А я-то здесь причём? – повторил недоумевающий Иффридж.

– Там будут официальные лица. Вы сможете озвучить условия, уготованные для нас! Вас много кто услышит. И можете быть уверены, после вас затаскают по кабинетам, вам организуют десятки, а то и сотни встреч с высокопоставленными лицами. Вы, как того от вас и требуют, запустите необратимый процесс, в результате которого вас либо отпустят обратно с ответом «да-нет», либо посадят в тюрьму, а может,

и повесят. Это как повезёт.

– Так, а что из этого рассматривается как помощь вам?

– Ну, во-первых, на фоне вашего рассказа, мой доклад определённо вызовет меньше сомнений. Сыграю, как говорится, на контрасте. А, во-вторых, я планирую понаблюдать за реакцией некоторых личностей на вашу историю.

– Понаблюдать? Вы ради этого меня среди ночи сюда тащили? – Иффридж терял самообладание.

– Не только. Я, хотел бы у вас одолжить кое-что.

– Что?

– Такую маленькую круглую вещицу, вы ещё через неё красную нитку продели и повесили на шею.

– Зачем это вам? – спросил Иффридж, ощутив таинственную таблетку, висящую на груди, о которой он давным-давно забыл.

Это был единственный прибор Великого правителя, которым он так и не воспользовался.

– Я учёный. Это для меня ценнейший экспонат! – ответил Айало, уставившись на грудь Иффриджа. – Что скажете?

Астроном поднял свои маленькие, сияющие хитростью глаза и принялся сверлить ими удивлённое лицо Иффриджа. Он не понимал, кто перед ним стоит. Худой, небритый и нестриженный старик, неопрятно одетый в старую мешковатую рубаху, создавал образ человека, безразлично доживающий свой век. Но его ясный ум и ловкость, с которой он носился по собственному дому-обсерватории – сбивали с тол-

ку.

– Скажу, что слишком мало вас знаю, чтобы предоставлять вам в пользование личные вещи.

– Право ваше! Изволите взглянуть на комету? Через три с половиной минуты она будет от нас на рекордно маленьком расстоянии, – предложил астроном, ничуть не смутившись отказом.

– Простите, я спешу. Я, пожалуй, пойду.

– Слушайте, это некрасиво! Уважьте старика! Каких-то пять минут, – настаивал астроном, пододвигая свой стул к Иффриджу.

– Хорошо, но вы ведь понимаете, что я лишь делаю вид, что мне интересно?

– Ничего. Держитесь крепче. Поднимаю!

Но едва Иффридж положил руки на подлокотники, как его крепко прижало ремнями к креслу. Он попытался вырваться, но ремни не поддались.

– Что ещё за шутки? Оливер сказал, что ты мне поможешь, а не в плен возьмёшь!

– Именно так. Я вас направил на конференцию, разве не помощь? – ответил профессор, пытаясь сорвать «таблетку» с шеи Иффриджа, который изо всех сил отбивался и пытался укусить помешанного астролога.

– А ну, руки убрал! – кричал Иффридж, одновременно пытаясь прочесть мысли астронома.

– Ладно! Ладно, вы сами напросились.

Как показалось, в тот момент профессор Айало прекратил попытки отобрать «таблетку». Но он, поняв, что не в силах справиться даже с прикованным к креслу противником, просто схватил со стеллажа какой-то тяжёлый прибор и поставил ультиматум.

– Либо ты угомонишься, либо я тебя ударю!

– Давай. Сил-то хватит?

Едва рот Иффриджа это промолвил, как резкий удар лишил его сознания. Какое-то время он, сквозь коматоз, чувствовал, как грубая старческая рука залезла к нему за пазуху и забрала «таблетку». Вскоре его мысли оборвались, и он окончательно утонул в глубоком чёрном океане.

В очередной раз Тарас Петрович проснулся среди ночи из-за кошмара. Вновь он бежал навстречу своей внучке, которая сгорала в пламени гигантского диска звезды. Он уже привык к ощущению чьего-то присутствия, но всё равно не мог заснуть. Старик встал прогуляться, чтобы избавиться от последствий кошмара и нагулять сон.

На Еве в этот период было время искрящих ночей. Планета, совершая оборот вокруг «Мамы», входила в небольшое межзвездное облако, в котором было множество молекул тяжёлых металлов. Они, попадая в атмосферу, со временем сгорали, оставляя после себя только короткую, едва заметную вспышку. Но благодаря их количеству, ночное небо

превращалось в целое представление. В нём можно было разглядеть всё, что пожелаешь, стоило только захотеть.

– Невероятно красиво! – «услышал» Тарас Петрович, мгновенно поняв, что фраза оказалась в голове не через уши.

Он испуганно обернулся. Никого рядом не было. Ему стало не по себе, хоть он и привык к такому «общению» и продолжал верить в благие намерения местных жителей.

– Я здесь! – вновь прозвучал голос, но вокруг по-прежнему никого не было.

Ещё несколько раз Тараса Петровича кто-то окликнул, продолжая оставаться невидимым.

– Хватит со мной играть! – не выдержал старик. – Покажись!

– Я пытаюсь, – прозвучало в голове Петровича.

Внезапно на несколько мгновений появился силуэт мужчины, который тут же исчез. Потом вновь появился и опять исчез. Так продолжалось некоторое время, пока, наконец, удивлённый старик не обнаружил перед собой электронную версию Георгия.

– Здрóрово, правда?

– Долго учился? – поинтересовался Петрович, уже давно раздумывавший над возможностью освоить навык общения без слов.

– Да. Но я не для этого здесь. Хочу кое-что тебе рассказать. Я очень часто практиковался в телепатии. Находился рядом с вами, так как ваши мысли поддавались чтению лег-

че. И как-то раз, мне удалось случайно «заглянуть» в мысли Ивраоскаря. Что, вообще, за имя такое?

Тарас Петрович осуждающе посмотрел на образ Георгия, но тот, не обращая внимания, продолжил:

– Ему плевать на твоё задание, ему плевать, спасёмся мы или нет. Он здесь только ради информации о второй планете, на которую полетели наши ребята. Там что-то невероятно ценное для него. Как только они вернутся, он сможет получить всё, что хочет.

– А что он хочет?

– Точно не знаю. Мне известно лишь, что больше всего он ждёт возвращения экипажа станции. Все эти «миссии» лишь повод оказаться здесь. Одним словом, никому неизвестно, что сотворит этот лингвист, когда получит то, что хотел.

– И что ты предлагаешь мне делать? Вывести его на чистую воду всё равно не получится, не убивать же его. Да и, честно говоря, я не очень-то тебе верю. Даже если ты сейчас искренен, нет никакой гарантии, что ты «прочитал» его мысли корректно.

– Мне абсолютно всё равно, веришь ты мне, или нет. И мне плевать, что ты будешь делать, меня сейчас заботят две вещи: возвращение того негодяя, укравшего моё тело, и сохранность серверов, хранящих мою копию.

– С чего ты решил, что серверам что-то угрожает?

– Анна, – образ Георгия дрогнул и исчез на мгновение, прервав его «речь», – Анна уговаривает Михея выключить

серверы в случае, если провалится основной план.

– Это если и произойдёт, то после возвращения твоего тела.

– Я надеюсь, – коротко ответил Георгий.

– А этот странный сон – твоих рук дело?

– Сон? Нет. Я с трудом могу вести с тобой беседу. А взаимодействовать со спящим мозгом в сотни раз труднее, – ответил Георгий и исчез окончательно.

Тарас Петрович ещё долго не мог уснуть. Сон отгоняли мысли о том, что сказал Георгий. Старик и сам не очень-то доверял лингвисту, хотя по своей натуре был человеком доверчивым. К тому же земляне, которым посчастливилось познакомиться с Ивраоскарем, все считали его подозрительным и даже опасным. И вот теперь Георгий.

Справедливо заметить, что кроме бестактности и отвратительной, раздражающей улыбки, лингвист не давал никаких поводов считать его своим врагом. К тому же Георгий, ещё будучи в своём обычном состоянии, был весьма неординарной личностью, и его доводы стоит делить на два. А что касается ребят, они, быть может, просто не привыкли к такому стилю общения, всё-таки люди с разных планет.

Представляя Ивраоскаря злодеем, старик пытался понять, какую цель преследует лингвист. И разве присутствие собственного интереса должно непременно исключать его положительную роль в «делке»? Каждый раз, когда старик допускал мысль о намерении инопланетной цивилизации убить

кого-то из землян, у него тут же возникал вопрос: почему они уже этого не сделали? Была масса возможностей. И у жителей Евы, и у Ивраоскаря.

Под утро Петрович потерял ход рассуждений и задремал, так и не решив для себя, кто же всё-таки такой этот Ивраоскарь: правая рука Великого правителя, отправленная для подстраховки, либо человек, играющий по своим правилам, в свою собственную игру. Вероятнее всего, размышлять на эту тему ему и вовсе больше не придётся, так как этим же утром, весь лагерь проснулся от грохота приземляющейся станции.

Глава 15. Последний шаг

Иффридж пришёл в чувство почти сразу. Айало ещё даже не приступил к изучению интересовавшего его предмета. Он сначала долго крутил его в руках, будто пытаюсь найти потайной механизм, а после стал впихивать его в какой-то прибор, похожий на сломанный тостер.

– Чёрт с ним, с этим прибором! Отпусти меня, мне надо идти! – попытался договориться с астрономом Иффридж.

– Да-да, сейчас, мне нужно буквально пару минут, – непринуждённо ответил учёный, продолжая корпеть над «тостером».

– Я тебе его оставлю. Дай мне уйти.

Астроном ничего не ответил. Из тостера прозвучал долгий пищущий сигнал, затем что-то зашипело и затрещало. Через мгновение учёный вынул «таблетку» и подошёл к Иффриджу. В это же время кресельные ремни ослабли.

– Знаете, что это? – спросил астроном Иффриджа, отдавая ему таинственный предмет.

Его лицо вдруг стало пугающе серьёзным, а старческая инфантильность исчезла без следа.

– Понятия не имею. Ещё не довелось этим воспользоваться, – ответил Иффридж, удивлённый таким скорым освобождением и переменами на лице астронома.

– О, вы этим пользуетесь с самого первого мгновения, как

взяли его в руки. Это нейро-рекордер. Всё, что видите, слышите и чувствуете вы, видит, слышит и чувствует он. Это односторонняя версия, способная только вести запись и передачу событий в один конец. Это значит, что всё, что тут происходит, в ту же секунду узнаёт владелец «ответки» – точно такой же круглой безделушки, висящей на чьей-то шее.

– А бывают другие?

– Да. Бывают и те, которые не только записывают сигнал, но и воспроизводят. Это как терминал: ты диктуешь команду в «ответку», та передаёт её на «нейро-рекордер», который, в свою очередь, безжалостно принуждает своего владельца выполнить команду.

– Откуда ты это знаешь? – спросил шокированный Иффридж.

– У меня свои секреты, – вновь ушёл от ответа астроном и, став ещё мрачнее, продолжил: – Я выключил его на несколько часов. Дальше решение за вами. Вы можете дальше им пользоваться, если захотите. Но советую хорошенько подумать, уверены ли вы в благих намерениях того, кто вам это дал?

– Какие могут быть последствия?

– Какие угодно. Эти люди всюду суют свой нос, понимаете? Всюду. От них нет спасения.

– Вы знаете Великого Правителя? – Иффридж снова перешёл на «Вы», забыв о наглой выходке астронома.

Астроном ничего не ответил, к этому моменту из «тосте-

ра» выползла лента с какими-то загадочными наблюдениями, записанными на непонятном для Иффриджа языке. Астроном поверхностно взглянул на ленту, нахмутив брови, а затем обратился к своему гостю:

– Вам знаком господин Ивраоскарь?

– Да, – ответил Иффридж, шок которого усиливался с каждым мгновением.

– Ему принадлежит «ответка». Именно он получает всю ту информацию, которую получаете вы.

– С ума сойти! – Иффридж задумчиво потёр лоб, увенчанный свежей ссадиной.

– Завтра, то есть уже сегодня утром, в десять часов, я буду ждать вас рядом с дворцом независимости. Там уже готовят сцену и трибуны. Если не придёте, на мою помощь можете больше не рассчитывать.

– Хорошо. Я могу идти?

– Разве я вас задерживаю? – удивлённо воскликнул Айяло. – Только вот, будь я на вашем месте, не возвращался бы к Оливеру. Вы уже опоздали.

– Что? Что вы имеете в виду?

– Я же прочитал всё, что с вами происходило благодаря нейро-рекордеру. Произошедшее ему не пережить. И я говорю не о пуле в его печени. Понимаете?

Иффридж несколько секунд пристально смотрел в глаза астроному ничего не отвечая, а затем как ошпаренный вскопчил и со всех ног понёсся прочь из его дома.

К тому моменту, как Тарас Петрович сообразил, что произошло, и прибежал в лагерь, часть экипажа уже высадились под радостные приветствия оставшихся на Еве людей. Фёдор, Степан и Марк оживлённо рассказывали им о том, каким захватывающим и разнообразным оказался местный животный мир. Тибо пытался уговорить хоть кого-то попробовать его брагу из «тростника», а Михей и Анна скромно приветствовали прилетевших, застенчиво улыбаясь и ожидая, когда появятся Вениамин, Глеб и Макар.

Ивраоскаря нигде не было. Тарас Петрович спросил о нём Михея, как выяснилось, его никто не видел со вчерашнего вечера. «Видимо, готовит что-то серьёзное», – подумал старик, но, насильно прогнав мрачные мысли, всё же поспешил поприветствовать бывших коллег. Больше всего он скучал по Саше, который, по всей видимости, ещё не высадился с корабля.

– Что случилось? – испуганно воскликнул Фёдор, увидев, как Глеб и Вениамин, выносят из станции безжизненное тело Макара.

– Местные бросили его и ещё четверых наших на растерзание монстрам! – крикнул один из «очевидцев».

– Монстрам? За что? – группа людей, оставшихся на Еве, стала охать и жалеть о случившемся.

– Никто их не выгонял! Сами напились, как животные,

и потребовали освобождения. Вот их и освободили, – ответил Роберт, который мимолётно и без особых эмоций поприветствовал товарищей и быстрым шагом направился куда-то вглубь леса.

– Да, да! Ещё один защитник нашёлся! – крикнул кто-то из толпы в адрес ретировавшегося учёного.

Возле тела Макара собрался народ: Вениамин и Глеб, Михай и Анна, Тарас Петрович, Фёдор и остальные земляне, остававшиеся на Еве во время неожиданного полёта на Кармен.

– Что это с ним?

– Анна, ты же врач! Скажи нам, что сделать, и мы постараемся ему помочь, – предложил Тарас Петрович и тут же получил одобрение от остальных присутствующих.

Но Анна не успела даже предположить, что случилось с Макаром, как неожиданно заговорил появившийся из ниоткуда Ивраоскарь:

– Ему уже никак не помочь. Но вы можете вернуть это тело его законному обладателю.

– А что с ним произошло-то?

– Ямник забрал его жизнь, – ответил лингвист с напущенным трагизмом.

– Кто?

– Ямник. Это тварь, питающаяся человеческим сознанием и памятью. Их пустили аудрианцы на свою планету, постоянно экспериментируя с параллельными мирами, – с аб-

солютно серьёзным видом ответил лингвист.

Присутствующие молча переглянулись. Фёдор в своейственной ему манере не смог сдержать свои мысли:

– Тибо! Ты всё-таки нашёл потребителя для своей бражки, да?

Тибо махнул рукой, давая понять, что юмор тут не к месту, а Ивраоскарь надменно продолжил:

– Если не верите мне, спросите тех двоих, что удрали в лес вслед за Робертом.

– Кто-то удрал? – напряжённо спросил Марк. – Вроде все здесь.

– Саша! Саши нет! – воскликнул Тарас Петрович, уже готовый отправиться на поиски приятеля.

Но едва старик произнёс его имя, как все вдруг переменялись в лице.

– Расшибся твой Саша! – со злостью сказал один из тех, кого он подобрал на троллее.

– Как расшибся? – крикнул Фёдор.

– Ладно сам – он чуть и нас всех не погубил, – начал рассказывать один из вернувшихся. – Мы взлетаем, а он с места рванул, я, говорит, передумал, посадите меня. А как его посадить, если команда на пуск дана? Так этот полоумный шлюз открыл на ходу и сиганул! Я не знаю, на сколько метров мы успели подняться, но если он и выжил, то ноги переломал себе наверняка.

– А чего это с ним случилось? – спросил Фёдор.

– Втрескался в местную девку! – с ещё большей злостью ответил мужчина, побитый Ли-а в тот день на троллее.

– Саша, Саша... – вздохнул Тарас Петрович.

– А кто же тогда прячется в лесу? – спросил Марк.

– Два аудрианца, сбежавших со своей планеты. И нам нужно как можно скорее их разыскать, – ответил Ивраоскарь.

Тарас Петрович потащил Михея под руку в сторону. К ним присоединилась Анна и Фёдор.

– Надо решать всё здесь и сейчас, – предложил старик. – Я не доверяю тем, кто вселился в тела Вениамина и Глеба, а ещё больше я не доверяю Ивраоскарю. Но пока они все здесь, в одном месте, предлагаю поставить вопрос ребром. Что думаете?

– Согласен! – ответил Михей, как никто другой желавший быстрее разрешения ситуации.

Остальным также не нашлось что возразить, и Тарас Петрович взял слово как раз в тот момент, когда Ивраоскарь намеревался направиться на поиски двух таинственно появившихся незваных гостей:

– Господа, я прошу минуточку вашего внимания. Я понимаю, что вы только прилетели и хотели бы отдохнуть, но мы вас слишком долго ждали. Во-первых, немедленно верните тела Вениамину, Глебу и Макару. Во-вторых, дайте ответ на наше предложение.

– А ты не слишком много на себя берёшь, старик? – грубо ответил Глеб.

Вениамин его одёрнул, но вектор полемики сохранил неизменным:

– Слишком требовательный тон, Тарас Петрович. Мы же можем и отказаться.

– В таком случае, вы будете до заката вселенной летать меж деревьев... – вклинился в беседу Михей, но осёкся, тут же сообразив, что его угроза касается и Анны.

– Вы тут решайте, а мне нужно идти, – сказал Ивраоскарь и направился в лес.

– Тебя ведь не волнует, чем всё закончится? Да? – не выдержал Тарас Петрович. – Пошёл свои дела решать?

– Я в очередной раз вынужден напомнить, что присутствую здесь для подстраховки. И чтобы передать решение Великому правителю. Прения и торги меня не интересуют.

– Так не самое ли подходящее время для подстраховки? – злился капитан. – Нам не желают возвращать украденные тела! Назревает конфликт.

– Я не миротворец, – упорствовал лингвист.

– А кто ты? Зачем ты вообще сюда прилетел? – Михей постепенно переходил на крик, чем, казалось, только раздраживал Ивраоскаря.

– Подглядывать за тем, как вы нагишом в озере купаетесь.

Лингвист добился своего. Он выбил последнюю опору из-под ног капитана. Тот в три широких прыжка оказался перед ним. С лёгкостью сбил его с ног и крепко схватил за горло.

– Зачем ты здесь? – закричал Михей.

– Сильнее, сожми сильнее, – дразнил его лингвист.

Тарас Петрович и Марк попытался оторвать Михея от Ивраоскаря, но он вцепился железной хваткой. Фёдор и Тибо причитали что-то, пытаясь успокоить разъярённого друга. Но Анна не вмешивалась. Она держалась в стороне, спокойно наблюдая за происходящим. Казалось, что ей абсолютно всё равно, задушит Михей Ивраоскаря или нет. Или, возможно, она была абсолютно уверена в своём возлюбленном и, в конечном счёте, оказалась права.

Капитан, вспомнив их недавний разговор о том, что не стоит поддаваться на провокации Ивраоскаря, ослабил хватку, а потом и вовсе убрал руку с его шеи. Улыбнувшись, капитан встал и подал руку лингвисту, со словами:

– Ну, торопись, тебя уже заждались, наверно.

Михей попал в точку. Ивраоскарь попытался изобразить знакомую, надменно-воспитанную улыбку, но вместо этого лишь выдавил нервный смешок, подтверждающий хоть и частичное, но поражение. Лингвист схватился за руку разведчика, и хотя он раньше всех уверял, что это может быть небезопасно, пострадало лишь его высокомерие. Поднявшись, он бегло окинул всех присутствующих взглядом, развернулся и резво зашагал прочь на поиски непрощенных гостей.

Тарас Петрович не стал его останавливать. Ему больше не нужна была помощь этого человека. Глядя в спину убегающего лингвиста и чувствуя где-то рядом знакомое присут-

ствии, старик внезапно для себя собрал воедино весь пазл. Гаснущее Солнце, Ева, Великий Правитель, тысячи измученных заключённых и дурацкий, мучавший его, кошмар. Всё это собрано здесь воедино не по воле случая.

Образ непоколебимой, совершенной цивилизации рухнул. Нет, они не были альтруистами, ими двигало исключительно чувство собственного величия. И как только на отдалённой планете, именуемой землянами «Кармен», кто-то попытался сравняться, или даже выйти вперёд в развитии, их забота о Вселенной мгновенно обернулась попытками взять над «конкурентом» верх.

Солнце, как подсказывало ему подсознание во сне, не гасло. Но тысячи людей на Еве по-прежнему оставались в бессрочном заточении. Тарас Петрович строго определил, что не будет принимать решение один. Решать будут все. Не только цифровые узники, но и его коллеги по величайшей в истории экспедиции, подстроенной другой инопланетной цивилизацией.

Солнце ещё пряталось за горизонтом, но уже предупреждало о своём скором появлении, окрашивая небо в ярко-алые цвета. Облезлая старая дверь, преграждающая дорогу Иффриджу, тряслась под его ударами.

– Что тебе надо? Полоумный! – прохрипела старуха из-за двери.

– Откройте! Оливер, как он?

Старуха приоткрыла дверь. На сложную сеть её морщин упал отблеск солнечного зарева, обливая её седые неопрятные волосы рассветной кровью. Она высунула голову, посмотрела по сторонам и с ужасающим безразличием сказала то, что Иффридж мгновением раньше уже «услышал»:

– Он мёртв.

– Как мёртв? – машинально спросил Иффридж, сам не зная зачем.

Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь, отпихнул орущую на него старуху и вошёл внутрь.

Оливер лежал на широкой лавке, прижав руки к груди. Иффридж медленно приближался к нему, надеясь вот-вот уловить какую-то мысль, проскочившую во сне. Но мыслей не было. Вместо них Иффридж всё громче слышал стук собственного сердца. Он приложил трясущийся палец к артерии. Пульса нет. Холод, которым кожа немого встретила тёплую ладонь Иффриджа, дал понять, что умер он практически сразу, как лёг на эту лавку.

Его лицо стало другим, он перестал казаться уродливым и опасным. Мышцы, расслабившись, позволили уголкам рта разбежаться по сторонам, оставив на его лице подобие улыбки. Под ладонями на груди Оливера Иффридж обнаружил клочок бумаги с надписью: «На долгую память, любимым» и датой. Это была фотография с совсем ещё маленькими Бранко и Патрицией, которых горячо обнимал огромный на

их фоне Оливер. Он улыбался. Равно как и сейчас, скромно, сдержанно не показывая кривых некрасивых зубов.

Иффридж вложил фотографию обратно и попятился, ощущая, как чувство вины и скорбь начинают вырываться наружу. Ноги сами собой понесли его прочь. Мимо бессердечной старухи, мимо блёклых, одинаковых соседских домов, мимо очередного дня, начинающегося с чьей-то несправедливой гибели.

Пройдя несколько кварталов, он сел, упершись спиной в стену ржавого гаража, уткнулся лицом в колени и зарыдал. Но насколько сильными были эти эмоции, настолько стремительно они и закончились. Он сидел, глядя куда-то сквозь землю, отпустив свои мысли. На тот момент ему казалось, что теперь ничего не имеет смысла, что бы он дальше ни делал, что бы ни происходило вокруг него.

Ненадолго его вырвал из неосознанных размышлений жалобный писк, раздавшийся из-за гаража. Тощий, ободранный котёнок вылез из своего укрытия в надежде, что ему перепадёт что-нибудь съестное. Иффридж осторожно погладил его. «Прости, мне нечем тебя угостить», – с сожалением подумал он. Котёнок робко поставил лапу на бедро человеку. Иффридж не стал его прогонять, и вскоре животное расположилось на его коленях.

Физическая, и особенно моральная усталость сказались, и он, убаюканный кошачьим мурлыканьем, задремал с надеждой проснуться в совершенно другом мире. Но через па-

ру часов, его ждала лишь бесконечная череда трудностей, от которых не было спасения.

У Иффриджа сформировалось исключительно негативное впечатление от массовых скоплений людей на Земле. Наверняка мероприятие рядом с дворцом независимости будет не слишком безопасным. Котёнок, очень приглянувшийся ему, не вписывался в формат этого события. Поэтому нужно было его кому-то на время отдать.

Возле дома Оливера уже собралась толпа. Соседи и знакомые немого пришли узнать, не нужна ли помощь, и попрощаться. Стояла там и машина полиции, так как на освидетельствовании тела вскрылся факт огнестрельного ранения. Приближаться туда Иффриджу было опасно. Да и большого желанья у него не было. Он не понимал этой традиции «прощаться с трупом». Как бы это сухо ни звучало, но то, что лежит в украшенном цветами гробу, уже не слышит ни твоего плача, ни твоего «прощай».

Через несколько домов, на лавке, пристроенной к покосившемуся забору, сидела Патриция с красными от слёз глазами. Иффридж подошёл к ней и молча сел рядом. Девушка робко взглянула на него и тут же начала реветь.

– Да, я не пошла к нему! Я боюсь эту чокнутую старуху. И его боюсь... боялась... – рыдая, кричала Патриция.

– Боялась? Оливера? – Иффридж искренне не понимал, как, вообще, можно было бояться немого.

– Зачем ты мне пообещала, что пойдёшь к нему, если не собиралась этого делать? – спросил он, сам удивляясь собственной чёрствости.

Вид рыдающей девушки не вызвал у него ни капли жалости.

– Я собиралась, но... но не смогла. Я не думала, что всё так закончится... – причитала Патриция, едва справляясь с наплывами чувств. – Если бы я знала... Я бы пошла... Он был бы жив! – с каждым словом она всё сильнее захлёбывалась в слезах.

– До тебя так и не дошло? Его убила не пуля, а твой выбор. Он жил, смирившись с твоей смертью, видя смысл жизни в месте и попытке уберечь других от той же участи. Он, наверное, смирился бы, будь ты с его братом. Но когда ты предпочла его Массимо, он не выдержал. Трудно жить с пониманием того, что ты в глазах любимого человека хуже самого подлого, жестокого подонка.

– А что я могла сделать? Разве есть такая кнопка, чтобы нажать и разлюбить?

– Есть. Она называется разумом, – хладнокровно ответил Иффридж и тут же пожалел о сказанном.

Ведь он виноват ровно настолько же, насколько и Патриция. Он подчинялся всякий раз, когда Оливер отказывался от врачебной помощи. Он оставил его одного, раненого, в момент сильнейшего эмоционального кризиса. И сейчас он облегал свои собственные терзания, обвиняя во всём Пат-

рицию. Иффридж поймал себя на мысли, что страдание и нарастающее чувство вины девушки действуют на него как обезболивающее. Он ужаснулся себе и поспешил перевести тему:

– Можешь мне помочь?

Патриция, не в силах сказать и слова, закивала головой, даже не спрашивая, что ему нужно. Ей хотелось хоть как-то оправдать себя перед ним.

– Пригляди за ним. Сможешь? – спросил Иффридж, вытаскивая из-за пазухи котёнка.

Девушка вновь молча закивала.

– Я вернусь за ним вечером. Если... – он осёкся и на несколько секунд замолчал. – Да, вечером.

Отдав котёнка, Иффридж поспешил в сторону дворца независимости, куда уже стекались люди, спешащие в очередной раз заявить, что устали от такой жизни и хотят перемен. Их мысли, переживания и проблемы вновь стали врываться в уставшую голову доктора. Он пытался не обращать на них внимания, но они как цунами наваливались на него, пытаясь сбить с ног. Казалось, что весь этот хор пытается заставить его закричать и убежать прочь, не вмешиваясь в задуманный кем-то сценарий.

Айало уже ждал его. Он сменил старую невзрачную рубашку на приличный костюм, в котором он казался ещё меньше и худее. Седые спутанные волосы астроном аккуратно зачесал назад и даже привёл в порядок бороду. В руках у

него был огромный чемодан, словно он только что приехал из отпуска и ждал, когда его встретят.

– О, а вот и ты. Я сожалею о случившемся, но нам нужно проявить стойкость и довести дело до конца! – сказал он, пожимая руку Иффриджу. – Ты совсем дурно выглядишь! Пойдём.

В кулуарах дворца независимости Иффриджу было предложено умыться и выпить вкуснейшего кофе с чорипанами. Он немного взбодрился и был готов выслушать план действий, задуманный астрономом.

– Что я должен делать?

– Должен? Ты свободный человек. Ты мне ничего не должен. Речь о предложении. Ты даже сейчас можешь отказаться, – на полном серьёзе отвечал Айало.

– Хорошо, я перефразирую. Каков наш план?

Астроном с искренним непониманием уставился на Иффриджа:

– Я же тебе его рассказал. Ещё ночью. Тебе явно нужно поспать.

– Вы выступаете с докладом. А потом? Я выхожу – и что мне говорить?

– Приятель. Ты с первого дня, как здесь очутился, искал посольство. Так? Для чего? – спросил Айало, протягивая Иффриджу костюм, который принесла молодая эффектная девушка, – Благодарю, пернатая! – астроном игриво улыбнулся и подмигнул ей.

– Как зачем? Рассказать о предложенной сделке.

– Ну! Вот и расскажи. Считай, что это посольство. Тут чиновников и прочих шишек даже больше.

– Я расскажу. А дальше-то что?

– Дальше? Кто ж знает? Зависит от того, что ты расскажешь.

– А есть варианты? – слукавил Иффридж, давно сомневаясь в необходимости выполнения «миссии».

– Однозначно, есть, – прошептал Айало, притянув Иффриджа за рукав. – Но на меня твоя речь никак не повлияет. Едва ли меня выпустят из этого зала целым и невредимым.

– Что вы имеете в виду? – с тревогой спросил Иффридж.

– Ровно то, что и сказал. Что при любом раскладе мне не дадут уйти.

– Почему?

– Достаточно вопросов, нам пора.

Астроном взял Иффриджа под руку и потащил через сложную сеть коридоров и вестибюлей к закулисию главной сцены, где уже блистали ораторским мастерством коллеги Айалы. Иффридж шёл за ним, слушая, как гудит воодушевлённая толпа. Ему стало дурно, едва он представил себя стоящим перед ними и робко предлагающим одолжить сто миллионов жизней ради их спасения, но дороги назад уже не было.

На Еве всё обошлось без конфликтов. Глеб, Макар и Вениамин вернулись в свои тела и подверглись долгим расспросам: «Каково это – потерять, а потом вновь обрести своё тело?». И если Глеб с Макаром охотно рассказывали о своих впечатлениях, то Вениамин испуганно сидел в стороне, всё время молчал и вздрагивал при каждом шорохе. Процедура обмена телами, похоже, травмировала его.

Ивраоскарь, ушедший на поиски двух беглецов с Кармен, не появлялся несколько дней. Но его, по большому счёту, уже никто не ждал. Как только из леса вернулся Роберт, измотанный и расстроенный тем, что так и не смог найти незваных пассажиров ЗОИ, Тарас Петрович объявил о большом, судьбоносном собрании.

– Я не хочу никого обманывать и брать на себя ответственность за столь важное решение, поэтому всех вас здесь и собрал. У меня есть основания предполагать, что Солнце не гаснет, – по толпе землян пробежала волна удивлённого «ах». – Скорее всего, всё это было подстроено представителями Вуртру, планеты, на которой были мы с Фёдором. Я до конца не понимаю их мотивов, но одна из целей – это форсирование нашей экспедиции. Но суть даже не в этом. В одном я уверен наверняка: здесь огромное число узников, измученных, давно искупивших свою вину перед человечеством, которым нужна наша помощь. Я считаю, что им нужно помочь, несмотря ни на что. Что скажете?

– Я тоже так считаю! – ни секунды не думая, ответил Ми-

хей и встал рядом с Тарасом Петровичем.

Фёдор, Тибо, Марк и Николай, помешкав несколько секунд, вскоре также согласились помочь. Остальные земляне смущённо смотрели на собственные ботинки, не решаясь озвучить решение.

– Ну же! – подбодрил товарищей старик. – Никто, даю слово, не осудит вас за ваше решение. Поступайте, как считаете нужным.

Вениамин, Глеб и Макар, видимо, затаившие обиду за то, что с ними сделали, вышли из толпы и стали по другую сторону.

– Прости, Михей, – виновато бросил Глеб и опустил глаза.

– Никаких проблем, – сдержанно ответил капитан, хотя его сердце в этот момент забилось чаще. На кону стояло освобождение Анны.

– Петрович, а в чём заключается помощь-то? – спросил кто-то из толпы.

– Мы не отказываемся от «делки», даже если наше Солнце не гаснет. И будем искать способ предоставить им тела.

– Ну, раз мы не свои тела отдаём... – к группе тех, кто «за» присоединились Степан, Егор и ещё несколько бывших лесорубов.

– Я против вмешательства в жизнь других цивилизаций, – сказал Роберт, приняв сторону тех, кто против.

За ним, как за руководителем, потянулась, большая группа учёных. Михей едва сохранял спокойствие.

– Роберт, а чем, по-твоему, мы тут уже несколько месяцев занимаемся? – с улыбкой спросил Тарас Петрович, всем своим видом показывая, что не пытается повлиять на его решение.

– Так мы, когда летели, не знали, что тут уже кто-то живёт.

После долгих рассуждений и взвешивания всех «за» и «против» каждый землянин, наконец, смог определиться. Однако при подсчёте оказалось, что мнения разделились строго поровну.

– Может, кто-то сомневается в принятом решении? – спросил Тарас Петрович, с надеждой оглядывая толпу.

– А позвольте мне помочь с вашей дилеммой? – вклинился Ивраоскарь, вновь бесшумно и неожиданно появившись.

– Нет! – тут же запротестовал Михай.

– Не горячись! – прервала его Анна. – Давай слушаем его!

– Благодарю, – с гипертрофированной учтивостью сказал лингвист. – Во-первых, моё почтение за догадливость, – лингвист кивнул Тарасу Петровичу, – вы даже превзошли все наши ожидания. Во-вторых, пусть решающий голос будет за узниками Евы!

– Что ты имеешь в виду? – крикнул кто-то из толпы.

– Пусть тоже не отказываются от сделки! Пусть проголосуют за то, позволить или нет землянам жить тут, если, конечно, найдутся желающие. Если позволят, то чаша весов склонится в сторону «за», ну, а если не позволят, то в сто-

рону «против».

– Это неравноценная сделка, – вновь запротестовал Михай. – Мы не можем дать никаких гарантий, что в конечном итоге предоставим им тела. А вот толпа алчных подонков прилетит хоть завтра, дай им такую возможность.

– Вот и предоставят тела, – улыбаясь, парировал Ивраоскарь.

Этот спор ещё продолжался некоторое время, пока люди не заметили мчащихся мимо них «светлячков».

– Пойдёмте, – Анна направилась в лес, приглашая остальных проследовать за ней. – Решение вот-вот будет принято.

Глава 16. Взрывная речь

– Кхм-кхм, раз-раз, – Айало робко проверил микрофон.

Он долго не приступал к своему докладу. Мысли в его голове вертелись так, что Иффридж чуть не сошёл с ума, пытаясь понять, что происходит в голове астронома.

– Не смей! – кричащим шёпотом прохрипел Иффридж, поняв, наконец, что задумал астроном.

Но было уже поздно. Перед ним кафедра. Его чемодан раскрыт и проектор подключен.

– Господа, простите мне небольшое отклонение от темы! Мы обязательно вернёмся к разговору о нашем будущем в космосе, но сперва я хотел бы прояснить ситуацию здесь, на Земле. Я неустанно повторял, что «гаснущее Солнце» – это чья-то попытка ввести нас в заблуждение. Не может столь крупная звезда с таким объёмом термоядерного топлива гаснуть, как угли в барбекю. По всем законам астрономии, её при приближающейся гибели должно распирать во все стороны, а всё живое – сгорать от жара её пламени. И всё же факт снижения солнечного излучения заставил многих – практически всех учёных усомниться в корректности наших теорий. И действительно, мы ведь считанное количество раз наблюдали гибель отдалённых звёзд и зарождения сверхновых. Большинство этих событий произошло задолго до нашего рождения. Откуда нам знать, что нет иного сцена-

рия? А быть может эти звёзды, перед взрывом, так же слегка «остывали»?

Что ж, сегодня я, наконец, положу конец этим спорам. Взгляните на экран. Эту запись я сделал приблизительно четыре месяца назад. Да, из-за затемнённых линз трудно разглядеть детали, но абсолютно чётко видно, как некий объект приблизился к Солнцу на критическое расстояние, не позволяющее ему остаться целым. Однако, «зависнув» на некоторое время, он, как ни в чём ни бывало, улетает. Я в тот день решил, что тронулся умом. Но представляете, через полтора месяца я вновь обнаружил подозрительную активность в объективах своих телескопов. И снова этому объекту удалось улететь невредимым, побывав в самом настоящем «аду». Здесь, я, естественно, имею в виду лишь катастрофически высокие температуры.

Айало выдержал небольшую паузу.

– А ещё через некоторое время я узнаю, что на Землю прибыл инопланетянин.

Зал загудел. Коллеги Айало смеялись и махали руками, чиновники строили скептические мины, а народ, заглядывающий в окна дворца, охал и хватался за голову. Айало переждал гул и продолжил:

– Да-да, я не оговорился. Инопланетянин. Забегая вперёд, скажу, что он тоже сегодня выступит перед вами с очень интересным предложением.

На этот раз гул прервал речь астронома надолго. В за-

ле все стали переглядываться и делиться соображениями, а на улице толпа уже готова была бить стёкла, чтобы залезть внутрь и взглянуть на пришельца.

– Позвольте всё-таки продолжить, – Айало с трудом смог добиться приемлемого уровня шума и продолжил: – Итак, Солнце кто-то, или что-то заставляет светить хуже. Таково моё предположение. Что же делают наши власти? Верно! Освобождают планету для себя, избавляясь от простых людей!

От недоумения и возмущения Лбы чиновников с завидной синхронностью покрылись морщинами немого недоумения и возмущения. Самберо тут же подал знак своим амбалам вмешаться в процесс. Конечно, астроном это предвидел и был готов. Он вынул из-за пазухи небольшое устройство с проводом и осторожно пнул носком ботинка раскрытый чемодан. Когда одна из его створок упала, раскрыв своё содержимое, народ в зале ахнул и затих, а люди на улице отпряли от окон и принялись разбегаться.

– Идиоты! Куда вы смотрели? – заорал Самберо, не понимая, как астроном смог пронести через пункт досмотра огромную взрывчатку.

– Не сердитесь, господин Самберо! Они не виноваты в том, что обделены интеллектом, да и взрывчатку я принёс сюда давным-давно. Итак, я продолжу. Надеюсь, не нужно объяснять, что случится, если кто-то захочет мне помешать? Отлично! – воскликнул Айало в ответ на гробовую тишину.

– Итак, ко мне в руки попала удивительная вещь, записывающая всё, что происходит вокруг. Я потрудился и смог оцифровать данные для вас. Вы только взгляните!

На экране стали появляться кадры из «лаборатории» с хранящимися там «замороженными» телами. Кто-то в ужасе выкатывал глаза и прикрывал ладонью раскрытый рот, но большинство отказывалось верить в то, что всё это правда.

– Что за чушь? Это подделка! Монтаж! – посыпались многочисленные выкрики, ставящие под сомнение подлинность записи.

– Действительно! И я бы так подумал. Но, насколько мне известно, на сегодняшнее мероприятие по непонятным причинам не явился профессор Лейкрикс, который в глазах нашего правительства является чуть ли не главным героем по решению проблемы энергетического голода. Так где же он? – Айало что-то покрутил в своём «проекторе», и на полотне появилось изображение с капсулой, в которую укладывают учёного.

Зал в очередной раз испуганно ахнул, а люди на улице ради удовлетворения любопытства вновь прильнули к стёклам, смирившись с опасностью погибнуть.

– Что всё это значит? – закричал, краснея от злости, Самберо.

– Этот вопрос стоит задать вам от имени людей по ту сторону окон, – невозмутимо ответил Айало.

В тот же миг витражи не выдержали, и толпа стала вры-

ваться внутрь, желая поквитаться с представителями власти. С трудом, но астронавту удалось успокоить толпу и завладеть их вниманием.

– Прежде чем вы начнёте бессмысленное кровопролитие, предлагаю выслушать того, кто был в этих крио-хранилищах. Того, кто прилетел к нам в гости и был принят не самым подобающим образом. Того, кто нуждается в нашей помощи и может при этом помочь нам. Доктор Иффридж!

Вместо оваций в зале повисло безмолвие. Иффридж, стоя за кулисой, слышал биение собственного сердца. Он понимал, что ему в любом случае придётся выйти. Но он до сих пор не решил, что сказать. Едва он сделал шаг на сцену, по залу пробежала волна удивлённого шёпота. Народ ожидал увидеть стереотипного зелёного человечка с яйцеобразной головой, но никак не обычного, ничем не отличающегося от них человека.

У Иффриджа скрутило желудок от волнения. Он еле передвигал непослушные ноги в сторону кафедры. Айало двинулся к нему навстречу, подхватил его под руку и шепнул:

– Не робей. И помни, никто не вправе лишать тебя выбора!

– Разве есть выбор?! – голос Иффриджа сорвался на фальцет.

– Если тебе кажется, что весь мир против решения, которое ты хочешь принять, то, скорее всего, оно верное! А дальше решать тебе: поддаться, стать одним из них, или назло

судьбе сделать этот шаг! – астроном похлопал Иффриджа по плечу и уступил место на кафедре, встав чуть поодаль, не выпуская детонатора из рук.

– Приветствую всех, – неуверенно начал Иффридж.

Он невольно встретился взглядом с Самберо, и в этот миг весь его страх испарился, ему на смену пришла ненависть и злоба к нему и десяткам таких же, как он. Иффридж мысленно спросил его: «Помнишь меня?» А Самберо, увидев «инопланетянина», побагровел и принялся орать:

– Опять ты? Какой же это инопланетянин? Обыкновенный рецидивист, провоцирующий толпу на драки и беспорядки. Вы же уважаемый человек, – обратился чиновник к астроному, – зачем вы связались с этим проходимцем?

– Самберо, какого чёрта тут происходит? – рявкнул сидящий неподалёку мужчина, едва уместившийся в кресле.

Судя по тому, как забегали глазки у Самберо, это была крупная фигура, этот человек вполне мог решить его судьбу не лучшим образом.

– Я сейчас всё улажу.

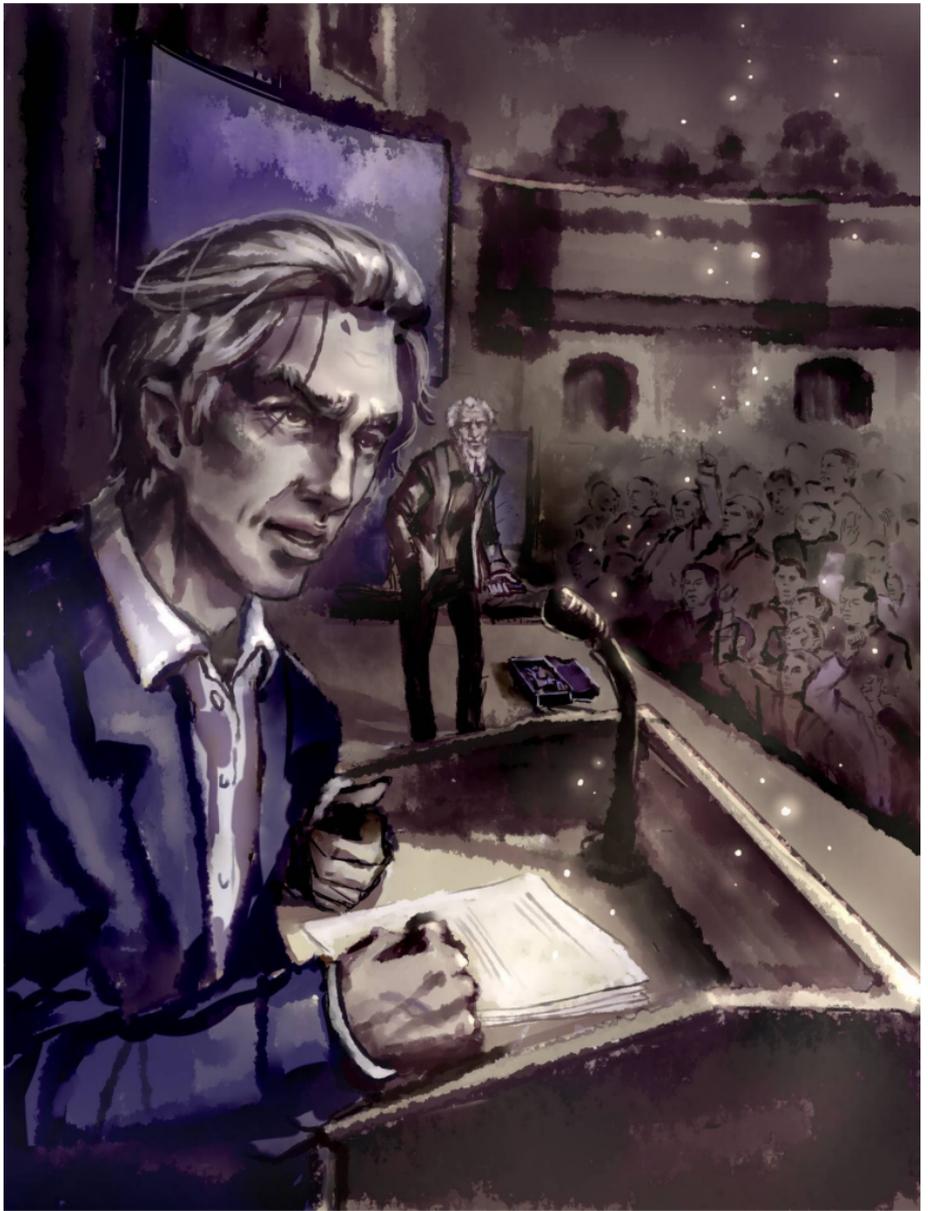
– Позвольте всё же мне закончить, – продолжил Иффридж. – Любому, у кого имеются сомнения в моём происхождении, я готов это доказать.

– У тебя минута! – недовольно рявкнул толстый мужчина.

– Позвольте не согласиться, – вмешался Айало, демонстрируя кнопку в руке. – По-моему, у доктора Иффриджа куда больше времени.

Толстый чиновник злобно фыркнул и бросил испепеляющий взгляд на Самберо, который в тот момент терял остатки самоконтроля.

– Итак. Я, действительно, прибыл с другой планеты. Нет, господин Ниарди, – Иффридж указал пальцем на одного из присутствующих, – я не сошёл с ума, а вот вы, вероятно, излишне вчера выпили и мучаетесь похмельем.

Несколько минут Иффридж умело отвечал на безмолвное сомнение зала, вызывая всё большее удивление и интерес к своей персоне. В конце концов, префект – тот самый толстый мужчина, что кричал на Самберо, прервал этот процесс:

– Допустим, мы тебе поверили. Что ты хочешь? Зачем вы всё это устроили?

– Ну, во-первых, чтобы люди узнали правду. Что вы под-вергаете людей крионике, обманом заставляя подписывать соглашение. А, во-вторых, я планировал предложить вам сделку.

– Какую сделку?

У Иффриджа резко перехватило дыхание. Он обернулся в надежде найти поддержку у астронома. Тот стоял и невозмутимо смотрел в глубину зала, едва заметно ухмыляясь. Ка-залось, что его ничуть не пугал тот факт, что отсюда он уже никогда не выйдет.

– У вас дефицит энергии, у нас дефицит репродуктивных тел. Мы могли бы помочь друг другу, – выдавил из себя Иф-фридж.

Перед его глазами замелькали кадры пережитых мгнове-ний на Земле: побоище на площади, ужасная война, описан-ная в книге, замороженные люди, смерть Оливера, нищета, мучавшая население.

– Так давайте поможем! – улыбнулся префект. – Убери-те взрывчатку. И давайте конкретнее, как вы можете помочь

нам? Как мы в ответ должны помочь вам?

– Вы могли бы предоставить нам сто миллионов репродуктивных тел. А взамен... – Иффридж замялся.

– Что? Вы должны предложить что-то весьма существенное.

Префект воспринял слова про сто миллионов тел с нечеловеческим цинизмом и спокойствием. Казалось, что он договаривался о цене буханки хлеба на рынке. Он всерьёз и с интересом ждал предложения Иффриджа.

– Взамен мы, мы могли бы... – вновь драка на площади, Оливер, серые обветшалые кварталы не давали ему говорить. – Мы могли бы позволить вам жить...

Полуоткрытые рты ожиревших подонков, ожидавших поступления «выгодного предложения», гудящая толпа, готовая разорвать на куски любого, едва закончится это представление, злобная старуха, ненавидящая собственного сына, тощий, ободранный котёнок, не нашедший в этом мире и капли заботы.

«Что, что здесь стоит спасения? – подумал Иффридж. – Разве что Оливер, но его уже не вернуть. Его я спасти не сумел».

– Мы могли бы позволить вам жить на нашей планете, – закончил Иффридж, но тут же добавил: – Могли бы, но ни за что этого не сделаем.

В этот момент за его спиной раздался радостный возглас:

– Браво, доктор Иффридж! Блестящая речь. Кажется,

просто необходимо закончить её праздничным салютом.

Озадаченность и возмущение на лицах чиновников в связи с отказом от сделки со стороны её же инициатора быстро сменились ужасом и паникой, когда боковые стены дворца независимости разлетелись вдребезги. Иффридж упал. В голове засвистело. Кто-то помог ему подняться и потащил его прочь со сцены.

Уже известная многим процедура яркой россыпью цветов сообщила присутствующим о принятии решения. Земляне, наблюдавшие за этим впервые, замерли с раскрытыми ртами и провожали взглядом разлетающихся «светлячков».

– Ну, что решили? – спросил Тарас Петрович.

– Большинство из нас не против, если вы будете жить среди нас, – ответила Анна.

– Получается, уговор в силе? – радостно воскликнул Фёдор.

– Получается, – ответила Анна и тут же растворилась в воздухе.

– Что с ней? – обратился Тибо к Михею. – Всё же закончилось как надо.

– А как надо? – ответил Михей. – Не все хотят пускать сюда землян. И таких немало. И едва ли они согласятся с мнением большинства. И, откровенно говоря, я их в чём-то понимаю.

– Понятно, что не все, – почёсывая бороду, пробубнил Ти-бо. – Но что, их, действительно, много?

– Почти половина.

– И, судя по реакции Анны, она среди них? – спросил Тарас Петрович.

– Да, – капитан невозмутимо посмотрел старику в глаза. – И я тоже.

– Друзья! Нет больше ни малейшего смысла спорить! – вмешался Ивраоскарь. – Я надеюсь, что Анна по-прежнему где-то рядом, ведь у меня важная новость. Иффридж, будучи в теле Георгия, не смог найти на Земле ничего, что достойно спасения. И, увы, попытался аннулировать предложение Великого Правителя.

– Попытался?

– Да, попытался. Но, боюсь, что люди, окружающие его в данный момент, имеют на этот счёт иное мнение. Я бы на вашем месте готовился к непрощеным гостям.

Иффридж двигался среди мечущихся в панике граждан с одной лишь мыслью в голове: что он всё сделал правильно. Но у ведущих его под руки амбалов из окружения господина Самберо был свой взгляд на происходящее. Несмотря на достаточно грубые манипуляции и угрозы с их стороны, Иффридж чувствовал себя совершенно расслабленно и легко. От него теперь ничего более не зависело.

Считанные минуты прошли после взрыва до того момента, как он очутился в камере перед пышущим яростью господином Самберо. Он стоял перед ним, расхаживая из стороны в сторону, кричал и, не в состоянии сдерживать эмоции, размахивал руками. Позади него стояли двое вооружённых солдат, готовых в любой момент разорвать любого, кто представит опасность для их хозяина.

– Подонок! Ты, вообще, осознаёшь, что ты натворил? Что теперь будет? А? Революция! Они же всё вокруг разнесут! Они ни черта больше не могут! Только митинговать и крушить!

– А что умеешь ты? – Иффридж позволил себе отпустить эту дерзость, в ответ на которую чиновник нанёс ему несколько тяжёлых ударов.

– На что ты рассчитывал? – наклонившись, орал Самберо. – Удрать? Х-ах! Ты осознаёшь, что ты теперь не жилец? А?!

– Я, может, и не жилец, но вы не посмеете убить тело, которое я позаимствовал. Это известный учёный, который отправился в межпланетную экспедицию. Вы можете отправить запрос. Георгий Сокуров. Вам пришлют его фотографию, полюбуетесь.

– Серьёзно? – протянул Самберо. – Ну что ж, пойду, отправлю запрос. Дело-то нешуточное!

Читать мысли в таком состоянии было, пожалуй, невозможно. И Иффридж принял слова Самберо за чистую монету.

ту, но тот, сделав вид, что уходит, быстро развернулся, со всей силы шарахнул Иффриджу по голове и перешёл на визжащий тембр.

– Ты полоумный? Я? Не посмею тебя убить? Какое, к чёрту, тело учёного? Мне плевать! Слышишь? Плевать. Я с удовольствием раскрою тебе башку без каких-либо запросов и всяческих сожалений.

Самберо резко выпрямился, вышел из камеры и начал давать распоряжения своим подчинённым. Один из них тут же побежал куда-то их исполнять, а чиновник продолжил морально истязать Иффриджа:

– Я дам тебе время насладиться страхом перед приближающейся смертью. Это, говорят, гораздо хуже, чем сама смерть. Хочешь что-нибудь сказать?

– Спасибо! – с улыбкой ответил Иффридж, обескуражив Самберо.

– В каком смысле? Похоже, крепко я тебе вмазал. Не вздумай подохнуть раньше времени.

– Нет, я в порядке. Вы каждую секунду убеждаете меня в том, что я поступил правильно, избавляя меня от терзаний совести.

– Поступил правильно? Как будто твоё слово что-то решает! Через месяц мы будем на твоей планете. И ты не сможешь нам помешать. Избавил я его от терзаний! Ну что ж, скоро я тебя ещё кое от чего избав...

Речь Самберо резко прервалась глухим ударом приклада

о его затылок. Он повалился на решётку и сполз вниз. Дверь камеры открылась, и один из его солдат, что мгновение назад с невозмутимым видом изображали преданность, протянул руку Иффриджу, помогая подняться.

– Не делай этого, – вместо благодарности сказал Иффридж, прочитав мысли солдата.

– Мои тётя и двоюродная сестра пропали месяц назад. Он знал, что она меня растила и была мне как мать. Но его это не остановило, – ответил совсем молодой паренёк, с ненавистью глядя на бессознательное тело чиновника.

– Чем ты будешь лучше него, если совершишь то, что задумал?

– Вы свободны. Никто вас в этом участке не остановит.

– Спасибо. Могу я узнать, что с астронавтом, который вывел меня на сцену?

– Его после взрыва никто не видел. Но активно ищут.

Иффридж вышел из камеры и отправился к выходу. Краем глаза он увидел, как парень с трудом приподнял увесистое тело Самберо и затащил его в камеру. «Там ему и место», – подумал Иффридж, мысленно похвалил юношу и ускорил шаг.

Повсюду творился хаос. Страшная правда быстро разлетелась по всему городу. Жители, обезумев от злости, принялись крушить всё, что им попадалось под руку, не задумываясь о смысле этих деяний и последствиях. Локально им противостояли малочисленные отряды силовиков, которые, как

казалось со стороны, не до конца понимали, противостоять толпе, или к ней присоединиться.

Несмотря на опасность передвижения по городу, Иффридж твёрдо решил заглянуть к Патриции. То ли его тянуло увидеться хоть с кем-то, кто будет рад его видеть, то ли он переживал за судьбу несчастного котёнка.

– Он отзывается на «Оливер»! – с грустью в глазах сказала Патриция, встречая Иффриджа.

– Я попрошу тебя присмотреть за ним. Я не могу его забрать, – выпалил Иффридж, опустив голову и глядя котёнка.

– Хорошо.

– Прощай, Патриция.

В этот момент он ощутил необъяснимое желание её обнять. То же самое он обнаружил и в мыслях Патриции. Но что-то их остановило. С притворным равнодушием, глядя на краснеющие глаза девушки и едва заметно дрожащую губу, он развернулся и медленным шагом направился прочь из этого неприветливого города.

Глава 17. Чем больше вариантов, тем труднее выбор

Обе стороны сделали свой выбор, и дальнейшее пребывание лингвиста на Еве, казалось стало бессмысленным. Но он не спешил возвращаться с докладом на Вуртру. Вместо этого он часами напролёт пытался найти двоих самозванцев, прилетевших с Кармен.

Интерес к ним был не только у Ивраоскаря, но и у Роберта, который чувствовал себя использованным и обманутым. Никакого оборудования, способного сделать его великим учёным на Земле, он так и не получил, но, не оставляя надежду, продолжал попытки найти аудрианцев и спросить с них.

Коллеги Роберта не разделяли его позиции и осуждали за такое авантюрное решение. А он, в свою очередь, обвинял их в трусости и недалёковидности. В очередной раз возвращаясь в лагерь после наступления темноты, Роберт встретил того, кого меньше всего ожидал увидеть – своего бывшего подчинённого, который, в действительности, никогда ему не подчинялся.

– Ну, привет, начальник.

– Георгий? С ума сойти! Ты научился общаться, как они?

– Научился. А вот ты, судя по всему, совсем потерял рас-

судок! – порывисто сказал Георгий.

– И ты туда же? Не ожидал. Ты всегда был смелым и современным учёным. Даже слишком смелым. И что с тобой случилось? Вся храбрость пропала вместе с телом?

Облик Георгия исчез.

– Куда же ты пропал? – поинтересовался Роберт.

Но, услышав приближающиеся шаги, замолчал и испуганно обернулся.

– Прошу прощения! Это я его спугнул, – сказал Ивраоскарь. – Ваш коллега весьма успешно от меня скрывается. Несколько часов не могу его настигнуть!

– А зачем он вам?

– Затем, что он знает, где найти аудрианцев, – ответил лингвист, продолжая концентрироваться на окружающем фоне в надежде почувствовать присутствие Георгия.

– А те двое вам для чего сдались?

– Давненько с ними не виделся. Желая справиться об их здоровье.

– Понятно, – презрительно буркнул Роберт. – Очередная тайна, недостойная наших ушей?

– Никакой тайны. Всего лишь нежелание тратить время на объяснения, – откровенно ответил Ивраоскарь.

В этот момент образ Георгия восстановился:

– У меня времени полно. Рассказать тебе?

– О, а откуда вдруг появилась такая смелость? – удивился Ивраоскарь. – Так лихо от меня удирали буквально несколь-

ко минут назад. Что изменилось?

– Смелость? Удирал? – удивился Георгий. – Кем же вы себя возомнили? Думаете, вас все вокруг боятся? Решили, что вправе вмешиваться в чужие жизни? С какой стати?

– С такой, что благодаря нашему вмешательству уже спасены миллиарды жизней в разных уголках Вселенной, – невозмутимо ответил лингвист.

– А они того стоили? – спросил Георгий и тут же продолжил: – Я не бегал от вас. А пытался увести подальше от лагеря, чтобы дать возможность им договориться, без вашего вмешательства.

– Вы считаете, что я, проделав весь этот путь, не имел права при этом присутствовать?

– Кто я такой, чтобы решать, имеешь ты право или нет? Они просто меня об этом попросили, – ответил геолог.

Ивроскарь опустил голову и замолчал. Роберт смущённо переводил взгляд с одного собеседника на другого. Лингвист на мгновение двинулся в сторону лагеря, но тут же остановился, обернулся и обратился к присутствующим:

– Вы же учёные! Неужели вы не в состоянии понять мои стремления? Или ваша жизнь настолько коротка, что вы не замечаете безысходности познания этого мира?

– Что вы имеете в виду? – спросил Роберт.

– Примерно за две тысячи лет, что я живу, где я только ни был и чего я только не видел, но любая цивилизация, раньше или позже, упирается в преграду научной обречённости.

Опережая ваши вопросы, поясню, что это состояние, когда человеческий мозг открыл и создал всё, на что способен.

– Что за чушь! – воскликнул Георгий.

– Да, мы тоже думали, что с приходом нового поколения всё изменится. Появятся новые идеи, а за ними и новые открытия. Но, увы. В нынешнем состоянии Вуртру живёт десятки тысяч лет.

– А причём тут те двое?

– Они, возможно, сумели найти что-то новое, неизведанное раньше. Да, безумно опасное, но потенциальные знания, которые мы могли бы почерпнуть, с лихвой всё компенсируют.

Речь Лингвиста не произвела на Георгия особого впечатления. Он равнодушно молчал, то исчезая, то появляясь снова. А вот Роберт, казалось, понимал, о чём говорит Ивроскар, и задумался. Георгий, почувствовав это, поспешил оправдаться:

– Что, что я должен был сделать? Какую бы цель ни преследовало ваше любопытство, они имеют полное право его не удовлетворять!

– А как же я? – воскликнул Роберт, вспомнив вдруг о вознаграждении, которого его лишили. – На обман они разве имеют право?

– Я не знал, что они тебе что-то обещали, – недовольно ответил геолог.

– Ну, выходит так, что теперь тут не я один имею отвра-

тительную репутацию? – спросил Ивраоскарь?

– С репутацией тут у всех не очень. В этом суть всей экспедиции, – с отвращением ответил Георгий и исчез окончательно.

Роберт и Ивраоскарь поспешили к лагерю в надежде застать аудрианцев.

В лагере всё шло своим чередом. Тарас Петрович и Фёдор томилась в ожидании возвращения Ивраоскаря. Они, несмотря на то что друг с другом никогда об этом не говорили, оба не хотели, чтобы на этом их приключение заканчивалось, даже с учётом недоверия к лингвисту.

Тибо, получив от Анны гарантию, что полученный им напиток не может представлять никакой опасности, развернул массовое производство браги из «тростника». При этом объёмы производства в разы превышали спрос, точнее, спроса не было вовсе, но это занятие, судя по всему, помогало скоротать время, наполнив жизнь хоть каким-то смыслом. Впрочем, сам Тибо принялся регулярно употреблять собственный продукт, из-за чего всё время был слегка навеселе.

Остальные земляне, чтобы занять себя, обустроивали лагерь. Кто-то, сняв с джипов последние панели, собирал электростанцию. Кто-то строил ангар для хранения собранной провизии. Кто-то пытался организовать водопровод, чтобы не было нужды каждый день бегать к ручью.

Учёные, наконец, занялись делом. Вместо бурения скважин и поисков золота они стали переписывать местные виды животных и растений. Через несколько дней материала набралось на несколько томов научных энциклопедий. И это ещё не дошёл черёд до водного мира.

Казалось, жизнь на Еве направилась в нужное русло. Люди, не нанося вреда окружающему миру, улучшали собственную жизнь и создавали задел на будущее, для своих потомков. Но не успели цифровые узники и жители лагеря привыкнуть к новому быту, как двое самозванцев, покрытых чёрными панцирями, нагло разрушили едва устоявшееся положение вещей.

Они не спеша приближались, держа в руках массивные ящики. Земляне, увидев их, тут же забили тревогу. Многие, кому посчастливилось побывать на Кармен, помнили, как лихо они расправлялись с землянами, пуская искры прямо из ладоней.

Сбившись в толпу, земляне готовились к худшему. В головах у всех витала одна и та же мысль: «Неужели вдвоём попрут на всех нас?» К всеобщему облегчению, аудрианцы остановились в нескольких метрах. У одного из них чёрный панцирь начал разбегаться, открывая лицо.

– Мы вам не враги! – тут же транслировал он из-под маски, прикрывавшей половину лица. – Мы пришли просто поговорить с вами и теми, кто здесь заточён.

– О чём? – нервничая, спросил Вениамин, вспомнив дав-

но забытую должность.

– О мирном сосуществовании. И, возможно, о спасении заключённых.

– Говорите, – тут же подхватил Михей, готовый выполнить практически любые условия.

– У нас есть часть оборудования для... – аудрианец замешкался. – Для биологической фермы. Мы могли бы изготовить для вас обезличенные тела в обмен на возможность спокойно тут жить.

– Напрашивается весомое противоречие, – сказал Тарас Петрович.

– Так и есть. Оборудование для фермы слишком объёмное, тем более, учитывая количество тел, в котором вы нуждаетесь. Поэтому мы взяли лишь самые необходимые узлы. Остальное придётся собрать из деталей вашего корабля.

Земляне замолчали. Михей, опустив голову, развернулся и направился вглубь толпы. Он понимал, что ни при каких условиях не сможет убедить весь экипаж остаться на Еве. Обида и разочарование от очередного провала, вновь оставляющего его по другую сторону реальности с Анной, рвались наружу.

– Погодите! Чего вы носы повесили?! – с энтузиазмом начал Николай. – Здесь столько физиков, инженеров, химиков. Мы в два счёта соберём вашу ферму. А когда создадим необходимое количество тел, снова соберём корабль и полетим домой, имея за плечами ценнейший научный опыт межпла-

нетного сотрудничества!

В глазах землян вновь заиграл огонёк надежды, который, впрочем, был мгновенно потушен одним из аудрианцев:

– На производство такого количества тел понадобятся годы!

– А есть ли у нас теперь, вообще, выбор? – вмешался Фёдор. – Едва ли миллионы узников станут спокойно наблюдать за тем, как от них улетает их новая жизнь.

– Выбор есть, – вновь ответил человек в маске. – В случае вашего отказа мы не будем помогать заключённым, тем более, если они попытаются удержать вас силой. Мы улетим вместе с вами. Нам есть что предложить и землянам.

Услышанное, с одной стороны, успокоило присутствующих, с другой, взволновало ещё сильнее, ведь иногда проще и легче, когда у тебя нет выбора, и остаётся делать то, что приходится. Теперь же им предстоит ответственное решение: спасти себя и улететь домой, или спасти миллионы жизней, заточив себя на несколько лет на чужой планете.

На этот раз долго никто не прерывал молчания, не находя уместных для столь непростой ситуации слов. В какой-то момент Тарас Петрович посмотрел на Фёдора, надеясь найти в его глазах спокойствие и уверенность, но вместо этого его будто пронзило стрелой – настолько очевидное и простое решение в очередной раз ускользало от пытливого человеческого ума.

– Друзья! – воскликнул Тарас Петрович, не сумев сдер-

жать восторг. – Есть и другой вариант! Георгий, точнее, узник Евы в его теле сейчас на Земле! А корабль тут. Значит, есть и другой способ вернуться всем желающим домой. Дождёмся Ивраоскаря, он подтвердит моё предположение.

– Я не в восторге от идеи доверить наши жизни этому проходимцу, – недовольно крикнул кто-то из толпы.

– Я тоже, – подхватил Михей. – Но, боюсь, что у нас нет выбора.

Не успел бывший разведчик перечислить все аргументы, почему стоит рискнуть положиться на Ивраоскаря, как двое аудрианцев вдруг занервничали. Тот, кто рискнул показать своё лицо, хоть и частично скрытое маской, тут же покрылся таинственной бронёй. Земляне сначала не понимали, в чём дело, но, когда вдалеке, меж деревьев, замелькали фигуры Ивраоскаря и Роберта, всё стало ясно.

– Вы что-то от него скрываете? – осторожно поинтересовался Тарас Петрович.

– Нет. Но мы не желаем, чтобы кто-то без спроса лез нам в голову.

– Приветствую вас! – протяжно, с уже привычной учтивостью сказал Ивраоскарь. – Уже уходите? Очень жаль.

– Послушай, Ивраоскарь. Мы же можем без этого корабля как-то попасть на Землю? – спросил Михей, удивив лингвиста: прежде капитан всячески старался избегать общения с ним.

– Это возможно. Одного мы так уже отправили.

– Поможете нам отправить так же остальных? – продолжал наседасть Михей.

– Всех? – удивился Ивраоскаръ. – Ну, это, конечно, выполнимо, но думаю, что в пункте назначения у вас могут возникнуть проблемы.

– Мы их решим.

– А-а, – протянул лингвист, который из-за расспросов капитана только сейчас понял, что к чему. – Вы тут уже договорились? Что ж. В таком случае, мне кажется, будет справедливо, если и я назову свою цену.

Аудрианцы тревожно переглянулись. Среди лесорубов раздались нервозные междометия и пугливые догадки.

– Называй! – вновь неожиданно резко и уверенно ответил Михей.

– Почему ты решаешь за всех нас? – возмутился Вениамин, на которого временами набегало осознание того, что он руководитель, который уже давно ничем не руководит.

– Что я решаю? – рявкнул на него Михей. – Я на что-то нас обрёл, дав ему возможность озвучить свои условия?

Вениамин замолчал, почувствовав, что попытался вставить своё решительное «против» не в нужный момент.

– Так вот, – продолжил лингвист с наступлением тишины, – если вы хотите попасть домой, несмотря на то, что вашу станцию разберут, вы, во-первых, предоставите двоих представителей для службы Великому Правителю. Во-вторых, вы, – лингвист жестом указал на аудрианцев, – снимете,

наконец, этот панцирь.

– Ну, один чёрт, без жертв не обойтись! – в сердцах воскликнул Тибо.

– Почему же? Вы можете отказаться, – спокойно ответил Ивраоскарь.

– И остаться здесь на несколько лет? Или приговорить бе-долаг повторно на пожизненный срок? Тьфу! Тоже мне, вы-бор! – продолжал горячиться нетрезвый лесоруб.

– Я практически уверен, что в скором времени этот ко-рабль здесь будет не единственным средством передвиже-ния. Скоро сюда прилетит очередная партия землян. Вы сможете улететь с ними.

– Вот уж не думаю, что с ними легко будет договориться о том, чтобы не захватывать новые, нетронутые земли, а вер-нуться восстанавливать свои, – предположил Михей, пони-мая, что Ивраоскарь и не имел в виду уговоры, а куда более радикальные методы.

– Не нужно никого уговаривать, – вклинился Фёдор. – Петрович, ты ж всю жизнь мечтал о приключениях. Давай согласимся?!

– Я мечтал о свободе, «служба» Великому Правителю её не подразумевает. А ты с чего вдруг стал авантюристом? Ты ж буквально вчера тени собственной боялся, – рассмеялся старик и по-товарищески толкнул Фёдора локтем.

– А теперь не боюсь, – слегка заносчиво ответил атлет.

– Ну что ж... – Тарас Петрович ненадолго задумался. –

Мы с Фёдором согласны с твоим «во-первых».

Десятки взглядов, как по команде уставились на гостей с соседней планеты. Ивраоскарь подошёл к ним вплотную и стал нагло всматриваться им в лица.

– Ну же! Вы же говорили, что вам нечего скрывать! – не выдержал напряжения Михей.

У одного из них – того, кто уже показывал своё лицо – панцирь стал неторопливо «разбегаться», второй аудрианец никак не реагировал. Лингвист сверлил взглядом человека, показавшего лицо, по-видимому, «читая» его мысли, а затем настойчиво произнёс:

– Теперь вы.

Чёрный экран, защищавший столь ценные мысли, начал растворяться. Чем больше открывалось лицо аудрианца, тем сильнее росло удивление лингвиста, которое, в конечном счёте, растворилось в довольной улыбке:

– Поверить не могу! Магистр Имк! Собственной персоной! Боюсь даже представить, какой переполох вы устроили, сбежав с собственной планеты.

Каждый остался при своём. Ивраоскарь выведал всё, что ему было нужно. Фёдор и Тарас Петрович обеспечили себя увлекательными буднями в рядах лазутчиков Великого Правителя. Узники Евы, наконец, получили шанс вновь почувствовать свежесть здешнего воздуха. Михей с остервенением

помогал собирать биологическую ферму, подгоняемый желанием обнять Анну. Аудрианцы нашли пристанище, в котором нет ямников, амфер и пугающих аномалий. А члены экспедиции получили право выбирать: вернуться на Землю, или начать новую жизнь здесь.

Установилось, как казалось, полное равновесие. Однако остались нерешённые вопросы, способные всё кардинально изменить. Суждено ли сбыться предсказанию Ивраоскаря? Предпримут ли земляне попытку завладеть нетронутой землёй? Сможет ли Иффридж найти нелёгкий путь домой. Как на Кармен отреагируют на бегство магистра?

Ответы на эти вопросы способны в любой момент нарушить с трудом добытое спокойствие и возобновить борьбу людей за собственное счастье.